

Пролог

Черно-фиолетовые тучи полностью заволокли небо. Начал накрапывать дождь. Мелкий, колкий, он остро жалил и леденил кровь. К нему присоединился ветер, такой же холодный и мерзкий. Он даже не дул толком, а жалобно скулил, просовываясь сквозь щели в стене узкой, плохо протопленной комнаты. Потолок в ней был настолько низок, что, казалось, вот-вот рухнет и придавит. В дальнем углу одиноко горела свеча, а на стене напротив плясали две огромные тени, вершившие правосудие: одна – сгорбленная и косматая, опирающаяся на причудливо изогнутый посох с набалдашником в виде птичьей головы; другая – костлявая, с крючковатым носом и длинными кривыми костяшками-пальцами.

- Луна скоро исчезнет в своём свете. Надо торопиться, – даже не голос, а замогильный хрип пронёсся из одного угла комнаты в другой, на секунду заставляя дождь стучать по крышам слабее, а ветер скулить тише.

- Первая луна утонет навеки, вторая останется и будет править миром, – другой голос своим благозвучием был не краше первого.

- Вторая луна растворится в свете первой, а первая взойдёт на небосвод, – ответили раздраженно.

- Пророчество читал я в свете лун и говорю, что первой не видать света солнца, вторая же будет сверкать ярче великого диска.

- Вторая принесёт лишь разрушения. На небосводе нет места двум лунам. Вторая должна исчезнуть навсегда.

Сгорбленная и косматая тень просеменила мелкими шажками из одного угла комнаты в другой, коснулась набалдашником свечи, и та вмиг загорелась желто-оранжевым огнём.

- Время течёт быстро. Луна уже коснулась своего близнеца. У нас осталось не более часа, – промолвила костлявая тень, наблюдая, как играет маленькое, не греющее пламя.

- Король дал согласие?

Крючковатый нос кивнул в ответ.

Сгорбленная тень беспокойно заметалась из стороны в сторону. Так сильно и беспорядочно, что горб увеличился в размерах и раздулся почти до потолка.

- Боги не простят нам ошибку.

- Время поджимает. Луна почти растворилась. Нам нужно сделать выбор.

Горб на спине тени вдруг принял форму головы, и та согласно кивнула. Руки тени раскинулись в стороны, превращаясь в рваные чёрные крылья, несколько раз взмахнули и устремили своего хозяина в раскрытое окно навстречу ночной мгле.

Из-за тяжелой, переполненной скорбью тучи показалась бледная луна. Она смотрелась одинокой из-за своей белизны, но одной она не была. Прямо за ней, озаряя небо ярким светом, подобно солнечному, сверкала вторая. Сводя с ума янтарными всплесками, она старалась заглянуть в глаза каждому ночному прохожему, волей случая или же по собственной воле оказавшемуся вне дома; пыталась проникнуть сквозь густые заросли леса, в звериные норы и муравейники; даже море раздосадовала так, что оно шумело и бурлило, взрываясь могучими волнами, разбивавшимися о скалы, а луна пользовалась случаем и заглядывала в морскую пучину.

Но пришло и её время, и последняя оранжево-желтая вспышка утонула в бледной тени старшего близнеца. Ветер стих, древесная листва перестала волнительно шуметь, а море успокоилось и, измотанное, тоскливо зашелестело галькой у берега.

Две темные тени разошлись. Одна в одну сторону, другая – в другую. Но сгорбленная и косматая, по пути долго спотыкаясь о камни и падая в ямы, внезапно остановилась и задумчиво пробормотала:

- Богам плевать на наши ошибки... Они просто сделают так, как и задумывали изначально.

Глава 1. Обещание

Затевающие войну сами попадают в свои сети.

25 лет спустя

Торренхолл, южная провинция Нолфорта

Последний луч солнца на мгновение прорвался сквозь задернутые портьеры и скользнул по одной из старых, местами покрытых пылью картин. Морщинистый старик, смотревший с древнего полотна, выглядел уставшим и опечаленным. Возможно, приглашённый художник взмахнул кистью не в самый славный период жизни старого лорда. Или же увиденное сквозь века поразило прежнего хозяина замка до глубокой грусти и продолжало печалить по сей день. Бархатный свет заката ещё раз пробежал по морщинкам в уголках глаз некогда важного мужа и погас, уступив место сварливому треску свечей.

Где-то вдалеке пропела птица, провожая песнью разморенное солнце. Пропела громко и тоскливо, будто прощалась с ним навсегда. А ответом ей были неторопливый стрекот ночных кузнечиков и кваканье лягушек в пруду.

В скудно освещённой комнате было тепло и тихо, и пахло растертыми в ступе лимонником и аралией. Вместе, они беспощадно перебивали ароматы чайной розы и грушевых деревьев, струившиеся через раскрытую оконную створку из старого ухоженного сада и будоражившие любое голодное воображение. Но томной пряной страсти не было отведено места среди сонной тишины, царившей в четырех стенах. Не было здесь места и живому смеху, и веселому шуму – лишь вечная, отдающая запахами лекарственных трав, дремота, граничащая со смертью, с которой никто не стремился бороться.

Недалеко от окна, согнувшись над небольшим изящным столом с резными ножками, топтался старик и время от времени приглушённо кашлял. Его крючковатый нос нырял то в одну склянку, то в другую, что были расставлены на столе и содержали малоизвестные и редкие травы. Трясущаяся правая рука лишь с третьей попытки смогла ухватить пинцет и лишь с пятой – желто-оранжевый цветок, чтобы затем аккуратно опустить его в колбу с бурлящей зеленовато-коричневой смесью.

Поклодовав над снадобьем, старик осторожно перелил горячую жидкость в серебряный кубок, слегка подул и с кубком в руке зашаркал в сторону широкой кровати, стоявшей у стены напротив. Там, среди вороха одеял и подушек, лежал пожилой мужчина с бледным лицом и почти бескровными губами. Впалые глаза бесцельно смотрели сквозь узкие щелки, изредка подрагивая от раздражающего света редких свечей. Худые костлявые руки лежали поверх одеяла и не шевелились. Все своим видом мужчина походил на мертвеца, нежели на больного, и даже несведущему было понятно, что жить ему осталось недолго.

– Выпейте, лорд Стернс, – голос старика напоминал карканье ворона. – Это придаст вам сил и подарит ещё пару дней.

Старик поднес к губам лежащего на кровати хозяина кубок с отваром и терпеливо ждал, когда тот сделает глоток.

– Зачем ты так печёшься обо мне, Дагорм? – с трудом находя в себе силы, выдал Стернс. – Позволь мне поскорее умереть. Мой век давно окончен, стоило ли жить?

– Оставьте богам право распоряжаться вашей жизнью, милорд, — ответил лекарь, пододвигая к себе обитое зеленым бархатом кресло. – Ваше время ещё не пришло.

Со стороны кровати раздались сдавленные смешки.

– Где были твои боги, Дагорм, когда умирали мои жена и сын? Почему они забрали их и оставили меня одного? Что толку мне жить, а им лежать в сырой земле?

– Вы не остались одни, милорд. Ваш старший сын...

– Гайлард... – перебил Дагорма больной. – Где он?

– За ним послали сразу, как только вы пришли в себя.

– Вот и славно, – лорд Стернс закрыл глаза и тяжело задышал.

В комнате вновь повисла мертвая тишина, и даже лягушки, ранее квакающие под окном в пруду, замолкли, словно замерли в предчувствии чего-то нехорошего и страшного.

Сонный полумрак отяготил и веки Дагорма. Но стоило тому лишь на миг прикорнуть в мягком

кресле, как еле слышный шепот заставил старика вздрогнуть, приосаниться и внимательно слушать, готовясь отвечать.

- Какими вестями огорчишь на этот раз? Видеть тебя всегда было дурной приметой.

- В последние месяцы вести только радостные, - без какого-либо намека на обиду в голосе сообщил старик. - Ваш старший брат - король Риккард - в добром здравии и по-прежнему успешно правит Нолфортом.

- Он вспоминает обо мне?

- При каждом своём визите в Торренхолл интересуется вашим самочувствием.

- Хитер лис, - еле заметная усмешка стояла больному лорду недюжинных сил, но видно было, что иначе он реагировать не мог. - Ждёт не дожждётся моей смерти и вида не подает. А что Гай?

- Вашим сыном и своим племянником король гордится. За этот год Гайлард подарил ему не только несколько мешков с золотом, но и новые земли.

- О каких землях ты бормочешь, старый плут?

При этих словах лицо Дагорма посветлело: умирающий хозяин изволил шутить, как в старые добрые времена. Значит, с лечебными травами было угадано верно.

- Прошлым летом в состав нашего графства вошли западные болота. Их тамошний хозяин взял и одним росчерком пера всё отписал вашему сыну. За собой оставил лишь родовое поместье, но титула лорда лишился.

- Что болота, - поморщился Стернс, - проку от них никакого - один вереск, кислая ягода и комары.

- На этом ваш сын не остановился и пошел дальше, на запад, на королевство Ллевингор. Маленькое, всего на несколько десятков деревень, оно оказалось богато на золото. Ваш сын воспользовался военной слабостью их короля Итора и показал себя талантливым военачальником и завоевателем.

- С ним был Ферран? - прервал старика лорд Стернс и, получив утвердительный ответ, облегченно выдохнул. - Тогда я спокоен. И что же Ллевингор? Уже в составе наших земель и всего Нолфорта?

- Нет, ваша милость. Ваш сын поступил мудрее: помимо золота и военной славы он увёз из Ллевингора кое-что более ценное, - Дагорм выдержал пафосную паузу и с гордостью добавил. - Принцессу Мириан, сестру Итора. И я полностью одобряю его выбор.

Ошеломленный услышанным, лорд Стернс закашлял и затряс руками, призывая на помощь. Дагорм, несмотря на глубокую старость, резво вскочил с кресла, схватил кубок с ещё теплым отваром и поднес его к губам господина. Когда целебные капли снадобья согрели горло и придали ритма слабому сердцу, Стернс перевел дыхание и задумался. Его изношенный мозг, подпитываемый лишь силами трав, усиленно пытался осмыслить сказанное верным советником. Не будучи уверенным, насколько сделанные выводы правильны или нет, Стернс решил промолчать и лишь повторил свой недавний вопрос:

- Где Гай?

Дагорм растерялся. Он ожидал увидеть радость на лице больного хозяина, но обнаружил только волнение. От ответа невпопад его спас безобразный грохот распахнувшихся дверей.

В комнату ворвался высокий мужчина, на вид около тридцати лет, и Дагорм тут же засуетился и неуклюже зашумел одеждами в приветственном поклоне. Но на его приветствие внимания никто не обратил, и уж тем более ничего подобного не последовало в ответ. Следом за стремительным вторжением в спальню старого лорда последовал вопрос, такой же резкий и грубый.

- Как отец?

- Он наконец-то пришел в себя, ваша светлость, - зашевелил тоненькими ссохшимися губами старик. - Я дал ему сердечного снадобья - оно хорошо разогнало кровь и придало сил говорить. Смотрите сами.

Дагорм отступил в сторону, пропуская молодого господина к кровати.

Горячая ладонь сына накрыла холодные, бледно-синего цвета пальцы отца. И не пальцы вовсе, а обтянутые тонкой кожей кости, безжизненные и хрупкие, некогда крепко державшие поводья и первенца-малыша, а сейчас готовившиеся превратиться в прах и стать едой могильным червям.

- Дагорм мне всё рассказал, - старый лорд с трудом разомкнул губы. - Ты скоро женишься, и это хорошо.

- Я присоединяю к югу новые территории, отец, и пополняю нашу казну, - перебил Гай, отмахиваясь от слов о своем семейном будущем, как от назойливой мухи. - Военная кампания против Ллевингора закончена, но Ферран ещё держит на рубеже своих самых лучших воинов, и они не уйдут оттуда, пока я не распоряжусь.

Сзади раздался приглушенный кашель.

- Если позволите, милорд...

Гай обернулся и раздраженно кинул:

- Что такое, Дагорм?

- Простите, что прерываю вашу беседу с отцом, но вчерашним днем я получил письмо от Майринда, распорядителя короля Итора из Ллевингора. Что скрывать, мы с ним старые приятели и любим повздыхать о прошлом и даже посплетничать, словно кухарки за чисткой картошки. Так о чём я... Ах, да. В своем письме Майринд любезно сообщает мне, что... Впрочем, позвольте я зачитаю.

Дагорм начал рыться в потертых серых одеждах, бормоча под нос едва различимые слова. Наконец, он вытащил приличной толщины свиток и развернул его.

- Нашел. Позвольте зачитать, - повторил старик, откашлялся, нацепил пенсне и, пододвинув к себе свечу, медленно и нерасторопно начал. - «Приветствую тебя, мой верный друг, и искренне надеюсь, что сие послание найдет тебя в добром здравии и славном расположении духа. Пользуясь случаем, свидетельствую свое почтение лорду Стернсу, нареченному Гайлардом, из рода Стернсов и...»

- Опустим расшаркивания, - грубо прервал старика Гайлард. - Свою родословную я и так знаю. Мне послышалось, или в письме Майринда действительно содержатся важные вести?

- Лишь размышления об увиденном, милорд, - учтивым тоном заметил Дагорм. - Но, смею заметить, эти выводы недалеки от правды.

Гай кивнул.

- Продолжай. Только без лишних подробностей.

- Так. Где же это? - Дагорм прокрутил свиток в поисках нужных строк. - «И хотя несложно было заметить, как сдержанно и холодно смотрелся на переговорах король Итор, после отъезда послов Нолфорта его ликование не было конца. Маска равнодушия спала, и всем своим видом король давал понять, что нет предела его счастью от заключенной сделки. Сестра Итора, принцесса Мириан, с присущим ей смирением приняла решение своего короля и не произнесла ни слова неповиновения. Напротив, она выразила надежду, что заключенный между королевствами мир будет долгим и прочным, и таким же окажется её союз с наследником престола Нолфорта». То есть с вами, милорд, - от себя вставил Дагорм.

- Значит, напыщенность Итора - всего лишь игра? - усмехнулся молодой Стернс. - А ведь мы уже посчитали, что он откажет и ещё ненароком армию начнёт собирать.

- Тут есть и про это. Позвольте, я продолжу. Вот.

Дагорм прокрутил свиток и продолжил читать.

- «Вне сомнения, война, начатая Нолфортом, вывернула наружу все слабые места Итора, как военачальника и правителя. Народ Ллевингора разочарован и морально истощен. Новость о том, что войне настал конец и даже более - воюющие стороны скрепят долгожданный мир узами высокого брака — вернула жизнь на опустевшие улицы. Мы опять стали слышать детский смех, а из окон уже доносится запах сладких пирогов». Простите, - стушевался старик, уловив на себе недовольный буравящий взгляд господина. - Тут дальше все о пирогах, о пирогах... Это я опущу. Вот. Отсюда. «Повсюду слышны радостные песни, а в тавернах поднимают кружки с пивом за здоровье лорда Стернса, ставшего поначалу нашим кошмаром, а впоследствии оказавшимся нашей единственной надеждой на спасение».

Дагорм свернул свиток, снял пенсне и убрал всё в бездонный карман свисающих одежд.

- Как видите, милорд, покоренный вами народ Ллевингора очарован вашей милостью и совсем не намерен продолжать кровопролитие. Их король слаб, а подданные нуждаются в покое и горячем хлебе. А значит, нет нужды держать много войск на западном направлении. Пусть воины возвращаются домой с трофеями и готовятся к грандиозному празднованию.

- Благодарю, - равнодушно ответил Гайлард, - но я уже отдал приказ Феррану продолжать держать пять отрядов на границе.

- Но, сир, - попробовал вставить обескураженный Дагорм, однако тут же умолк и покорно склонил голову.

- Я начал эту войну. Я её и закончу, - отрезал Гай. - Моя личная армия в несколько раз превосходит армию Итора. Мои воины хорошо обучены и вооружены. Мне понадобилось всего две недели, чтобы указать ллевингорцам на их место. Король Риккард благословил и одобрил мои намерения, и всегда готов прислать подкрепление. Мы стали хозяевами золотого рудника и основательно пополнили нашу казну. Не так ли?

- Совершенно верно, ваша милость, - Дагорму ничего не оставалось, как учтиво поддакнуть. - Но, зачитав вам письмо Майринда, я всего лишь хотел показать, каким гуманным завоевателем вас считают жители Ллевингора. Вы не допустили дальнейшего кровопролития, не поработили тех, кого могли бы, не захватили власть. Напротив, вы оставили трон Итору, а ллевингорцам - их независимость. И ваш брак с принцессой Мириан - лишь подтверждение того, что отныне наши земли будут жить в мире и дружбе.

- Мой брак с принцессой Мириан никоим образом не является подтверждением моей гуманности, - в голосе Гайларда чувствовались нотки раздражения от затянувшегося спора с нудным стариком. - Вопрос вхождения Ллевингора в состав земель Нолфорта - лишь дело времени. Я не собираюсь терпеть высокомерие Итора и корону на его голове: из нас двоих только один может быть королем. Но всему свое время, а сейчас, несмотря на наше военное превосходство, мне нужен твёрдый мир на западе, без мятежей и восстаний, и уверенность в том, что Итор не захочет отомстить. Мириан - всего лишь ключ к такой уверенности.

- Оставь нас, Дагорм, - еле слышно прошептал старый лорд Стернс после того, как сын выплеснул недовольство от советов старика, оказавшихся не к месту и не ко времени.

Крючковатый нос огорченно кивнул, и спустя некоторое время за советником закрылись тяжелые двери, оставляя отца и сына наедине.

Лорд Стернс тяжело дышал. На лбу выступила испарина, а зрачки расширились. Чуть приподнявшись с помощью Гайларда, он сделал ещё несколько глотков травяного отвара и, откинувшись на подушки, закрыл глаза. По измученному болезнью телу пошла сильная дрожь, но быстро затихла, подарив умирающему ещё немного жизни и шанс успеть сказать нечто важное напоследок.

- Гай, - тихо позвал Стернс сына, с трудом открыв глаза, - я много сделал ошибок в жизни, Гай.

- Вам трудно говорить, отец.

- Не перебивай, - голос Стернса при всей слабости в этот момент прозвучал властно и жестко. - Я знаю, что совершил много ошибок. И ты это знаешь. Мне не следовало слушать брата и совет старейшин, не следовало вестись на их уговоры, а нужно было плюнуть им всем в лицо и продолжать жить, как считаю нужным лично я, а не пыльные, проеденные червями книги.

- У вас не было выбора, отец, - прошептал Гай, потупив взгляд.

- Выбор есть всегда, сын мой, и я хочу, чтобы ты об этом помнил. Возможно, и есть смысл в том, что случилось много лет назад. Может, всё, что произошло, позволит тебе избежать роковых ошибок в будущем. Сейчас же обещаю тебе одно: ты должен стать королем! Хитрому лису Риккарду осталось недолго - он стар, и сердце у него колет не меньше моего. Его дочерям не место на троне Нолфорта, даже если они заново выскочат замуж и наконец-то нарожают кучу сыновей.

- Я первый наследник престола, отец. Вы зря волнуетесь. Дядя Риккард любезен и внимателен, и после его смерти корона перейдет именно мне.

- Ты недооцениваешь Риккарда, Гайлард. Держи с ним ухо остро, а лучше обзаведись парой глаз у него в замке. Он-то уж точно держит все десять у нас в Торренхолле. Так просто трон он тебе не отдаст...

- Трон Нолфорта будет моим, я обещаю.

- И ещё одно, - новый приступ кашля сдавил горло лорда Стернса. - Поскорей женись на ллевингорской принцессе. Обзаведись семьей, детьми и тихим размеренным будничным счастьем - тем, что отобрали у меня и чего мне всегда так не хватало. Семья даст тебе сил и поддержку в борьбе за трон, а ещё терпение, когда у твоих ног будет весь Нолфорт. И не позволяй никому вмешиваться в семейную жизнь, чем бы тебя ни запугивали, что бы ни обещали. Всегда вспоминай твоего слабого отца, его ошибку и делай по-своему.

Говорил Стернс прерывисто и с сильной одышкой. После нескольких месяцев молчания, каждое слово давалось с трудом, а потому было особо ценно.

- Помоги-ка, - выдавил он, передохнув и пытаясь слабой рукой отодвинуть одеяло с груди. Пальцы с непривычки не слушались, сбивались, но были настойчивы. Нырнув под тонкую ткань нательной туники, они не с первого раза, но выудили золоченый медальон на цепочке и протянули его сыну.

- Открой, - попросил Стернс, а в полумертвом взгляде промелькнули теплые искорки.

Гайлард решительно щелкнул незамысловатым замком. Из самого сердца золотого овала на него смотрела крупная жемчужина, идеально гладкая. Даже в тусклом свете немногочисленных свечей она переливалась самыми невероятными цветами. И трудно было выделить какой-то один - каждый видел в жемчужине такие оттенки, на какие только была способна его личная безграничная фантазия.

- Я хотел подарить это твоей матери, - вздохнул лорд Стернс, глядя, как сын вертит в пальцах драгоценный камень, - но вернулся слишком поздно. Сиделка сказала, она ждала меня до последнего, но силы были на исходе.

- Такого жемчуга нет в наших морях, отец. Где вы его раздобыли?

Старый лорд зашёлся в сильном удушающем кашле, а когда отпустило, продолжил:

- Есть на картах одно место, моряки кличут его Вороньим островом. Расположен в аккурат между нашими землями и островами Берлау.

Гайлард кивнул. Он много лет изучал карты и знал это место. Старый остров. Настолько старый, что истинного названия никто не помнил. Невелик по размеру, недалёк от берегов Нолфорта и не примечателен ничем, кроме разве одной особенности - он до сих пор никому не принадлежал.

- Не помню уж, откуда мы плыли, но марсовый на мачте разглядел в трубу те земли. Клялся, что видел дым, словно от нескольких костров. Капитан Мортенер и я решили разузнать, в чём дело. Причалили мы быстро: и ветер был попутный, и водная гладь - ровная. Но, оказавшись на берегу, так ничего и не нашли: ни самого дыма, ни следов костра, ни хоть какой живой души, даже вороньей. А когда уж собрались назад, то прямо у носа лодки сверкала она, эта самая жемчужина. Капитан Мортенер поднял её и отдал мне. Назад спешили на всех парусах, но так и не успели вовремя. Сейчас я думаю, не сверни мы тогда на остров, не застрянь на нем на несколько часов, я бы ещё успел обмолвиться парой слов с твоей матерью до её смерти. Но я не успел.

Глаза лорда Стернса покраснели и покрылись влажной пеленой. Гайлард промолчал. Он был слишком мал, когда умерла леди Стернс. Воспоминания о матери, совсем расплывчатые, сводились лишь к запаху её рук, нежных и ласковых.

- Эта жемчужина должна была украсить её платье, - выдохнул лорд Стернс, после того как волна эмоций откатилась от израненного сердца. - Пусть теперь она перейдёт к тебе и твоей будущей жене, пусть подчеркнёт красоту леди Мириан, пусть сияет в самом центре её свадебного наряда и подарит вам счастье.

- Это настоящее сокровище, - пробормотал Гайлард, принимая ослепительный камень и не сводя с него взгляда. - Интересно, а ещё такие там есть?

- Я не искал, - прохрипел лорд Стернс, - и уверен, что эта оказалась там случайно. Я разговаривал с ловцами жемчуга из Ланимора много месяцев спустя: каждый из них клялся, что воды на несколько сотен миль вперёд, включая и Вороний остров, пусты на ценные породы жемчуга и дают только мелочь. Я даже отправил на остров лодку с пятью ловцами - они вернулись с добычей не лучше обычной, голодные и уставшие. Больше об этой затее я не вспоминал и тебе не советую - пустая трата сил и времени.

Лорд Стернс выпустил руку из горячих ладоней сына и закрыл глаза. Он тяжело и медленно дышал, а лоб и веки опять покрылись мелкими капельками пота. Протерев лоб отца небольшим куском ткани, смоченным в растворе ромашки, Гайлард крепко зажал в руке медальон с жемчужиной, тихо поднялся с краешка кровати и вышел из спальни. Его лицо было мрачным, а шаги решительными. Когда же и те стихли в длинном, тёмном, отделанном холодным камнем холле, лорд Стернс вдруг внезапно открыл глаза и пробормотал в пустоту:

- И обещай всегда держать при себе меч. Никогда не знаешь, кто окажется за спиной.

Глава 2. Ночной совет

Ключ повернулся в замке, и высокие дубовые двери знакомо скрипнули. В просторную, тёплых оттенков, библиотеку Гайлард зашёл не спеша, зажёл свечи, чей свет сразу вырвал из темноты уходящие в потолок шкафы с книгами, и со всего размаху упал в мягкое, утопающее в бархатных тканях кресло.

Зажатый в руке медальон жёл с неистовой силой, будто только что был вынут из самого сердца большого костра. Щёлкнув застежкой, Гайлард открыл его и достал роскошную жемчужину. Повертел, разглядывая со всех сторон, и крепко сомкнул пальцы, пряча драгоценность в кулак, как только из-за массивных дверей показалась лысая голова камердинера.

- Вино, как вы просили, милорд, а уж из закусок всё, что в спешке смогли собрать поварята.

Трое слуг быстро прошествовали к овальному столу, расположенному недалеко от камина, расставили блюда с ветчиной и маслинами, глиняные кувшины с тёмно-красным вином, которое тут же разлили по серебряным кубкам, украшенным надписями и витиеватыми узорами.

- Где остальные?

- Командир Стенден уже одевается. Нольвена тоже разбудили. Через минуту-две оба будут у вас. Веруш немного ворчал, но уже спешит.

- А Дагорм?

- Я передал, что вы срочно велели всем собраться в библиотеке. Он ответил, что придёт сразу, как только даст ещё одно лекарство вашему отцу.

Гай кивнул, откинулся на спинку кресла и уставился в высокий потолок, поддерживаемый пятью чёрными балками. Тяжелый взгляд, местами покрасневшие глаза говорили о бессонных ночах, которые, несмотря на славу победителя, мучили хозяина юга Нолфорта. В истории королевства, объединившего в себе шесть земель, он был самым молодым и могущественным лордом, обладавшим всеми возможными протекциями короны, получавший согласия на самые сумасбродные идеи, которые, к его счастью, всегда имели оглушительный успех.

Кресло лорда Торренхолла, южной провинции Нолфорта, досталось ему в возрасте двадцати семи лет, сразу же как слёг старый лорд Стернс. С тех пор прошло уже почти три года.

Племянник короля, Гайлард с детства учился править. Его обучали этому повсеместно: за обедом, на прогулке, во время детских забав и смотра войск. Его готовили управлять. Не только землями, перешедшими ему по праву от предков, но и всем королевством – Гайлард был первым наследником короля Риккарда. Других претендентов по мужской линии на трон не было. А две дочери самого монарха в счёт не шли – приоритет наследования всегда был за мужчинами.

Новый хозяин Торренхолла был высок, статен и обладал тем редким складом характера, когда благородство и суровость столь красиво уживаются вместе. Ко всему этому прилагались глубокий низкий голос с легким оттенком хрипоты, густые темные волосы и глаза цвета неба. Неба пасмурного, когда яркость голубых оттенков приглушается спокойной, полной меланхолии серостью.

Советников вокруг Гайларда насчитывалось куда меньше, чем вокруг любого другого лорда: хрупкий старик Дагорм, которому было уж столько лет, сколько не живут; казначей Веруш, немногословный альбинос с цепким взглядом и не менее цепкими до золотых монет пальцами. Веруш был родом с севера, а потому даже в самую невыносимую жару его кожа отдавала ледящим душу холодом. Ещё были Ферран Стенден, средних лет военачальник с сединой на висках, и Гверн Нольвен, самый молодой участник совета, помощник и правая рука Гайларда, недавно назначенный на эту должность.

Злые языки шептали в темных переулках о подозрительно быстром взлете карьеры Гверна. Старые солдаты до сих пор недоумевали, почему их прежний командир так быстро и, по их мнению, незаслуженно был отправлен в отставку, а его место занял «воробей», у которого и «молоко на губах не обсохло». Но какие слухи не рождались бы в подворотнях и за кружкой пива, хозяином южных земель по-прежнему оставался Стернс, а его правой рукой – Гверн Нольвен.

Этой ночью все они, уставшие, заспанные и с помятыми лицами, предстали перед молодым хозяином Торренхолла.

- Я не буду отнимать у вас много времени, – Гай нервничал, – но я собрал вас не просто так. Мне нужны ваши советы и поддержка.

- Что вы задумали, милорд? – Гверн решил первым задать вопрос. Ещё не до конца проснувшись, он потёр глаза рукой, ведь те продолжали предательски слипаться, и потянулся за вином, чтобы заставить мозг хоть как-то взбодриться.

- Присоединить к Торренхоллу новые земли, – хищная улыбка проступила на губах Стернса и пропала, уступив место сосредоточенности.

По залу прошелся волнительный шум. Четверо из пяти присутствующих явно не ожидали, что спонтанное собрание зайдет так далеко. Тем более что жаркая, дурманящая запахами тысячи цветов ночь совсем не располагала к началу новой военной кампании пусть даже во благо государства. Неловкая пауза оказалась кстати, чтобы поразмыслить над словами Стернса и попытаться разгадать его планы.

Ферран переглянулся с Дагормом, почти дремлющим в самом дальнем и тёмном углу комнаты. Во взгляде военачальника читался только один вопрос: север? Старик понял Феррана в ту же секунду и отрицательно покачал головой.

Восток и запад? Восточные степи уже давно привлекали вольных коневодов, и самые лучшие породы лошадей разводились именно там, а затем продавались в соседние королевства. Но что ещё может быть интересного в степях, кроме пастбищ и сена? Во взгляде своего молчаливого собеседника Стенден прочитал то же самое мнение.

На западе лишь куча болот. Из всего толкового был небольшой Ллевингор с золотой шахтой и несколькими деревнями. Теперь и шахты, и деревни под контролем лорда Стернса, а среди болот же делать было абсолютно нечего.

- Вино с южных провинций, – смакуя последний глоток, произнес Гверн. – Даже юго-восток, я бы сказал. Чувствуется привкус морской соли.

- Вот именно туда ты и отправишься завтра поутру, – Гайлард поставил кубок на ручку кресла.

- Простите, милорд? – совсем невпопад переспросил Гверн.

- Ваша светлость хочет сказать, что планирует военную кампанию против островов Берлау? – поспешил заглядить нелепый вопрос Гверна Ферран.

- Нет, – поморщился Стернс и допил вино. – Вороний остров – моя цель. Никому не принадлежащий Вороний остров.

- Но, милорд! – встрепенулся из угла старик, глаза которого открылись сразу, едва хозяин озвучил неожиданное решение. Теперь вместо сна в них читались сильный страх и жуткое отчаяние. Страх от неведомого никому предчувствия, а отчаяние от грустного осознания того, что изменить решение господина ему вряд ли будет под силу.

- Вороний остров был объявлен нейтральной территорией много веков назад, милорд, когда ещё не было коневодов с востока и снежных людей с севера, не говоря уже о Ллевингоре, – Ферран выступил вперед, решив принять на себя удар в споре с Гайлардом. – Единственные существовавшие на то время земли – не земли даже, а деревни: Нолфорт, Берлау и Имил Даар – подписались под соглашением, и никто не оспаривал его с сих пор. Древние мудрецы увидели в книгах пророчеств незамедлительную смерть всякому, кто приблизится к острову и задумает завладеть его сокровищами.

- Жаль, что мудрецы не рассмотрели среди древних строк, что прибрежные воды острова просто кишат самым редким на свете жемчугом, – ни чуть не колеблясь, язвительно солгал Гайлард и, разомкнув пальцы, небрежно швырнул на стол крупную жемчужину, доставшуюся ему от отца.

- Ты хочешь спросить, Дагорм, откуда она у меня? – с иронией в голосе опередил Гай старого советника. – Мне передал её отец, который много лет назад высаживался на острове, и ничто не помешало ему отплыть обратно. Спустя некоторое время туда наведались и рыбаки из Ланимора, и они тоже, как ни странно, все вернулись домой. Никто не умер. Так, может, книги всё врут, и никакого проклятия нет?

Стернс выдержал паузу, наблюдая, с каким блеском в глазах советники рассматривают жемчуг, а затем подозвал к себе Гверна.

- Снаряди на остров две большие лодки. Возьми с десятков человек охраны на случай, если там встретятся дикари или вольные охотники за добычей. И человек пять ныряльщиков из Ланимора.

Гверн кивнул. Он хорошо знал деревню, о которой говорил Гайлард. Расположенная на юге Нолфорта, она насчитывала несколько десятков человек, включая женщин и детей, и слава её искусных ныряльщиков ушла далеко за пределы королевства.

- Мне нужно, чтобы ты добрался до острова незаметно для всех, а особенно для проныр из Берлау. Исследуй там всё вдоль и поперек. Если в тех местах действительно есть, чем поживиться, то снаряжим корабль и сделаем остров частью Нолфорта. Берлау и глазом не успеет моргнуть, как прямо у их границ вырастут наши знамёна.

- У нас на севере народ поговаривает, что королева Берлау - ведьма, - задумчиво вставил Веруш. - Наш Гверн, конечно, может притвориться мышью и пробраться незаметным на остров, но только незаметным для людских глаз. От ведьминских вряд ли укроешься.

- Очередная легенда? - взорвался Гайлард. - Сколько их ещё будет? Я и так сыт по горло теми байками, из-за которых лишился брата. Теперь ещё и ведьму терпеть?

- Ничто не возникает ниоткуда. Если есть слухи, значит, где-то есть и предмет слухов.

- Я не хочу ничего слышать о легендах, проклятиях, оборотнях, ведьмах и тому подобном, - отрезал Гай. - Последний раз чтение книги пророчеств обошлось моей семье слишком дорого. Гверн, выполняй поручение. Я даю тебе три недели и десять монет золотом - работу деревенщины нужно будет оплатить.

- Слушаюсь, милорд, - Гверн поклонился.

Гайлард поднялся с кресла, и все его подданные тоже встали.

- Вы можете идти, - распорядился Стернс, а сам подошёл к окну, задернутому тяжелой, выполненной из золотистого бархата, шторой. Миллионы нитей сплелись в сложный узор, украшавший портьеру. Тут были и райские птицы, и солнечные лучи, и пестрокрылые бабочки, порхающие с цветка на цветок. И все это великолепиие богато спадало вниз и подхватывалось крупными кистями, щедро украшенными бледно-желтым жемчугом.

- Дагорм, - вдруг крикнул Гайлард вдогонку старику, - задержись!

Тяжелые двери закрылись за Верушом и двумя командирами, и роскошная зала утонула в тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы на внезапно усилившемся ветре. Где-то совсем рядом прогремел гром. Надвигалась гроза.

Дагорм устало вздохнул и опустился в кресло, в котором сидел ранее. Придворный этикет был вопиющим образом нарушен, но стоявший у окна Стернс не придавал этому никакого значения. Со стороны могло показаться, что сейчас состоится разговор отца с сыном, нежели вассала с лордом, но разговор всё не начинался. Гай отодвинул тяжелую штору и молча смотрел в окно. Опять прогремел гром. Крупные капли дождя застучали барабанной дробью по крышам и стенам замка.

- Ты не одобряешь моего плана, не так ли? - нарушил нависшую тяжелой тучей тишину Гайлард. Скрестив за спиной руки, он предпочел смотреть в окно, а не в глаза Дагорму.

- Я слишком стар, чтобы обсуждать такие серьезные кампании, милорд, - вежливо уклонился от ответа старик. - Советы Феррана и Гверна принесут вам гораздо больше пользы, чем моё скромное мнение.

- Феррана я уже выслушал, - отрезал Стернс. - Я решил отправиться на остров, и я туда отправлюсь.

- Тогда чего вы ждете от меня, если уже всё решили?

- Сам не знаю, - Гай тяжело выдохнул, - но отец всегда высоко ставил твоё мнение. Ведь так?

- Я всего лишь дал интерпретацию старой легенды, если вы об этом.

- И отец сразу воспринял эту, как ты выразился, интерпретацию как сигнал к действию.

- В отличие от вас, - осторожно добавил Дагорм.

- Я предпочитаю оставаться при своем мнении, - продолжил Гайлард.

- Милорд сомневается в правильности своего похода и поэтому хочет найти ответ в древних преданиях?

Гайлард вернулся к столу и провел пальцами по старому золотому канделябру.

- Эти вещи живут веками, - внезапно вымолвил он. - Они многое видели. Ошибки и взлеты. Они могли бы много рассказать, умей они произносить хоть пару звуков. Они могли бы рассказать и моим потомкам, насколько верен мой путь.

- Для этого не нужно быть канделябром, мой господин, - мягко заметил Дагорм. - Достаточно быть книгой.

- Но ты так и не ответил, что говорят твои книги! - взвинулся Гай. - Я хочу знать, что они говорят о моём будущем!

- А их слова будут зависеть от ваших поступков, - всё так же мягко продолжал старик.

- Если я захвачу Вороний остров, Берлау это не понравится. Остров расположен так же близко к землям старухи-королевы, как и к нашим территориям. Начни она в отместку войну против Торренхолла, Ллевингор встанет на мою сторону или предаст меня?

- Король Итор не лишён толики смелости.

- Оставь его смелость в стороне и ответь о его верности!

- Для западного народа вы завоеватель, милорд. Какой верности вы хотите от рабов?

- Наши королевства скоро объединятся. Ллевингорцы должны видеть во мне друга и брата, а не господина.

- Брак с принцессой Мириан, конечно, изменит их отношение к вам. Но не забывайте, пока Ллевингор не стал окончательно частью нашего королевства, их королем остается Итор, и, сколь сильна ни была бы любовь сестры и брата, сестра покинет родной дом, а взоры людей по-прежнему будут обращены на Итора. И судить Итора народ будет по его поступкам.

- Для того я и затеваю этот брак, чтобы получить себе союзника, а не нож в спину.

- И это правильно. Осмелюсь добавить, что принцесса Мириан - лучший выбор, какой вы только могли бы сделать.

- Она так же хрома на левую ногу и бледна, как её тщеславный братец? - усмехнулся Гай.

- Бледность её скорее аристократична и ни ничуть не умаляет её красоты. Напротив. На фоне каштановых волос и прекрасных карих глаз только подчеркивает поистине королевское происхождение. Вы ни разу не видели принцессы Мириан?

- Ни разу, - Стернс опустил за стол, пододвинул к себе пустой кубок и наполовину полный кувшин. - Ещё вина, Дагорм? - впервые за вечер по-домашнему просто спросил он.

- Не откажусь, - старик улыбнулся. - Наши виноградники могли бы стать отличной альтернативой жемчугу с Вороньего острова, не находите?

Гайлард отпил из кубка и кивнул.

- Если бы за них платили так же баснословно, как за жемчуг. Но не меняй тему. Расскажи мне ещё об этом темноволосом ангеле.

- К чему рассказывать, милорд, вы сами скоро всё увидите. Принцесса прибудет в ваш замок со дня на день, и вы будете поражены её кротостью и милостью. Прекрасный выбор, милорд, просто прекрасный, - смакуя вино, подытожил старик.

- Я знаю. Лично спускался в погреб и выбирал. Это урожай того года, когда...

- Я не о вине, - вежливо перебил Дагорм. - Хотя оно тоже великолепно.

- Я не ищу в своей будущей жене неземной красоты, Дагорм, как, впрочем, и ангельского характера. Вполне достаточно, если она будет недурно выглядеть и не будет лезть в мои дела.

- Вы так мало требовательны.

- Её задачей будет произвести на свет наследника королевской крови, а всё остальное не имеет значения. Я не буду требовать от неё любви - хватит послушания и верности. Пусть родит мне сына и воспитает его в соответствии с традициями нашего рода. Это единственное, что мне нужно.

- Увы, высокие браки часто свершаются по расчету, но, уверяю вас, принцесса Мириан - одна из тех, в кого трудно не влюбиться. Даже я, будь я, конечно, моложе и не так морщинист, попробовал бы сразиться за её руку в рыцарском поединке.

- Королю, что настоящему, что будущему, следует любить свой народ и забыть о личных чувствах. Каждая минута жизни должна быть направлена на созидание благ для подданных, а не на личное счастье.

- Кто счастлив сам, способен и другого сделать счастливым. Какое счастье принесет господин своему народу, если сам не испытал такового?

Гайлард не ответил, лишь разлил остатки вина из кувшина по серебряным кубкам.

- В твоих книгах есть пророчества и о моём семейном счастье?

Дагорм внимательно посмотрел на Стернса.

- В книгах описано всё, даже последнее дыхание летучей мыши, обитающей в пещерах горы Вороньего острова. Но я вам это говорю не как алхимик и хранитель традиций, а как старый человек, которому дороги вы и ваше будущее. Не забывайте, ваш отец перед тем, как недуг окончательно победил его, просил меня заботиться о вас. Вы много значите и для короля.

- Если в книгах есть всё, то почему ты не ответишь мне, что меня ждет, если я отправлю людей на этот треклятый остров?

- Вы забываете, милорд, что не все легенды и предания так легко прочитать и истолковать. Древние мудрецы донесли до нас лишь малую толику того, что удалось расшифровать. Кое-что сумели разглядеть и мы, в том числе и ваш покорный слуга. Но из тринадцати тысяч и тридцати преданий раскрыто только семьдесят четыре. Толкование стихов требует десятки, а то и сотни лет.

Дагорм уловил во взгляде Стернса сомнение.

- Позвольте, я покажу вам.

Старик проследовал в другой конец зала, где в высоту до потолка вытянулись шкафы с книгами, столь же древними, как и он сам. Приставив лестницу к полкам, Дагорм медленно и осторожно поднялся на третью ступеньку и потянулся за одной из книг.

- Помогите, милорд. Вещь довольно тяжелая.

Гайлард подошел к шатающейся лестнице, на которой с трудом балансировал старый советник. В руки лорда легла массивная книга в плотном кожаном переплете: без названия, без украшений, которыми так изобиловали обложки других книг. Просто несметное количество плотных листов, сшитых воедино и обтянутых кожей.

- Положите на стол. Только будьте крайне осторожны. Одна царапина на любой из страниц может в корне поменять смысл предания, которое мы хотим прочесть.

Осторожно спустившись с лестницы, Дагорм расправил одежды и поспешил к столу, куда Гай уже отнёс самое главное сокровище своей библиотеки. Сдув с книги пыль, старик бережно открыл её и перевернул с дюжину листов.

- Видите, милорд. Все стихи написаны особыми рунами, способными менять значение в зависимости от света, при котором их читаешь, и от рун по соседству.

Стернс склонился над страницей, на которую указывал Дагорм.

- Очень плохо видно. Эти руны уже стерлись от старости.

- Вовсе нет. Это одна из их особенностей. Вам их сейчас почти не видно, а посветите-ка справа.

Гай взял со стола подсвечник и поднес к книге.

- Теперь видно намного лучше.

- А теперь слева.

Стернс переложил подсвечник в левую руку и посветил, как просил Дагорм.

- Видите, что изменилось?

- Да. Две верхние строчки переместились вниз.

- Именно. Под правым светом - один смысл, под левым - другой. И нужно разгадать, какой стих - ложь, а какой - то, чему суждено сбыться.

- Но, - Гай запнулся, а его лицо покрылось легкой испариной, - если текст можно прочитать двояко, откуда уверенность, что именно эта версия имеет право на жизнь?

- Я понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите сказать, что стих, который я показал вашему отцу много лет назад, мог быть истолкован иначе. Увы, нет. Я испробовал все варианты увидеть в нём другой

смысл, но ничего не нашел.

- Покажи мне его, - хриплым голосом произнес Гайлард.

Дагорм засуетился, листая хрупкие, отдающие ветхим запахом страницы. Выведенные то серебром, то золотом руны с разных стихов с разных страниц заплясали перед глазами Стернса. Где-то послания были совсем короткие, где-то - длиною в жизнь. Наконец, пальцы старика остановились на одной из страниц.

- Вот, милорд, - Дагорм бережно передал книгу Гаю.

Серебряные руны небольшого стиха ярко заблестели, когда Стернс поднес к ним свечу. Начертанные много веков назад, они сохранили в себе больше жизни, чем все портреты, висевшие в замке. Казалось, они вот-вот выпрыгнут со своего места и в буйном танце поведают лорду и его советнику страшную тайну.

- Серебряные руны, - начал объяснять Дагорм, - самые сложные из всех. Медью пишут прогнозы погоды и урожаяев, развитие и упадок деревень и прочих мелких поселений. Редкие краски, как то малахит, бирюза или коралл, используют для обозначения важных событий, как радостных, так и печальных: рождение наследника, например, или заключение брака, смерть. Золото - это процветание. Находки и потери - вот о чем расскажут стихи, выложенные золотыми рунами. И, наконец, серебряные. Эти руны двулики. С одной стороны, они могут сообщить о великой беде, которая не никого не оставит в стороне. С другой - о грандиозной победе добра над злом, которая свершится лишь благодаря чистому сердцем и душой человеку.

- Ты уверен, что испробовал все варианты трактовки рун?

- Абсолютно все, мой господин. Я поднял все известные мне книги на эту тему и испробовал всё, что знал сам и что до меня знали мои учителя.

- Прочти ещё раз, - приказал Стернс и отошел в сторону.

- Как вам будет угодно, - ответил Дагорм и полез в бездонный карман своих одежд за пенсне. Нацепив его на нос, он откашлялся и монотонно затянул:

В один из мрачных, темных дней

Падет наш город королей.

Огонь разбудит младший брат

И сеять смерть он будет рад.

Напротив брата встанет он,

И погрузится старший в сон.

Лишь разлучив двух королей,

Спасешь ты мир свой и людей.

Дагорм снял пенсне и закрыл книгу.

- Легенда гласит о двух братьях из королевского рода, что будут рождены в год двух лун. Это явление крайне редкое и длится всего пять лет. Последний раз луны-близнецы восходили на небосвод тридцать лет назад, когда родились вы, милорд. Спустя пять лет, на исходе года двух лун, был рожден и ваш младший брат. Лорд Стернс втайне молился всем мыслимым богам, чтобы это была девочка, но чуду не было суждено случиться. Я разглядел во всём, что произошло, угрозу для нашего мира и поведал об этом вашему отцу и дяде.

- И отец решил убить новорожденного сына, - Гайлард опять подошел к окну и уставился в заливаемый дождем сад. - Мать так и не смогла пережить утрату.

Дагорм грустно кивнул.

- Ему могло бы быть сейчас немногим больше, чем Гверну, - продолжал Гай, но был прерван старым советником.

- Позвольте спросить, милорд, только не сочтите за дерзость. Вы приблизили к себе Гверна, потому что видите в нем образ брата?

- Он храбр и предан мне, и достаточно толков во многих вопросах. Знаю, о нём ходят нелестные

слухи, но я уверен, он себя ещё покажет.

- И всё же я не советую отправлять его одного на остров. Да, Гверн не по годам умен, но это его дар с рождения, а приобретенный опыт в таком сложном походе, что вы задумали, не помешает.

- В походе нет ничего сложного. Всего лишь прибыть на остров, осмотреть его и выловить несколько пригоршней жемчуга. Гверн вполне способен справиться в одиночку.

- Но древняя легенда!

- Если Гверну будет что-либо угрожать, он даст мне знать. Пять военных фрегатов придут на место меньше, чем за день, и справятся с любой угрозой, будь то весь флот Берлау или даже кромешная тьма.

- Вам виднее, милорд, - Дагорм поклонился. - Я могу вам ещё чем-то помочь?

- Благодарю. Ты свободен на сегодня. Можешь идти.

Старик ещё раз учтиво поклонился и направился к выходу, но у самых дверей вдруг остановился и развернулся к Стернсу.

- Я забыл убрать книгу, милорд.

- Оставь её, Дагорм. Я уберу сам.

Тяжёлые двери скрипнули и закрылись за старым мудрецом. В зале стало тихо, и лишь дождь мерно барабанил по деревянным навесам. Сад заливало водой. Чарующие запахи розы и персика уступили место прозрачной свежести и сырости. Землю развезло, и даже рассыпанные по дорожкам мелкие камни уже полностью утопали в черных лужах.

Жители Торренхолла давно спали. Лишь в редких комнатах замка горел тусклый свет. Щепетильный казначей никак не мог сомкнуть глаз и делал записи в счётных книгах о предстоящих расходах на новую задумку лорда. Предполагаемые траты его не радовали, но душу грело скорое прибытие принцессы Мириан, которая помимо самой себя должна привезти ещё и несколько сундуков приданого.

Не спали и двое поварят на кухне. Из-за их неповоротливости сегодня сгорело жаркое, и сейчас они разбирали мешки с крупой, отбывая заслуженное наказание.

Не мог уснуть и Дагорм. Старые кости ныли на непогоду, и никакая микстура им не помогала. Проворочавшись с полчаса в постели, он встал, подошел к широкому дубовому столу и зажег свечу. Достав кусок пергамента и обмакнув перо в чернила, он начал медленно писать, основательно взвешивая каждое слово. Дрожащая по обыкновению рука на сей раз держала перо крепко и уверенно.

Догорали свечи и в библиотеке, где в отличие от многих комнат вместо сырости было тепло и сухо.

- Вы до сих пор не спите, милорд, - одна из дверей отворилась, и в створку опять просунулась голова распорядителя.

- Принеси немного холодного мяса и хлеба, Риновар, и, пожалуй, ещё вина.

- Сию минуту, - камердинер неслышно исчез.

Гайлард тяжело опустился в кресло, пододвинул к себе другое и вытянул ноги. Равномерный шум дождя успокаивал, или просто он сам был настолько уставшим, что смог бы уснуть и под канонаду. Рваный короткий сон на протяжении нескольких недель не прибавлял сил хозяину юга, а, напротив, изводил ещё больше. Лицо заросло грубой щетиной, а под покрасневшими глазами образовались круги. Всем видом Гай никак не смахивал на удачного завоевателя, коим являлся. И уж тем более на счастливого лорда, который через несколько недель должен выйти на балкон замка к народу и представить всем новую госпожу. Но шум дождя прогнал и эти мысли. Не хотелось думать ни о чём, а только смотреть пустым взглядом стеклянных глаз в ночь, где кроме стены из дождя не было видно ничего.

Одна свеча догорела полностью. Комната утонула в мягком, бархатного оттенка полумраке. Гайлард закрыл глаза.

Глава 3. Тараканьи бега

Помещение, где отдыхала стража, состоявшая из опытных дозорных и зелёных новобранцев, ночью освещалось скудно. И немудрено: спать до рассвета им никто не позволил бы. На ночной дозор заступали в строгом порядке, и новички трубили наравне со старожилками. Днём же вместо желаемого отдыха молодые организмы выкладывались на стрельбище и заднем дворе, где в свободное от уборки конюшен время дрались на кулаках и деревянных мечах. Всё в караульных способствовало жесткому распорядку. Даже тусклый свет и тот вносил свою лепту: не давал уснуть, но одновременно и не раздражал глаза, позволяя окунуться в приятную непродолжительную дрему.

Караульные сменялись каждые четыре часа, и время, имеющееся в распоряжении до того, как вновь заступить на пост, предпочитали проводить, кляча носом. Однако любители посиделок за полночь находились каждый день. Им ловко удавалось развлекать себя без крепких напитков и карт, а лишь при помощи пары-тройки тараканов да нескольких лучин.

Вот и этой ночью, скинув с ног сапоги да навалившись доброй половиной могучего веса на расшатанный стол, троица подобных неспящих во все горло улюлюкала, подбадривая шустрых усатых питомцев, и откровенно плевала на желание других товарищей покемарить. А тех товарищей и залп пушек не смог бы отвлечь от положенного им четырехчасового отдыха. Так крепки были молодые нервы, не требующие не то что капли снотворного, а даже банальной тишины.

- Гони! Гони же! - Один из трёх любителей азарта без устали драл горло и подгонял ленивого таракана, на которого была сделана ставка в размере недельного пособия стража пятого ранга.

Усач не торопился. Видимо, пузо уже изрядно набил, так как к вожделенному лакомству волочился не быстрее улитки. Но и его соперники не спешили. Откормленные поварами таверны, что стояла по левую сторону от караулен, они настолько растолстели, что с трудом преодолевали препятствия, расставленные охотниками до необычного вида тотализаторов. Впрочем, странными подобные игрища казались лишь тут, в каменных холодных стенах, не согретых печным огнем, на котором могли бы весело булькать горшки с телячьим рагу. И только одному человеку - капитану Швидоу. В городке же, в подвалах старых домов, напоминавших больше игорные притоны, чем кладовые, тараканьи бега стали главным источником дохода хозяев таких сомнительных и пользующихся дурной репутацией заведений.

Но Дуон Швидоу, сорока лет от роду, за всю свою жизнь не переступил и порога подобного учреждения, а потому о соблазнительных барышах не знал. Так, может, и поставил бы парочку монет на рыжего усача, всем своим видом напоминавшего самого Швидоу, с тем единственным отличием, что у шестипалого пузо уже давно отвисло, а у капитана городской стражи за сорок лет так и не появилось.

- Чтоб мне провалиться на этом самом месте, опять за старое.

Разыгравшаяся троица встрепенулась, услышав топот и недовольное ворчание начальника, сграбастала тараканов и швырнула их в глиняную миску, которая тут же отправилась под стол. Сами игроки вытянулись по струнке, приветствуя капитана, нежданно нагрянувшего к ним среди ночи.

- Пф-ф, - громко фыркнул Дуон, стряхнул воду с дождевика и пригладил топорщившиеся в разные стороны жесткие рыжие усы. - Бр-р, льёт как из ведра, - многозначительно добавил он и беспокойно зашарил глазами по просторной, но тёмной комнате.

- Опять последние гроши из кармана в карман растискиваете? - Дуон сурово рявкнул, продолжая бегать взглядом по караульной.

- Никак нет! - басом соврал самый нахальный из троицы. - Оружие чистим да дочь кухарки «Потрошков на шпажке» обсуждаем. Не спится...

- То-то и оно, что не спится, - вздохнул Швидоу. - Не к добру такая гроза. Вишь, как разыгралась. Спокойно не закончится. С дюжину домов снесет да столько же деревьев на проселочных дорогах повалит.

Плюхнувшись на пододвинутый стул, капитан сделал ещё три тяжелых вдоха, вытер дождевую воду со лба и, притворившись, что всему виной лишь праздное любопытство, спросил:

- А где Рики?

- Спит за ширмой, - поспешил сообщить рослый светловолосый стражник с белесыми бровями.

- Уснешь тут с вами, - недовольно выплеснулось из темного угла, прямо из-за коротенькой, наспех сооружённой, тряпичной перегородки, что отделяла небольшое пространство величиной с каморку

от общего помещения. – Раскаркались, как вороны Берлау.

Тоненький голос, хоть и заспанный да измученный дождевой сыростью, мигом изменил капитана. Его насупленные брови отпрыгнули друг от дружки, морщины на лбу разгладились, и даже усы стали топорщиться более помпезно, чем только мог закрутить их цирюльник, спеша обслужить важного посетителя по высшему классу.

В темном углу завозились. Дуон потянулся к столу, взял свечу и осветил в сторону, откуда доносились шмыгание носом и скрип деревянной лавки. Желтый огонек в тот же миг выхватил отодвинутую ширму, а за ней тоненькую, невысокую, по-мальчишечьи угловатую и плоскую фигуру, которая, основательно обмотав ноги, не спеша засовывала их в непромокаемые чёрные сапоги с высоким голенищем. Закончив с надеванием сапог, фигура выпрямилась, потянулась, повернула шею вправо-влево, наслаждаясь легким костяным хрустом и, резко поднявшись с лавки, устеленной протертой до дыр половицей, зашагала к выходу. Вовсе не мальчишка, а девчонка, бледная кожей, с вытянутым лицом, смахивающим на лисью мордочку, и коротко остриженными волосами, торчащими в разные стороны, подобно соломе из снопов.

– Рано ж ещё, – крикнул ей вдогонку один из стражников, – вот вернется смена, тогда и берись за тряпку.

– Уж лучше подожду и под дождём помокну, чем вас терпеть буду, – проворчала неказистая, обернувшись к бодрствовавшим вахтенным. Глаза цвета моря укоряющие вперились в трёх здоровяков, не раз замеченных за шуточками и подколами в отношении полотёрки, постоянно вызывающей пересуды и сплетни. Сдёрнув дождевик с гвоздя на стене, девчушка уже было толкнула от себя входную дверь, но окрик Дуона заставил её застыть на месте.

– Снимай-ка, – капитан кивком указал на старый поношенный плащ, – да вешай обратно.

– Это зачем? – недоумевала синеглазая. Но послушалась и вернула плащ на самодельную настенную вешалку.

– Вместо тебя сегодня Хейм грязь уберет.

Спорить никто не стал. Ни обескураженная девчонка, ни недовольный Хейм; дождь на улице заканчиваться не собирался, лишь усилился, и отдуваться на ветру да в сырости за себя, а потом ещё ворожать кучи принесенной в казармы земли, смешанной с глиной и мокрой травой, за кого-то другого радости не доставляло. Но послушаться капитана новобранец не решался.

За первым приказом Дуона последовал второй – сухой, равнодушный.

– За мной следуй. А вас ещё раз за ставками застукаю, – капитан развернулся к взволнованным здоровякам, предвкушающим скорое возобновление игры, – в подземелье окажетесь. Там мест полно свободных и тараканов хоть отбавляй.

– Да, капитан, – нестройное эхо разбежалось по углам.

– Где тряпки взять, Хейм знает? – быстрым взглядом Швидоу окинул тоненький девичий силуэт.

– Да, капитан, – словно сговорившись со стражниками, отвечала Рики.

Скрипучая дверь затворилась за рыжим служивым и нескладной девчонкой не быстро. А когда тусклый коридорный свет полностью перестал проходить в караульную, смирившийся с участью мокнуть ночью под проливным дождем, а затем мести полы Хейм поддел носком сапога упавшую на пол шкурку от сала и пнул её в сторону к помойной куче, которую рано поутру вынесет пунктуальный служка.

– Усач готов пылинки с неё сдувать, скоро дышать перестанет, а ей все одно, – Хейм хмыкнул.

– Долго подкатывает, – поморщился его товарищ по ночной смене. – Я б на его месте уже давно девку в койку уволок и все дела обстряпал. Не бабское это дело – в казармах ошиваться, хоть и прислуга.

– Скоро завалит. Таракан обстоятельно к делу подходит. Круги описывает, почву готовит. Тут у него особый интерес, не на один раз.

– Какой ещё интерес? – пробасил четвёртый стражник, до сих пор крепко храпевший на лавке у противоположной стены.

Лениво потянувшись, он громко зевнул, почесал щетинистый подбородок и добавил:

– Дуон ей в отцы годится. У них поди и разницы-то лет двадцать, а то и все двадцать пять... Вот и оберегает девчонку, заботится, дочь в ней видит.

- Ну-ну, - проворчал Хейм, опустился на обшарпанную скамейку, взял с пола измазанную в ваксе тряпку и начал начищать сапоги, одновременно бубня под нос. - Дуону уж за сорок перевалило, а ни хозяйку, ни детей так и не завел. Оно не удивительно, кто на такого позарится? Лоску в нем нет, молодецкого пыла тоже, только усы остались, и те пивом пропахли. А ты, Брасс, всё в сказки веришь да в людскую доброту и непорочность.

- Зуб дам за свои слова.

- Зуба мне твоего не надо, но вот проучить тебя не откажусь. - Хейм выпрямился и постучал каблуком сапога о пол, любясь своей работой. - Давай, кто из нас двоих прав окажется, тот просит, чего захочет. Если я продую, то хоть весь рот тебе отдам, благо у меня там одна гниль да воняет отменно.

И в доказательство Хейм широко разинул рот, из которого потянуло многолетней несвежестью.

- Ха! Думаешь, на попятную пойду? Да ни в жизнь! Давай, тощий, разбивай, - кинул Брасс в сторону третьего стража, волей судьбы ставшего свидетелем пари. - А теперь и на пост можно, - голосом, из которого ещё не до конца ушел сон, пробасил Брасс, как только было ударено по рукам.

Натянув сапоги и накинув дождевик, он загрохотал в направлении входной двери. Замок лязгнул, дверь открылась и тут же громко захлопнулась. Оставалось лишь слушать удаляющийся топот.

- Выиграешь хоть? - поинтересовался у Хейма товарищ по смене, которого назвали тощим.

- А то, - присвистнул Хейм, заканчивая начищать второй сапог, - уж я знаю, за что ручаюсь.

- Как эта девка вообще пролезла в казармы?

- А ты будто не слыхал?

- Знаю только, что она уже месяц тут ошивается. Все слуги живут в бараке по ту сторону стены, а она с нами.

- Точно. Месяц. Из Ланимора она. Знакомо?

- Рыбное место. Чешуей и солью отменно воняет.

- И потрохами.

- Коль так воняет, то пусть и спит там, где ей положено, а не среди стражи.

- Ты так таракану скажи, - многозначительно ухмыльнулся Хейм. - Прошлым полнолунием эта девчонка в ворота постучалась - я как раз зашел на смену. Стала сразу насесть и проситься к Швидоу, но я быстро её успокоил. Отправил бы назад к бабкам, мамкам, тряпкам, да тут из-за угла усач выныривает. Как вытаращится на неё, прям вспотел весь. Потом увёл к себе и долго не отпускал. А после сделал казарменной служкой, но по-хитрому сделал - поселил в казармах вместо барака, чтобы всегда видеть да щипать, когда душе будет угодно.

Выплеснув на своего товарища всё, что когда-либо знал или придумал, Хейм поднял голову и прислушался.

- Сигнал на смену. Пора.

Тощий собеседник разочарованно оглядел стол, где так и не удалось возобновить новую партию забега шестипалых, и тоже поспешил на выход. Но перед самой дверью заводил волосатыми ноздрями, втягивая тяжелый, наполненный несвежими запахами воздух. Всё смешалось в полумрачной казарме: тут отдавало и сырой землёй, смешанной с конским навозом и глиной, и ржавой сталью, и потными сапогами; тянуло прогорклым маслом и затхлой ветчиной, несвежим хлебом и отсыревшей соломой. Кинув беглый взгляд на ширму, за которой ранее пряталась Рики, тощий тяжело вздохнул и бросил:

- Жалко мне её. Сидит тут, кости морозит да кислой сыростью дышит. Всяко с усачом ей будет лучше и теплее.

Хейм согласно кивнул и поспешил на улицу. Тощий поплелся за ним. Ещё несколько минут в каменных коридорах раздавался топот: одни стражники возвращались на отдых, другие заступали на вахту. А потом и это стихло, растворившись в ночной тиши, и только капли дождя никак не могли угомониться и продолжали тянуть унылую песню, что струилась по черепице спящих домов, прыгала по водостокам, плюхалась в наполненные грязью канавы и монотонно стучала по шлемам ночных дозорных, постепенно сводя тех с ума.

Подул ветер, всколыхнулись черные дождевые плащи, затрепетали перья в колчанах со стрелами.

Подул ещё раз, пытаясь сдвинуть с места нависший над городом свинец и принося с собой сухой песок с востока. Закружил, завертел, прогоняя завывание ночного ливня и навязывая рассветному югу Нолфорта новую мелодию.

Солнце робко попробовало пробиться сквозь ультрамариновую завесу, но получилось только слабо скользнуть – тучи крепко сцепились друг с другом и не думали раздвигаться.

Поток теплого воздуха, полный песочной охры, заплясал по дорогам, витиевато поднимаясь вверх и упираясь в темноту. Стукнувшись о небесную твердь, отпрянул и засновал по узким переулкам в поисках открытых окон. Одно нашлось. Ветерок ловко проскочил в распахнутые створки, приподнял краешек шторы темно-лилового цвета и лизнул горевшие в небольшом количестве свечи. Не устояв под его напором, несколько язычков пламени тут же потухли, но были вновь зажжены заботливой рукой: не молодой, сухой и некрасивой.

– Сколько ты уже с нами? – Дуон отодвинул подсвечник на середину стола, позволяя свету заиграть по-новому в тесной камерке.

– С середины лета.

– Да-да, совсем запамятовал, – деланным рассеянным тоном кинул Швидоу. Будто забыл. Будто и не отмечал про себя каждый новый день, когда поднималось солнце, а неказистая угловатая полотёрка так и оставалась в серых бездушных стенах под его начальством и опекой.

– Не тяжело тебе?

– Не тяжелее деревенской жизни, – пожал плечами Рики. – Там воду ведрами носить да дрова рубить, тут песок мести да сапоги начищать.

Дуон торопливо закашлялся и сам смутился своего кашля, а потому заспешил к старому буфету из мореного дерева, стоявшему в левом углу черно-коричневым пятном, сливаясь с темнотой ночи. Отворив шатающуюся дверцу, он достал из шкафа кувшин с бордовой, маслянистой и отдающей кислотой жидкостью, две деревянные кружки, плеснул в каждую из них поровну и жадно отхлебнул из своей. Смесь терпких ягод и сладких пряностей разодрала горло и прокатилась пламенем по всему телу. Вторую кружку Швидоу протянул Рики.

– Настойка из лисьей ягоды. Согревает.

Девчушка сделала маленький глоток, поморщилась и выдавила:

– Зачем вы позвали меня? Не настойку же пить?

– Зачем? – переспросил Дуон и удивлённо изогнул брови. Как будто не знал, что сказать, и воспользовался короткой паузой для придумывания ответа. Но Дуон всё прекрасно знал.

Он знал, что присевшая на краешек стула тоненькая и юная девушка никогда по собственной воле внимания на него не обратит. И не она одна. С женщинами у Швидоу не клеилось с юности. Даже просто заводить знакомство. Строгое воспитание в детстве не позволяло задуматься о продажных девицах; сердце же влекло ко многим, но те воспринимали капитана с таким же равнодушием, каким смотрели на старое сухое дерево, не приносящее плодов: выкорчевать и забыть.

Первая серьезная любовь случилась в четырнадцать лет. В дочку мельника: рыжую, конопатую, громкоголосую и шуструю, как ветер. Ни секунды на месте ни сидела – махала косами и шелудила семечки. И Дуон был ей под стать: такой же худой и длинный, словно жердь, рыжий и веснушчатый. В конце лета отец отправил юного отпрыска в столицу Нолфорта: посмотреть место, где днем и ночью кипит жизнь, набраться опыта и просто завести могущие стать полезными в будущем знакомства. Знакомств Швидоу не завел, а опыт получил лишь в том, что куда бы он ни пошел, его везде стремились ограбить и надурить.

Год, проведённый в самом оживленном городе западного континента, так и не наполнил Дуона нужными знаниями. Зато какво же было его удивление, когда, вернувшись в родные земли, вместо рыжей нескладёхи он увидел молодую женщину, богатую на грудь и бедра. Она уж более не разбрасывала шелуху от семечек подле забора, а скромно сидела дома, ожидая дня свадьбы с местным кузнецом. Не с Дуоном.

Потом было второе увлечение. И третье. Каждое глупее предыдущего. Дамы попадались уже постарше и продуманнее. А то, что в Швидоу их прельщали лишь статус, земляные угоды и большие связи, доходило до будущего капитана не сразу. Лишь после того, как его бросила пятая пассия, успешно устроившая себе счастливую партию с личным поваром Дуона, рыжий неудачник остепенился. Желание сколотить своё семейное счастье сменилось равнодушием. Равнодушие продолжалось долго. Пока не появилась она.

И все в ней было складно. И средний рост, чтобы выгодно выглядеть в свете, когда женщина чуть ниже сопровождающего её мужчины, чтобы даже таким способом подчеркнуть покорность и преклонение перед истиной силой – мужской. И темные, цвета спелых обжаренных каштанов, густые волосы, заплетенные в тугую косу. И глаза – ореховые, с янтарными крапинками, словно щедрое солнце в жаркий день подарило несколько брызг.

Дуон был безнадежно влюблен. Никому об этом не говорил и только тяжело вздыхал. Когда же на приеме у лорда Стернса по случаю расширения южных территорий роскошная красавица робко попросила Швидоу передать ей мясо кабана, Дуон посчитал, что первый шаг к знакомству наконец-то сделан. Дальше девичьи ноги стоптали башмаки в веселых вечерних плясках с новым знакомым, а усы Дуона затопорщились ещё помпезнее. Счастье переполняло сердце Швидоу и лилось через край, как и бордовое вино, растекавшееся по дубовым столам и крупными каплями падающее прямо в рот охмелевшим и упавшим со скамей на пол гостям.

Лорд Гайлард в тот вечер покинул празднование рано. Поставив размашистую подпись на пакте о присоединении земель и скрепив печатью своё обязательство заботиться о новых деревнях и людях, он незаметно для всех выскользнул из пропитанного мясным дымом и бражным ароматом зала, оставив собравшихся предаваться бесконечному веселью.

О том, что произошло на следующий день сразу с рассветом, когда последние стоявшие на ногах гости расползлись по домам, а не стоявшие так и продолжали в забытии валяться на полу и земле в лужах вина, эля, обглоданных костей и собственной мочи, Дуон предпочитал не вспоминать.

Вывалившись на улицу, он жадно глотал воздух, цеплялся негнушимися пальцами за все, что попадалось на пути, лишь бы не упасть, а продолжать идти. Ехать в родовое поместье не было сил, и он смог только доползти до каморки, что отвел ему при Торренхолле лорд Стернс, упасть на кровать, закрыть глаза и молиться о том, чтобы выжить.

Дуон выжил, но с красивыми женщинами раз и навсегда было покончено, а некрасивых не хотелось. На душе стало спокойно и уютно. День сменялся новым днём, который был точной копией предыдущего: подъём по расписанию, объезд территорий в поисках новых ратников, обучение, отсеивание бестолковых и передача пригодных в руки командира Стендена. Другой давно бы сошёл с ума, а Дуон сумел свыкнуться с новой обыденностью, отвыкнуть от старого уклада жизни и даже получить в награду чин капитана. Вот только отмечать звание никто не пришёл; общение Швидоу ограничивалось стенами его комнаты при казармах и немой служкой. Ему-то и перепала золотая монета – знак неслыханной щедрости хозяина, а ещё пол кружки наливки. На всех же остальных в округе Дуону было глубоко плевать.

Он увидел Рики жаркой летней ночью, когда не спалось и виски сдавило от невыносимо сильного аромата полыни. Одета просто, с косынкой на голове и в прохудившихся башмаках, она вцепилась в его руку и что-то сбивчиво пыталась объяснить. Стражники поначалу приняли её за полоумную, хотели уже прогнать, но косынка спала, и Дуон обомлел. Угловатость и неказистость девичьего силуэта напрочь исчезли, уступая место невинному личику, обрамленному короткими рваными волосами. В пронзительном взгляде читалась мольба, и сердце капитана сдалось.

Зачем деревенская девчонка просилась в стражники, он так и не понял. По правде, он не сильно и слушал – все любовался соломенным цветом волос и бледно-розовыми тоненькими губами. Говорила Рики горячо, но сбивчиво и путано. Когда же замолчала, то Дуон ещё долго соображал, что ответить, так как благополучно пропустил всё сказанное мимо ушей. А когда разобрался, то смог предложить лишь место служанки – место теплое, и кормят хорошо, для юной деревенской особы самое подходящее. Помимо казарм Рики должна была убирать и его личные комнаты – и в это время Швидоу старался отменить любые учения и быстрее бежал к себе в каморку, чтобы лишний раз из угла жадно наблюдать, как весело искрятся на свету медовые волосы девчушки; как изящно она наклоняется, разбирая разбросанные вещи; как приподнимается на цыпочки, чтобы расправить тяжелые шторы, и как заботливо протирает фамильный меч капитана, разглядывая выгравированные цветки вереска на рукояти.

Швидоу не раз ловил себя на мысли, что пойдя он у Рики на поводу и дай ей то, о чём она просила, она давно потянулась бы к нему. Возможно, они стали бы друзьями. Но разве о дружбе он мечтал? Внутри него изо всех сил боролись два желания: исполнять любой каприз тоненькой девчушки, стоит ей только сказать или просто намекнуть, или превратить казарменные будни в унылую реальность, тем самым показав, что ей не место среди стражников на стене замка. Последнее удавалось очень хорошо, и Швидоу уже чувствовал, что почти достиг желаемого результата. Оставалось совсем немного. Пожалуй, эта ночь вполне могла бы поставить точку.

– Я слышал, у тебя есть брат...

Дуон начал издалека. Сделал несколько шагов влево-вправо по комнате, прислушался, не прекратился ли дождь, расправил складку на рукаве, одернул несвежую манжету.

- Есть, - Рики нервно заерзала на месте и выплюнула слова, будто огрызок от кислого яблока.

Дуон стерпел. Он уже давно замечал, что вывести его из себя не удаётся никому. Ни врагам, ни друзьям - благо ни тех, ни других давно не было.

- Кто-то ещё из мужчин - родственников есть?

- Нет.

Рыжие усы довольно приподнялись вверх и горделиво распушились. Да и сам капитан чуток вытянулся в росте, приосанился и приободрился.

- С утра в конюшне возьмёшь лошадь. Конюх предупреждён, даст тебе хорошую, быструю. Отправишься в деревню к брату.

- Зачем? - выцветшие за лето брови удивленно изогнулись.

- Передашь от меня.

Дуон отодвинул ящичек деревянного комода, вынул оттуда небольшой свиток, туго скрученный, перетянутый лентой черно-серого цвета, и протянул его Рики.

- Что в нем? - холодно спросила девчонка и недоверчиво повертела свиток в руках. - Вы всё же решили от меня избавиться и пишете брату, что моё место среди коров и деревенских сплетниц?

- А ты разве не соскучилась по дому? - Швидоу набрался смелости и посмотрел Рики в глаза.

Та взгляда не отвела. Напротив, смотрела бесстрашно и даже немного безрассудно. Море... бескрайнее море бушевало в её взгляде, волновалось и негодовало, и не собиралось так просто сдаваться. Металось, штормило, топило всех, кто посмел усомниться в его силе. Дуон вздрогнул, поежился, отвернулся и продолжил, не сбавляя тон:

- Разве тебе не надоели грязь, вонь, мужицкий запах вокруг? Эта одежда, в конце концов? - Дуон обвёл рукой грубо пошитые штаны и тунику, больше похожую на шутовской балахон, которая была девушке на три размера больше и выразительно свисала с неё во всех мыслимых местах.

- Вначале всегда так: нужно притереться, пообвыкнуть, и потом будет проще.

- Ты хоть понимаешь, под что подписываешься? всю жизнь убирать помои и счищать навоз и глину с сапог.

- Почему всю жизнь? - перебила капитана Рики. - Вы говорили, я послужу вам несколько месяцев. Вы присмотритесь ко мне и, если нареканий не будет, возьмёте в новобранцы.

Дуон прикусил язык. Он действительно наобещал ей многого в день их встречи, преследуя лишь одну цель: оставить при себе девчонку на как можно большее время.

- Я готов взять тебя хоть прямо сейчас, но лорд Гайлард не даёт на то своего согласия, - покачал головой Дуон. - Милорд принимал меня несколько дней назад, и я просил о тебе, но его милость и слышать ничего не хотел.

- Я так и знала, - буркнула Рики. - Все испокон веков твердят, что женщине не место среди солдат и даже стражников. Но ведь я готова учиться, готова служить на равных с мужчинами, не прося ни о какой пощаде или послаблении для себя.

Дуон насупил брови.

- Лорд Стернс был непреклонен. Он не только против тебя в рядах городской охраны - он просит, чтобы я отправил тебя из гарнизона обратно к брату, где тебе и место.

- Об этом вы тут и пишете? - со слезами на глазах Рики покосилась на свиток, который не переставала теревить в руках.

Дуон снисходительно улыбнулся.

- Коль ты так хочешь остаться среди стражников, то есть один способ. Милорд был настолько любезен, что подсказал мне его - сам-то я и не додумался.

Рики встрепенулась, и по всему её виду стало понятно, что она согласится на что угодно.

- И что надо делать?

- Просто передай моё послание брату, - еле заметная собственническая улыбка скользнула по

губам капитана и спряталась в рыжих усах, - и всё будет так, как ты хочешь.

Лицо Рики светилось счастьем. Впервые за ночь. И впервые за всё то время, что она провела в стенах гарнизона. Швидоу никогда раньше не видел её такой. Да и сейчас она улыбалась не сильно, а лишь уголками губ. Робко, но искренне.

- Ступай. Смотри долго в деревне не задерживайся. Послание передашь и следующим утром обратно. Поняла?

- Так точно, капитан, - деланно отрапортовала девчушка и, крепко сжав свиток, выбежала из комнаты.

Глава 4. Навоз и стрелы

На заднем дворе стоял запах навоза.

Он был настолько ярким и терпким, что хотелось зажмуриться и заткнуть ноздри цветками клевера, лишь бы навсегда лишиться нос возможности вдыхать столь явный признак жизни. Беда состояла в том, что розово-белые цветы тоже изрядно замарались и пахли сейчас совсем не мёдом и утренней росой.

Ночная буря успокоилась, оставив после себя затопленные овраги, поломанные деревья, искореженные плетни и побитые островки крапивы. Даже петух молчал этим утром: крыша курятника давно прохудилась, и за ночь его изрядно залило. Теперь он был полон грязной воды, смешавшейся с помётом и соломой, холоден и тих.

Лошадям в конюшне тоже не посчастливилось. Поднимая из воды то одну ногу, то другую, тихим недовольным ржанием они пытались привлечь внимание конюха. Но тот спал мертвецким сном чуть поодаль, ещё не протрезвевший с ночи, и сильно вонял кислыми огурцами и чесноком.

Рики тихонько шлепала по тёмным лужам. Старалась никого не разбудить и не потревожить, чтобы остаться незамеченной и не дать лишнюю пищу для неуместных размышлений. Ведь ситуация, когда командир так легко даёт гарнизонную лошадь простой служанке, может вызвать кучу сплетен, пересуд и недовольств.

Дверь в стойло тихонько скрипнула. Статная гнедая радостно фыркнула, увидев, как девушка распутывает поводья. Ещё несколько минут, и она сорвётся с места и понесётся вскачь. Выдернет копыта из холодной воды и ударит ими о землю, перескакивая через путанные древесные корни, вылезшие на поверхность. Правда, земля не столь уж твёрдая после дождя-то, и увязнуть в разжиженной глине тем утром было более чем вероятно. Но всё лучше, чем переминаясь с ноги на ногу и слушать храп нетрезвого мужика.

С поводьями было уже почти закончено, как вдруг Рики остановилась и прислушалась. Нет, не показалось. Свист. Легкий, быстрый, воздушный. Оставив лошадь нервно топтаться в стойле, Рики приоткрыла дверь на улицу и осторожно выглянула.

Вжих.

Стрела прилетела со стороны свинарника и вонзилась в самое сердце деревянной мишени, наспех сколоченной и прибитой к высокому забору. В центре мишени багровой свеклой было намалёвано пятно размером с кулак.

Вжих.

Ещё одна остроконечная молнией промчалась в направлении цели и застряла в аккурат между двумя стрелами, выпущенными ранее. Желая разглядеть меткого лучника, Рики высунула голову сильнее.

- Чего лыбишься? - смешливый окрик застал врасплох. - Иди-иди, не бойся. Я твой вихор сразу заметил.

Рики вывалилась из конюшни и с подозрением оглядела нахального, но меткого стрелка. Ростом тот был невысок. Задиристый подбородок, нос с красивой горбинкой, весь в веснушках. Волосы стрижены криво: пряди с одной стороны были длиннее прядей с другой. Одет чисто, без заплат, но не вычурно. Не из бедных и не из богатых. Можно было смело решить, что из середнячков, имевших достаточно средств на пропитание, но ни медяком больше, если бы не лук: рукоять гладкая, как шелк, выполненная из темного морёного дерева. Выпуская стрелу из своих тисков, он был подобен кораблю, чей нос рассекает морскую гладь так же, как стрела рассекает воздух.

- Умеешь? - бойкий паренёк кивнул на лук, когда Рики приблизилась.

- Училась, но пока успех невелик.

- Хочешь попробовать?

Два раза уговаривать не пришлось. Крепко сжав рукоять, Рики натянула тетиву. Сердце бешено стучало, пальцы не слушались, сбивались, по лбу потекла тоненькая холодная струйка. Изящное оружие не стерпело таких пыток - стрела выскочила и шлепнулась в грязную жижу.

- Ты конюху подсобляешь?

- Нет. Из новичков я, - соврала Рики.

- Девчонок тоже берут? - присвистнул паренёк. - А кто у вас там главный? Рыжий таракан Швидоу?

- Ага, - сглотнула Рики, вспомнив о поручении капитана и необходимости, как можно раньше, отправиться в деревню к брату.

- Он по-прежнему возится с деревенскими неучами, или что посерьезнее доверили?

- Напекаешь, что из меня ничего толкового не получится? - Рики огрызнулась.

- Из лука ты точно стрелять не умеешь!

Что правда, то правда, Рики вздохнула.

- Он ещё караульными командует. Половина из которых - те самые неотесанные неучи, набранные из деревень.

- Да тьфу, - паренёк махнул рукой, прошёл к своей самодельной мишени, выдернул из неё стрелы и осмотрел наконечники. - Одно название, что Швидоу кем-то командует. Таракан - трус и даже своей тени боится.

- Откуда ты знаешь?

- Отец рассказывал, - заважничал мальчуган, убирая часть стрел в колчан.

Из хлева выползла раскормленная, грязно-розовая свинья, прошлепала копытцами по грязи, уткнулась носом в ногу Рики. Пожевав голенище сапога, развернулась и зацокала в сторону паренька, вытащившего из кармашка на ремне нож и затачивавшего последнюю стрелу, прежде чем убрать её к остальным.

- Эй, сороки-трещетки, угомонились? - Из стойла вылез конюх и зашатался в направлении бочонка с дождевой водой.

Лицо его было помято и пахло огурцами и мочой. Рики поморщилась, прикрыла нос рукой - сырой воздух настолько обострил запахи, что можно было легко задохнуться.

- Иди-ка сюда, - грязным пальцем конюх поманил к себе мальчишку и указал на бочонок. - Давай, надо освежиться.

И тут же согнулся чуть ли не пополам, подставляя голову и шею под мощную струю ледяной воды, которая в два счета обрушилась на него с легкой подачи молодого лучника.

- Ай, хорошо! - довольно зафыркал конюх и затряс головой в разные стороны, разгоняя брызги. - Что, балаболы, Швидоу вам дорогу перешёл? - разошёлся он, как только с утренним туалетом было покончено. - Да что вы знаете про Швидоу... Щеглы, воробьи неоперившиеся!

Паренёк отставил бочонок в сторону и выпрямился.

- Отец говорил...

- С отцом твоим я знаком, - осадил паренька мужик, заправляя засаленную рубаху в штаны. - Хороший малый, хоть и слишком прямолинейный. Но с Швидоу тоже, чай, не первый год здоровкаемся. И вам советую молчать и не каркать более о тех вещах, в которых вы ни чёрта не смыслите. А теперь дайте пройти. Встали тут у меня на пути - хоть в лужу прыгай.

Конюх грубо отодвинул Рики от паренька, открывая себе проход по узкой тропинке, чудом не утонувшей в ночном проливном дожде. Сильно шатаясь, засеменил ногами, обутыми в разные сапоги, к сараю в ста ярдах от хлева и при этом бурно ворчал себе под нос, и размахивал руками.

- Погодите-ка, - Рики встрепенулась и рванула вслед за конюхом. - Капитан Швидоу велел дать мне лошадь!

- Лошадь? Тебе? - конюх выпучил покрасневшие глаза на раздумывающуюся от смятения и неловкой смелости девушку. - В седле-то держаться умеешь?

- Умею. Не хуже любого из новичков. И из лука выстрелить смогу, если придётся. Хейм всему научил, - выпалила Рики, чувствуя, как горят и алеют щеки.

Казалось, пьяный конюх вмиг протрезвел. Захохотал во всё горло, уперевшись руками в бока. Да так сильно, что хохот тут же перешёл в сдавленный кашель, а изо рта завоняло съеденным на ночь окороком, которой так и не переварился в желудке и был готов уже полезть обратно.

- Эларан, ты слышал? Её наши гарнизонные оболтусы научили! А тебя пьяный бродяжка вроде меня! Покажи-ка, девочка, чему тебя натаскали? Каким концом стрелу в тетиву ставить хоть показали?

- А то, - нахально буркнула Рики.

- А ну, дай сюда, - некрепко стоявший на ногах конюх протянул руку в сторону паренька и потребовал лук. - Удиви нас, покажи, что ты умеешь.

Последние слова были сказаны таким язвительным тоном, что Рики поёжилась. А пьяница не унимался, зачерпнул волосатой ручищей комок грязи и обмазал им широкий ствол старого дуба. Пятно получилось огромным, жирным и жутко омерзительным.

- А ну, попади, - продолжал подначивать конюх.

- Мне привычнее по монеткам, - делано ответила Рики, втайне надеясь на то, что выкрутится.

- Монетка, монетка... - забормотал конюх. Проверил карманы, даже в зубах поковырялся. - Ну, чего нет, того нет, но вот тебе цель.

Он вытащил из кармана огурец, откусил кусок, выплюнул его изо рта на ручищу и со всего размаху залепил в самую середину вонючей грязи.

Рики переглянулась с пареньком. Тот подбадривающе подмигнул, протянул стрелу и встал чуть поодаль.

- Главное, не волнуйся, - тихонько прошептал он. - Опора - это рот. Теперь кисть ко рту, локоть пониже... И стреляй, как дышишь, не задумываясь.

Сердце Рики бешено колотилось уже второй раз за утро. Тетива напряглась.

- Не думай о мишени, - замороженным голосом продолжал мальчишка, словно читал магическое заклинание.

Краешком глаза Рики покосилась не него и поразилась внезапному преобразению. Эларана было не узнать. Поддерживая локоть Рики, он готов был слиться с луком в одно целое, последовать за стрелой, если это будет необходимо. Его глаза восторженно блестели, а дыхание почти остановилось. Даже веснушек на лице вдруг стало меньше, а сам мальчуган будто резко повзрослел, лет этак на пять. Молодой мужчина, а не мальчишка вовсе: сильный, с цепким взглядом, всецело подчиняющий себе безупречное оружие, которое слушалось беспрекословно и стреляло без промаха. Тетива ослабилась, отпуская стрелу. Та просвистела и врезалась почти ровно в центр мишени. Покачалась с несколько секунд и замерла.

- Почти, - зашевелил губами паренек.

Рики победно улыбнулась.

- Вот тебе лошадь, - проворчал конюх, выводя из стойла серую. - Кобыла тихая, послушная, сама не скинет и быстро не пойдёт, так что смотри не загони, не то скажу Дуону. Он с тебя три шкуры сдерет да вдобавок на соль поставит.

- Дуон - нудачник, - фыркнул мальчишка, за что тут же получил подзатыльник. - Эй! Отцу расскажу.

- Только каркни мне тут ещё о Дуоне, - рассвирепел конюх. - Сам коленками соль есть будешь. И отец не поможет.

- А как ещё можно назвать того, кто разбазаривает свои земли? Его назначение на должность капитана показное. Это всего лишь сделка с лордом Стернсом.

- И выгодная для обоих сделка. Кому от этого стало хуже? Тебе? Мне? Или, вон, воякобабе?

- Отец считает это слабостью и большим рассудком. Ни один лорд в здравом уме не откажется от титула и поместья, а Швидоу всё передал в руки Стернса. И в качестве благодарности получил всего-то звание капитана и сомнительную работу. Швидоу думает, будто смотрит за стражниками и новичками, а за самим Швидоу смотрят люди милорда: его армия и личная охрана. И руки всегда на рукояти меча. Что таракан против такой мощи?

Ещё один подзатыльник осчастливил паренька.

- Милорд уважает капитана Швидоу, и ты, будь добр, делай то же самое.

- Ладно-ладно, - мальчишка скривился, потирая ушибленное место.

- Ты-то чего воды в рот набрала? - плюнул конюх в сторону Рики. - Швидоу - твой начальник, так поставь на место этого малолетнего олуха, что смеет тут рот открывать.

А Рики и не знала, что ответить. Дуон всегда был ей откровенно безразличен. За месяц работы ей ни разу не пришлось в голову копнуть хоть чуточку глубже, чем просто имя капитана.

О том, что Швидоу год назад заключил сделку с лордом Гайлардом, она не знала. Да и откуда знать, если всё детство прошло в деревне по ту сторону леса, а в родных ей местах хозяевами испокон веков были Стернсы, хоть сами туда крайне редко навещались.

Юг королевства стремительно разрастался. Шестая провинция по счету, она была больше и богаче всех других, входивших в состав Нолфорта. Здесь было всё: и беспокойное Хмурое море, и длинный, местами непроходимый, буквый лес. То там, то тут маячили трубами крыши домов в деревеньках и небольших городках, а в самом сердце юга высились башни Торренхолла.

Король навещал эти земли чаще других - в отличие от прочих провинций здесь всегда кипела жизнь. И в отличие от остальных земель здесь всем командовал его племянник. Командовал настолько жёстко, насколько позволяла его благородность.

Территории, принадлежавшие Дуону Швидоу, не были ни большими, ни богатыми. Насчитывали несколько маленьких, по-семейному уютных деревушек, с десятком непроходимых, заросших камышом болот и родовое поместье Швидоу. Слишком разительный контраст с раздольями соседа - Гайларда Стернса - и шпилями башен его замка.

О причинах, почему седьмая провинция королевства вдруг ни с того, ни с сего одним лишь росчерком пера стёрла своё название с карты Нолфорта и влилась в состав земель лорда Гайларда, Рики конечно же и догадываться не смела. Даже никогда и не задумывалась. Но теперь поняла, что не просто так за хозяином Торренхолла закрепилась слава завоевателя. Вначале объединение под одним флагом своих территорий с территориями соседа - объединение внутри одного королевства. А затем и внешний поход на Ллевингор, который тут же склонился перед более сильным и могущественным противником. Склонился и склонился - Рики это не волновало. Волновал лишь Швидоу, ведь не будь этой сделки, на его месте мог бы сейчас быть другой капитан: более лояльный к её просьбам, более авторитетный, более умный. А приходилось терпеть рыжего усача, которого, казалось, во всей округе только пьяный конюх и уважал.

А конюх, так и не дождавшись ответа девушки, передал ей в руку поводья и ещё раз укоризненно покачал головой.

- Замуж бы тебе выйти да дома сидеть, а не по конюшням и мужицким местам бегать.

Рики спорить не стала. С самого рождения она только и слышала порицания и насмешки в свой адрес. Слышала ото всех: от деревенских подруг, которым по глупости сморозила о споре с мальчишками и решении сбежать в Торренхолл; от молодых патрульных, сменявших друг друга на посту и укоризненно качающих головой, глядя как хрупкая девчушка сметает в яму перемешанную с навозом грязь; от капитана, в конце концов, который попытался убедить лорда Стернса оставить девушку при гарнизоне и обучать наравне с мужчинами, но успеха не добился; теперь вот даже от конюха... В этом списке не было только одного человека - её брата...

- Эй, ты чего в облаках витаешь?

Рики вздрогнула и повернулась на голос.

- Я говорю, на турнир придёшь? - паренёк перекинул за спину колчан со стрелами.

- Какой турнир?

- По случаю свадьбы лорда Стернса. Говорят, празднования будут грандиозные. Везде мёд и сладости раздавать будут. И много пива. Если пойдёшь со мной, то куплю тебе кружку. Уж поверь, мне только слепой не продаст!

- С чего такая важность?

- Есть с чего, - загадочно подмигнул паренёк. - Так придёшь?

- Ради пива?

- Так ещё же и состязания будут. На лучшее владение мечом, луком и, боги только знают, чего ещё навывдумывают. Я подал заявку на участие в турнире лучников. Отец, правда, пока не знает...

- А если узнает?

- Однозначно выпорот! Он считает, я ещё не готов и могу его только опозорить.

- А кто твой отец?

- Так ты придёшь меня поддержать? - перевёл тему мальчишка. - Если выиграю, обещаю посвятить победу тебе.

- Вот ещё, - хмыкнула Рики, - победы знатным дамам посвящают, а я деревенская неумеха.

- А ты видела этих знатных? Ты любую из них переплюнешь, наряди тебя да намажь так же. Видел я этих знатных: одна слепая, другая на ухо тугая, а есть ещё и толстые!

- Ладно тебе болтать, - прервала беседу Рики, - а то я и до полудня выехать не успею. Помоги лучше.

Паренёк не отказался. Помог взобраться на лошадь, перекинул поводья, подал их девушке.

- Смотри, я буду ждать! И, кстати, меня зовут Эларан.

Глава 5. Старая склянка

Острова Берлау

- Кем он себя возомнил?

От шёпота, похожего на змеиный свист, молоденькая портниха вздрогнула и уронила шитьё на пол.

- Этот напыщенный, тщеславный, ничтожный человечиска...

Теперь не выдержали испытания руки горничной – тарелка из тонкого фарфора нырнула вниз и разлетелась на мелкие кусочки. Плюхнувшийся на пол сыр смешался с песком, оставшимся от сапог гонца, бывшего в покоях минутой ранее.

Крючковатый нос проследил и за тарелкой, и за сыром. Изучение ситуации заняло некоторое время, а затем взгляды молодых, казалось бы, уже привыкших к особенностям голоса своей госпожи, служанок встретились со взглядом старых, морщинистых, почти лишённых жизни, бесцветных глаз. Глаз королевы.

Морвенна, старуха, пребывающая на троне вот уже столько лет, сколько не живут, поморщилась и прошамкала:

- Убирайтесь. Обе. Хотя стойте. Пришлите ко мне Риона. А теперь убирайтесь!

Реветь было бессмысленно – сами виноваты. Девчонки это понимали. Пулей вылетев из комнаты, облегченно выдохнули – хоть не выпороли. Хотя порка может состояться позже – королева злопамятна. И не спускает с рук ни одной оплошности, даже весом с грош. Хозяйка маленького замка, в котором с трудом можно было отыскать свободную комнату на случай приезда редкого гостя, всю жизнь славилась чрезмерной вспыльчивостью и неумной подозрительностью.

Утренний воздух был невероятно свеж и чист. Легкий, ещё не впитавший в себя терпких запахов гостевых дворов и харчевен, ветерок свободно гулял по побережью, залетая то в окно горничной, то работницы за прялкой, то царствующей особы. Промчавшись по выложенной холодным камнем комнате, он ненадолго задержался, чтобы поиграть кистями яркого полотнища, изображавшего сцены битв с морскими чудовищами и вытянувшегося во всю стену.

Самое центральное изображение поражало набором красок и реалистичностью. Вырастающий из белой морской пены дракон готовился расправить крылья и наброситься на свою жертву. Его глаза наполнились огнем, а из ноздрей валил чёрный дым. Острые когти резали лучше самых известных клинков, а из приоткрытой пасти выглядывали мощные клыки. И если приложить ухо к полотнищу, то можно было даже услышать, как бьется его сердце. Уныло и монотонно. Слово подмастерье из похоронной лавки выполняет ежедневную рутинную работу – забивает гвозди в гробы.

Именно там, в глубоком бархатном кресле рядом со страшным драконом, и находилась сейчас старая, седая, сгорбленная Морвенна, недовольная и злая.

- Его дерзость переходит все границы. Море – моё царство, и никто не вправе посягать на мои богатства. Тем более он, – раздражение срывалось с губ королевы, словно плевок в ненавистного и упрямого собеседника. Но никакого собеседника рядом не было.

Старуха тяжело вздохнула, вцепилась неровными ногтями в ручки кресла, закрыла глаза и притихла. Просидев так с четверть часа, она внезапно встрепенулась и прислушалась. Несмотря на старость, на слух Морвенна никогда не жаловалась – несдобровать той мышце, возню которой она услышит за стеной. Сейчас же она отчетливо различала неспешные шаги. Идти так ровно и спокойно, неторопливо и даже нарочито вальяжно мог только один человек в Берлау.

Дверь отворилась.

- Вы меня звали?

- Входи-входи, – прокаркала королева и махнула рукой, приглашая ближе.

- Опять спина ноет? – заботливо поинтересовался вошедший, уверенно прошествовав по комнате.

Приблизившись к Морвенне, он пододвинул к себе покрытый бархатной тканью пуф, водрузил на него увесистый саквояж, а затем бережно провёл ладонями по плечам старой правительницы, стягивая с них одежды.

- Новая мазь? – старуха оживилась и активно зашевелила ноздрями, втягивая резкие запахи, вылетевшие из небольшой склянки.

- Немного расширил рецептуру. Добавил стружку камыша, экстракт болотных лилий и рыбий жир. Как вам? Боль уходит куда быстрее, не правда ли? - сильные руки забегали по изношенной коже старой женщины, старательно втирая терпко пахнущее средство.

- И правда, быстрее, - облегченно выдохнула королева. - Что бы я без тебя делала... и без твоих рук.

Она бросила полный похоти взгляд на кончики пальцев молодого лекаря, показавшиеся на правом плече и через минуту исчезнувшие, чтобы заняться левым.

- Мне приятно это слышать, ваша милость. А теперь приподнимите голову.

Пальцы Риона заскользили по лбу королевы, испещрённому глубокими морщинами, старательно разглаживая их.

- Повсюду слухи, что вы доверяете вашему лекарю больше, чем Малому Совету... Раньше о подобных слухах я лишь догадывался, теперь же слышу, как на эту тему шепчутся служанки за стеной.

- Слухи, - фыркнула старуха, прикрыв глаза. - Всё, что они могут, это распространять слухи. На большее эти бездари из Совета не способны.

- И всё же это Совет. Ваши правая и левая рука, сведущие в делах военных и финансовых.

- Хвала богам, эти дурни не мои руки. Мои же всегда со мной и при том весьма недурно выглядят, - Морвенна приподняла кисти рук, любуясь ими.

- А сейчас будут выглядеть ослепительно, - Рион зачерпнул жирной мази из склянки.

Королева задумчиво смотрела на лекаря перед собой. Опустившись на одно колено, он бережно втирал мазь в кожу её правой руки. Проводил по каждому пальцу, не сводя с них глаз и не оставляя незамеченным ни одного дюйма.

Рион был при дворе уже больше трёх лет. Целыми днями только и делал, что колдовал над снадобьями и отварами для дряхлой хозяйки Берлау. Морвенна была счастлива. Прежний лекарь не обладал даже тысячной частью тех знаний, что были в голове у Риона. Королева хорошела на глазах. И хотя полностью прогнать старость было не под силу, блеска в её глазах прибавилось, как и упругости кожи. Кости болели меньше, виски пульсировали уже не так часто, и мигрень практически прошла. Руки лекаря творили волшебство. Как и зеленые глаза, мягкий голос, которым вечерами он читал стихи; как и молодое тело, ночами гревшее королеву в постели.

Откинувшись на спинку кресла, Морвенна впиалась в лекаря взглядом хищной птицы. Не мигала и не дышала, лишь сверлила черными глазами не лишённое красоты лицо. Рион поднял голову и ответил на взгляд. Им хватило всего секунды, и влажные гладкие губы встретились с сухими и безжизненными. Комната утонула в запахах необузданной страсти молодости и болотной гнили.

- Тебя надо женить, - процедила Морвенна, когда любовный голод был утолён, и каждый вернулся на своё место: королева - в мягкое кресло, приглаживая редкие седые волосы, а Рион - к аптекарскому саквояжу, упаковывая в него мази и настойки.

- Ваша милость знает, что я верен лишь вам.

- Ты женишься, - твёрдым голосом повторила королева, - на моей внучке Ирис. Она недурна собой, юна, неопытна как в любви, так и в управлении землями. А ты соображаешь и в том, и в другом. Других наследников у меня нет. А выдавать внучку за кого-то из этих родовитых оболдуев вроде Итора или, ещё хуже, Стернса, я не намерена.

- У Стернса нет сыновей, ваше величество. Только дочери.

- Ты понял, о ком я, - отмахнулась старуха.

- О племяннике короля - Гайларде Стернсе, - уточнил Рион.

Королева кивнула.

- Но он женится на ллевингорской принцессе.

Последние слова придворного лекаря утонули в сдавленном кашле старой правительницы.

- Мои птички донесли до меня эту новость, но я не поверила, - выдавила из себя старуха. - Чтобы он, такой гордый, такой надменный, такой самодовольный, и взял в жену эту наивную девочку!

- Это брак по расчёту, а не по любви.

- О да, расчёт. Как это в стиле всех Стернсов. Ничто так не подходит этой семейке так, как это слово.

Королева покачала головой и продолжила, упираясь взглядом в темный угол:

- Наш мир слишком долго не знал войны и агрессии. Это и погубило Ллевингор, но Берлау Стернсы так просто не получат.

Рион еле заметно вздрогнул, отвлекся от саквояжа и задержал взгляд на королеве.

- В послании гонца говорилось не только о свадьбе?

- Всего лишь сплетни моего старого друга, - небрежно кинула Морвенна.

- Не похоже на просто сплетни.

Старуха стрельнула глазами в сторону лекаря, но тут же смилостивилась. Лицо подобрело, сухая рука нырнула в шкапулку на столе и вытащила свиток.

- Прочти и скажи, что об этом думаешь.

- Война между Ллевингором и Нолфортом закончена, - вымолвил Рион, пробежав по мелкому тексту взглядом. - Ради мира и заключается династический брак.

- Смотри глубже. Зная Стернса, простым браком он не отделается.

- Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять намерения Стернсов. Итору осталось недолго править Ллевингором. Ставлю, что не пройдет и полгода, как все королевство войдет в состав Нолфорта в качестве земель Гайларда.

- Так и будет, - размеренно пропела Морвенна, наливая из чайника в кружку остывший цветочный отвар. - Армия Итора разгромлена полностью.

- Армия? Моя госпожа, да армии, как таковой, и не было.

Морвенна задумалась и пригубила отвар из чашки с золотой каймой. Ей рассказывали о Ллевингоре: чему-то она верила; чему-то - нет.

Когда Итор обнаружил в своих владениях золотую шахту, то позабыл обо всем на свете. Тем более об армии. Оружие начало ржаветь в подвалах. Новобранцы вместо службы в королевском полку стали проходить курсы золотодобычи и владения кирками. Даже опытные командиры предпочитали перебирать золотые самородки, а не объезжать границы государства с проверкой. За мечи, и то булафорные, брались только на рыцарских турнирах. А иногда обходились и без них - ограничивались чтением баллад и состязаниями по скоростному поеданию жареных цыплят.

Золотые шахты ослепили ллевингорцев и привлекли внимание Стернса, ведь его запасы золота таяли с каждым днём. Больше всех переживал казначей и без устали пил успокоительные капли. Здоровье Велора спасла только война.

- Стернс силен, - промычала старуха, жадно глотая прохладный напиток. - Итор взвыл, будто собаке на хвост наступили.

- А что вы хотите, когда с одной стороны армия, а с другой - отряд с лопатами? Всё остальное у Итора давно сгнило.

- Берлау никогда не стать вассалом Нолфорта! - Морвенна со всей силы ударила кулаком по столу.

- В послании, что принёс гонец, говорится только о планах занять Вороний остров.

- Поверь мне, это лишь начало, лишь повод дать кораблям команду на отплытие. Подумай хорошенько: сначала он лишил обедневший, но древний род Швидоу власти на болотах. Оттяпал у них последних комаров и вересковые пустоши, а самого Дуона сделал своей куклой. Хотя, должна признать, тот с детства болен на голову. Затем Ллевингор! Золото, сестра короля, а потом и королевская корона - все идёт к нему в руки, и никто не в силах возразить. Лорды Нолфорта, эти ленивые увальни, вместе с королём только восхищаются и подбадривают ненасытного волка на новые чудовищные свершения. Теперь Вороний остров... Стернс получит добрую половину моря, а что останется мне? Сидеть тут тихо, в этих гнилых хоромашах, и смотреть, как после острова его корабли выстраиваются в ряд у наших берегов?

Рион робко кашлянул, прерывая королеву, и вымолвил:

- Меня пугает другое.

Старуха вцепилась взглядом в лекаря.

- Что же?

- Договор основателей. Соглашение, подписанное тремя первыми королями, гласит, что никто не вправе ступить на остров. Поощряя действия своего племянника, король Нолфорта ни во что не ставит древние договоренности. Вороний остров - оплот равновесия светлых и темных сил. Любой, кто нарушит баланс, обречет наш мир на вечную ночь.

- Всё так, дорогой Рион, всё так. Древние сказки никто не отменял, хоть я в них уже давно не верю, - старуха закрыла глаза. - Сдаётся мне, этому выскочке Стернсу и не рассказывали древнюю легенду. Наши предки не для того ставили подписи на документе, чтобы какой-то алчный горделивый человечиска вдруг вздумал, что он властелин мира.

- Королю Нолфорта надлежало бы приструнить племянника. Если он допустит нарушение древнего договора, то, кроме вас, ему придется объясняться и с Талайтом. Не только Нолфорт и Берлау подписывались под статусом острова.

Морвенна беспокойно защелкала костяшками длинных пальцев.

- По правде, у меня нет никакого желания вести беседу с этой нолфортской бородавкой. Риккард Стернс должен тщательнее подбирать себе лекарей и цирюльников, не то его лицо совсем зарастёт гнойниками. А Талайт далеко и, говорят, сильно болен. Пока новость дойдет до Имил Даара, прибрежные воды острова будут кишеть нолфортскими кораблями.

Рион склонился к королеве.

- Вы не хотите созвать Малый Совет?

- Этих старых, плешивых развратников, от которых несет только гнилью и могилами?

- Но нам нужно что-то делать. Нарушение древнего договора - дело серьезное; нельзя просто проглотить и забыть.

- Я напишу Талайту. Выходка Стернса должна взбодрить этого старого хрыча. А там, глядишь, и от недуга вмиг излечится. Подпись Имил Даара тоже стоит на древнем соглашении. Что же мне одной-то отдуваться?

- Будь сын Талайта жив, вместе с отцом они смогли бы остановить Гая, - добавил Рион.

- Да и мне одной под силу, - поморщилась Морвенна.

- Вы планируете дать бой?

- Бой? - королева громко расхохоталась. - Я ещё не выжила из ума, чтобы открыто воевать с Нолфортом. Их флот разнесет мои лодки на куски. Длительный мир погрузил всех в сон, и нынешнее пробуждение слишком болезненно.

- Боюсь вас прогневать, но я мог бы помочь вам.

- Ты не можешь меня прогневать, мой милый Рион, - покачала головой Морвенна, - и помочь тоже.

- И всё же, - Рион настаивал, - мне не спалось на днях, и я, смешивая травы, открыл для себя прелюбопытнейшую вещицу.

Лекарь нырнул рукой в саквяж и выудил из его глубин чёрно-зелёную склянку. Внутри булькала жидкость непонятного цвета.

- Это настойка корня ангорского дерева. Абсолютно безвкусная и очень мощная. Три капли на чан, и можно вызвать бурю такой силы, что корабли противника никогда не доберутся до цели. Прибавьте ещё две, и ветер будет завывать так пронзительно, что каждый, кто его услышит, забудет о том, куда плывёт и повернёт к дому.

- И как ты хочешь, чтобы я это использовала? - старуха задумчиво крутила склянку перед собой.

- Одно ваше слово, и я разбужу для вас ветер. Мы выпустим его на море, и вы будете со смехом наблюдать, как корабли Стернса бегут от берегов Вороньего острова.

- Слишком утонченно, - проворчала Морвенна, но склянку не вернула. - Чтобы остановить Стернса нужны не ветер, а грубая сила. Нечто дикое, необузданное, не поддающееся контролю и

пониманию, непобедимое. Может, тогда он начнёт слушать. Нам нужен Талайт, Рион. Пусть он покапает на мозги этому выскочке рассказами о проклятиях острова. Гай ведь, как никто иной, любит старые предания из книги пророчеств, – глаза королевы ярко сверкнули, на губах застыла злая ухмылка.

– Я слышал, Гайлард боится пророчеств книги, как огня.

– Да, да, да, – воскликнула старуха, – книга – ключ к его душе. Мне бы не помешал этот ключ... Узнать бы, где он её хранит.

Ответ последовал подобно грому среди ясного неба, хотя последнее за окном и так было без единого облака.

– В рабочей библиотеке, она же одновременно служит лорду кабинетом.

– Откуда тебе известно?

Рион растянул губы в милой, хитрой улыбке.

– У меня тоже есть приятели-сплетники.

– Она заперта в шкафу?

– Нет, стоит на одной из открытых полок ближе к потолку. Но, видите ли, ваше величество, хоть саму книгу и легко достать, но вот попасть в этот кабинет не так-то просто. Он открывается только на время созыва совета или же непосредственно Стернсом.

– У кого хранится ключ?

– Только у молодого лорда. Есть, правда, запасной. У камердинера по имени Риновар.

– Была б эта книга у меня... Говоришь, второй ключ хранится у слуги?

– Забрать ключ у Риновара равно как забрать у самого Стернса. Невозможно.

– А если его подкупить?

– Вы не знаете Риновара. Ни подкупить, ни выкрасть. У него и мышь рисовой крупинки не унесет.

– Прямо такой неподкупный и совсем без слабостей? – с иронией переспросила Морвенна. – Наверняка, и он в чем-то уязвим.

– У всех есть слабости. Один влюблён, другой алчен. Даже ваша фарфоровая чашка разлетится на мелкие куски, стоит её бросить или хотя бы поставить на край стола и запустить в комнату шаловливых детей. У вас будут ко мне ещё вопросы? – Рион был крайне учтив.

– Вопросы... Боюсь, у тебя на них не будет ответов, мой мальчик. Ступай уже, – ласково пропела Морвенна и взмахнула рукой, словно вороньим крылом.

Рион выскользнул из покоев тихо и быстро.

– Стернс... – королева медленно и с наслаждением тянула каждую букву имени ненавистного соседа. Закрыв глаза, она откинулась на спинку кресла и беззвучно зашевелила губами, будто бормотала заклинание.

Берлау и Нолфорт никогда не были дружны. Общего у них было только море, но кораблей Нолфорта в нём кишело будто клопов в старой перине, а у Берлау каждое судно было на вес золота. Королевство было маленьким, насчитывало пять островов, расположенных близко друг от друга, но заселены были только три. На самом большом стоял королевский замок. И не замок вовсе, а небольшая крепость, но правящие особы всегда тяготели к преувеличению и громким заявлениям.

Мелкие раздоры начались давно. Каждый раз, стоило представителям нескольких государств собраться вместе по случаю какого-либо важного события, Стернсы стремились доказать своё превосходство. Если доходило до споров, они во что бы то ни стало спор стремились выиграть. Всё, о чём ни заходил бы разговор, должно было быть у Стернсов наивысшего качества.

Морвенна помнила, как её – худенькую, темноволосую и неприметную – сватали за одного из правителей Нолфорта. Тот был статен и высок, как все мужчины его рода, уже успел вдохнуть запах крови и женского тела. На Морвенну посмотрел свысока, брезгливо скривился, развернулся и, громко стуча каблуками сапог, вышел из зала. О свадьбе можно было забыть, а в сердце Морвенны зародились обида и жажда мести. Зародились и начали прорастать.

- Стернс... - вновь сквозь зубы процедила старая королева. - Я не дам тебе и на милою приблизиться к Берлау. Вы унизили меня, наш древний род. Теперь настало время платить. Вы думаете, вам всё дозволено, но я найду в себе силы доказать обратное. Я найду в себе силы заставить тебя мучаться, Гайлард, как твой дед много лет назад заставил мучаться меня. Какое же это будет наслаждение видеть, как ты будешь страдать. Как страсть и гордость будут разрывать тебя на части. И как ты сгоришь в том пламени, которое сам и разожжёшь.

На иссохших, вытянутых в ниточку губах дряхлой женщины заиграла довольная улыбка. Её лицо было страшно величественным. Трепет - вот, что испытал бы каждый, увидев её в этот момент: седые волосы портретно обрамляли худое, немного вытянутое лицо с острым подбородком и вьющимися прядями, словно змейками, ниспадали на обвисшую грудь, спрятанную под темно-фиолетовой с золотой вышивкой тканью платья; худые, почти синего цвета длинные пальцы были украшены кольцами со вставками из драгоценных камней; подол платья был расшит жемчугом золотисто-медового оттенка, какой встречается только в юго-западных водах Хмуруго моря и только в самые жаркие летние дни.

Подувший с востока тёплый ветер ворвался в открытое окно и закружил в распущенных волосах Морвенны и многочисленных тканях. Казалось, взмахни королева широким рукавом, словно крылом, и она взлетит подобно птице. Но та только открыла глаза и мстительно их прищурила. Затем выудила из атласного кармашка на поясе небольшой пузырек с зеленоватой жидкостью. Старьё, внешне невероятно похожее на ту склянку, что дал ей Рион, но, в отличии от настойки лекаря, это жутко воняло дымом.

Пузырёк достался Морвенне от прабабки, грузной женщины с двумя жирными бородавками над верхней губой. Бабка была настолько стара, что еле-еле выговаривала слова, половину из которых уже начисто забыла. Слуги ломали голову, пытаясь разгадать, что же она имела в виду, отдавая то или иное распоряжение. Часто не угадывали и получали то звонкий подзатыльник, то обглоданную куриную кость, брошенную в их сторону. Но вот одни слова бабка произнесла чётко и без запинки, будто на пару минут к ней вернулось прежнее сознание, или она стала на несколько десятков лет моложе.

Морвенна хорошо помнила то утро. Она была ещё бледной девчушкой, когда её поманили длинным костлявым пальцем и прошептали: «Девочка моя, возьми это».

В руках бабки сверкнула маленькая склянка. Зелёная жидкость внутри волнительно булькнула и успокоилась.

«Это душистая вода?» - любопытствовала черноволосая девчонка.

«Кхе-кхе, - бабка зашлась сдавленным смехом, - это больше, чем просто вода, моя милая. Храни это, как самое дорогое, и не открывай без надобности».

«Как же мне узнать, когда эта надобность наступит?»

«Узнаешь. Когда тучи заволокут солнце, когда все отвернутся от тебя и повернут против тебя лишь копы да стрелы, тогда и открой. Да будь осторожна. Смешай его с оборотным зельем, напои кровью да тогда и отпусти. И смотри, ничего не бойся. Душить будет, а ты терпи. Слепить будет, а ты на ощупь. Руки отнимутся, а ты зубами ложку держи да зелье мешай. Если не дрогнешь, то будет тебе сила великая против врага твоего. Высосет эта тварь всю его жизнь, заберет все силы и вывернет на изнанку всю его душу».

Морвенна зачарованно внимала словам старой колдуньи.

Шли годы, а таинственный пузырек так и оставался не вскрытым. Несколько раз Морвенна чуть было не поддавалась искушению откупорить склянку, но разве сравнится недосолённый бульон с затянутым тучами солнцем? Или туго зашнурованный корсет? Или туча кораблей соседа, показавшаяся из тумана и приближающаяся к разрозненным островкам? И с этими мыслями королева решительно выпрямилась.

Глава 6. Дом

деревня Ланимор, юг Нолфорта

Послеобеденное солнце клонилось к закату.

Две средних лет хозяйки – одна с корзиной, полной шишек, другая с ведром воды – встретились у ограды небольшого дома. Маленький цветник, разбитый прямо у входной двери, говорил о недурном вкусе его обитателей: пряная гвоздика тёмно-лиловых и бордовых оттенков умело сочеталась с нежным белым колокольчиком, а чуть дальше, под окнами, цвела голубым цветом ароматная лаванда. Прямо за домом раскинулся старый сад, где деревья уже клонились под тяжестью плодов к голой земле, и трава была полностью скошена, высушена и скручена в тугие снопы.

Громко заржала лошадь, запертая в стойле на заднем дворе, но никто не обратил на это внимания. Встретившие друг друга соседки увлеклись обсуждением рецепта настойки из шишек, а сад продолжал погружаться в сумрак и пьянить ароматами груш и яблок.

Для рыбацкой деревушки Ланимор, самой южной точки королевства Нолфорт, начинался очередной обычный вечер. Тихий и безмятежный, по-семейному уютный. В домах зажигались свечи, жарилась свежая, недавно выловленная и выпотрошенная рыба, тушились баклажаны с приправами, и разливалось по большим деревянным кружкам прохладное пиво. То здесь, то там вспыхивали один за другим фонари, висевшие у дверей каждого дома, освещали длинную улицу и создавали атмосферу тепла и спокойствия.

Смеркалось. Дом, у которого остановились посплетничать деревенские жительницы, не торопился присоединяться к другим в веренице себе подобных и зажигать фонари и свечи. В окнах было темно и пусто. Соседкам, видимо, надоело стоять в полумраке, и они, тепло распрощавшись, разошлись в разные стороны. И лишь лягушки остались громко квакать в глубоком овраге.

– Они ушли? – тихий шепот шёл со стороны ограды.

– Да, – ответили спустя мгновение, – можешь идти.

– Постой. Ещё минутку.

– Дален вот-вот придет.

– Я видел его у старосты Коногана. У нас ещё есть время.

Темноволосый юноша ласково провёл рукой по лицу стоявшей перед ним девушки. Он был невысокого роста, хорошо сложен и в меру симпатичен. Огрубевшая на руках кожа выдавала в нём простого работника, как, впрочем, и одежда: простая, удобная, местами потёртая, но без дыр и заплат. Карие глаза смотрели грустно и влюблённо.

– Уже поздно, Гил, – озираясь по сторонам, пробормотала девушка, – нас чуть не заметили.

– Вот так нас точно не заметят! – с озорными нотками в голосе воскликнул юноша и, обхватив девушку за талию, увлёк за собой на землю.

Та только растерянно вскрикнула и тут же оказалась лежащей на куче соломы, смешанной с недавно скошенной травой.

– Они пахнут клевером, – страстно прошептал Гил, вдыхая запах распущенных волос.

Его поцелуи были горячими и нежными, а руки начали беспорядочно блуждать по стройному, словно точёному морской волной телу, затянутому в тонкое льняное платье бледно-лилового цвета. Длинные, слегка вьющиеся русые волосы девушки разметались в разные стороны, а глаза закрылись от нахлынувшего наслаждения. Гил приподнялся и рывком стянул с себя рубашку, бросил рядом. Рукой провёл по тонкой девичьей талии, затем чуть выше и замер на груди, вздымающейся от волнения. Потянув на себя тонкую шнуровку платья, ослабил плотно прилегающую ткань и скользнул пальцами по плечу возлюбленной. Платье поползло вниз.

– Адель! – крик раздался со стороны дома.

Девушка рывком скинула с себя Гила и подскочила. Тот кубарем скатился с мягкой соломенной подушки на жёсткую щетинистую траву и растерянно уставился в темноту.

– Это Дален, – в голосе девушки звенела паника.

Наполовину снятое платье еле-еле налезало обратно. Пальцы не слушались, шнуровка предательски путалась.

- Адель! - крик повторился.

- Скорей одевайся, - кое-как закончив с платьем, девушка бросила Гилу его рубашку, и тот впопыхах стал засовывать руки в рукава. - Если он нас увидит, нам несдобровать.

- Может, я всё-таки поговорю с ним? Скажу, что мы любим друг друга и хотим жить вместе. Ведь это так? Зачем скрывать? - Гил заправил рубашку и затянул пояс.

- И что дальше? - Адель вытаскивала соломинки из волос. - Да он убьёт тебя раньше, чем ты откроешь рот. Лучше сиди тихо, как мышь. Услышишь, как я вошла в дом - перепрыгнешь через ограду.

- Мне надоело притворяться, Адель. - Гил взял девушку за руку и развернул лицом к себе. - Ты любишь меня?

- Гил, сейчас не время, - взмолилась та. - Конечно, люблю. Больше жизни.

- То же самое ты говоришь Далену каждую ночь? Я не поверю, что вы спите с ним в разных комнатах.

- Мне пора, - Адель начинала нервничать.

Гил схватил девушку за руку, притянул к себе и жадно прижался теплыми губами к её губам. Но поцелую не суждено было затянуться - Адель оттолкнула настойчивого юношу, подхватила юбку платья и побежала к дому, в окна которого уже зажёгся свет.

Устройство дома ничем не отличалось от других ему подобных: две крохотные спальни, заодно служившие хранилищем немногочисленной одежды, рыбацкой утвари и прочих вещей; комната побольше, в которой одновременно готовили пищу и обедали; и погреб. Все помещения были тесными, а воздух в доме пропитался запахом летнего луга, исходившего от трав, связанных в тугие пучки и подвешенных под потолком. Скамейки и небольшой вытянутый стол были сделаны из дешёвого дерева. На стенах не было ничего, если не считать полок с глиняной посудой и связки сушёной рыбки, болтавшейся на крючке недалеко от окна.

Дален сидел за столом и барабанил по нему пальцами. Это был высокий загорелый молодой человек, темноволосый и кареглазый, с шершавой кожей на руках, покрытых мозолями и засохшей морской солью. Одет по-деревенски просто: штаны и туника из грубой мешковатой ткани, сапоги на ногах. Перед ним на столе, на самой его середине, стояла глубокая миска, на дне которой лежало немного жемчужной крошки, видимо, ещё не сортированной, но Дален даже не смотрел ту сторону. Его глаза задумчиво уставились на стену, на которой абсолютно ничего не было.

Шум открывающейся входной двери нарушил склонявшую к размышлениям тишину. В комнату вошла Адель с корзинкой, полной цветов.

- Где ты была? - спросил Дален, поднялся из-за стола и подошел к окну.

- Срезала цветы на заднем дворе, - как ни в чём не бывало ответила Адель, ставя цветы в вазу.

- Там же уже темно, хоть глаз выколи, - с недоумением отметил Дален.

- Свои цветы я и в темноте разгляжу.

Адель воткнула последний колокольчик и отставила пустую корзинку в сторону.

- Вот так намного красивее.

- Мне показалось, или я видел Гила во дворе?

- У тебя уже мания, - пожала плечами девушка. - Тебе везде кто-то мерещится.

- Главное, чтобы без повода, - тихо произнёс Дален и убрал из волос жены несколько соломинок.

Та не ответила, только сделала вид, что ничего не заметила, и отвернулась к шкафу с посудой, чтобы Дален не увидел, как засверкали её глаза. В воздухе повисло то неловкое молчание, когда у одного из собеседников ещё куча вопросов, но он не решается их задать, а второй не хочет отвечать ни на какие вопросы и потому делает вид, что обсуждаемая тема ему до смерти скучна.

Адель гремела посудой, расставляя глиняные тарелки на столе и все ещё пряча лицо от мужа. А тот опустил на стул и молча за ней наблюдал. Наконец, перевёл взгляд на входную дверь и внезапно подскочил.

- Черти морские, я совсем забыл!

Рывком стянул с себя грязные сапоги и бросил их в угол к входной двери. На ходу снимая впитавшую запах пота, моря и рыбьих кишок тунику, кинулся в другую комнату, где захлопал крышкой сундука, в котором хранилась единственная чистая одежда.

- Быстреей грей ужин и ставь ещё тарелки! У нас сегодня гости.

- Опять староста Коноган и его сварливая жена? - Адель развела огонь.

- Нет. Я и сам толком не знаю, кто это. Но староста просил его выслушать и сделать так, как он просит.

- Я тебя не слышу! - крикнула Адель. - У меня тут рыба жарится!

- Я говорю, какая-то шишка из Торренхолла будет! Важная! - повысил голос Дален.

Оправив на себе одежду, которая ранее никогда не надевалась и береглась для специальных случаев, он выскочил из комнаты, подбежал к окну, рядом с которым Адель переворачивала шкварчащую на сковороде в масле рыбу, зачерпнул воды из ведра и протёр мокрыми руками лицо.

- Куда ты лезешь, - зашипела на него Адель. - Это же чтобы пить.

- Кто будет пить твою воду? - отмахнулся Дален и схватился за тряпку, чтобы стереть песочную пыль с сапог. - Принеси лучше пива из погреба.

Адель укоризненно покачала головой, но поняла, что спорить с мужем бесполезно.

- Что нужно господину из Торренхолла от нас? - спросила она.

- Говорю же, сам не знаю. Вот придет, всё и расскажет.

Раздался торопливый стук в дверь.

- Открыто! - крикнул Дален и принялся быстро натягивать наполовину начищенные сапоги.

Дверь грохнула, и на спину Далену запрыгнуло нечто совсем лёгкое, почти воздушное. Запрыгнуло, обвил шею руками и смачно впилося сухими и в трещинах губами в щёку. А пахло от этого нечто лесом, лошадьми и свежим ветром.

- Рики, - Дален чуть не задохнулся от радости, оборачиваясь.

- Как я скучала, - выпалила та, слезла на пол и уткнулась лицом в грудь брата.

- Рики, - только и смог повторить Дален, прижимая к себе сестру.

- Тебя выгнали? - встряла Адель, оторвавшись от жарки рыбы.

- Повысили! Смотри, какая лошадь у забора привязана. Тебе такая и не снилась, - Рики не нужно было тянуть за язык.

- Зачем мне лошадь, если у меня муж есть! - пользуясь моментом, что Дален не видит, Адель показала Рики язык.

- И у меня скоро будет.

- Из грязной солдатни?

- Хватит, - Дален звучал устало.

Разнимать двух любимых женщин ему приходилось не раз и не первый год. По-хорошему, выдать бы Рики замуж, и тогда раздоры закончатся, но сестру брать никто не хотел и даже интереса к ней не проявлял.

- Это твоя лошадь? - Дален выглянул в окно.

На улице в свете восходящей луны топталась загнанная серая и жевала сено.

- Под кого пришлось лечь, чтобы получить такую? - не успокаивалась Адель, за что тут же получила недовольный взгляд от мужа.

- Под капитана, - буркнула Рики, решив выдать первое пришедшее в голову.

Стараясь не слушать дальнейшие речи Адель, которые сводились лишь к язвительным колкостям по поводу услышанного, Рики порылась в перекинутой через плечо сумке, выудила оттуда скрученный

и запечатанный пергамент и протянула брату.

- Тебе.

Дален взял свиток, но открывать не спешил. Покрутил немного в руках, рассматривая, затем сломал печать и пробежал глазами по буквам, аккуратно и щепетильно выведенным. Пару раз удивлённо изогнул брови, потом даже усмехнулся, потом просто насутился и посерьезнел.

- Кто такой Швидоу? - только и спросил он недовольно, закончив читать, и швырнул свиток на стол.

Ответить Рики не успела - в дверь опять постучали.

На пороге стоял молодой человек. Отличная выправка выдавала в нём военного, а покроем и стилем одежды говорил о принадлежности к верхам: сапоги из дорогой коричневой кожи, плотные песочного цвета штаны, длинная куртка и пояс, сделанные из той же кожи, что и обувь. И в завершение: позолоченная пряжка на поясе с двумя переплетенными буквами, по всей видимости, инициалами, и серебряный перстень с большим черным ониксом на среднем пальце левой руки - поистине реликвия королевского размаха. Обведя взглядом дом, молодой человек вымолвил:

- Гверн Нольвен. Я к вам от главы вашей деревни.

Дален выскочил навстречу гостю и протянул в приветствии руку.

- Вы и есть тот самый Дален? - любопытно спросил гость.

- Да. Проходите. Адель и Рики. Мои жена и сестра.

Гверн, не торопясь, прошёл в ту комнату, где Адель уже ставила на стол большую чашу с дымящейся рыбой.

- Извините, у нас по-простому, - сказала она, протирая капнувший на стол жир. - Вы, наверно, к такому не привыкли.

- Я привык и не к такому, - спокойно ответил Гверн, расстёгивая верхние застёжки куртки, и опустился на пододвинутую для него скамейку. - Ваш староста направил меня к вам.

- Старик Коноган совсем обленился, - мягко улыбнулся Дален и сел напротив.

- Лучше бы он открыто заявил, что больше не у дел, - проворчала Адель, - и передал всё тебе. Народ не будет возражать. Ты уже давно разгребашь проблемы деревни вместо него.

- Придет и моё время. Рассказывайте, чем я могу помочь, - обратился Дален к гостю.

Гверн отхлебнул пива из большой деревянной кружки и начал.

- Лорд Стернс прислал меня сюда. Ему интересен остров, у берегов которого, как он полагает, можно найти очень редкую породу жемчуга. Я говорю о Вороньем острове.

- А, - воскликнул Дален, накладывая себе на тарелку кусок жареной рыбы, - знаю-знаю. Сам туда не плавал, но вот Рин... Он лучший в наших краях. Иногда кажется, что у парнишки жабры вместо лёгких.

- Вам лучше знать, - пожал плечами Гверн. - Милорд желает снарядить две большие лодки на остров, чтобы осмотреть его. Мы возьмем с собой ваших людей и моих лучников. Они придут уже завтра к вечеру.

- Что делать мне?

- Нужны ваши лучшие ныряльщики. Те, которые, как вы говорите, могут жить под водой.

- Понял.

- И ваши лодки.

- Проще было бы снарядить небольшой корабль, чем брать лодки у деревенских жителей. На двух лодках в море может выйти несколько рыбаков сразу, а это, сами понимаете, большой улов. Наши жители кормят себя сами, а вы хотите лишить их возможности несколько дней добывать пропитание.

- Милорд не хочет привлекать к своей миссии много внимания. Лучше, если на остров отправится горстка людей под видом рыбаков. К тому же за ваши старания вы будете щедро вознаграждены.

Гверн отстегнул с пояса мешочек и положил его на стол.

- Десять больших монет золотом, - опередил Гверн вопрос, готовящийся слететь с губ молодого деревенского управляющего после того, как тот взял мешочек и взвесил его на ладони.

Сидевшая рядом с братом Рики поперхнулась и закашляла.

- Простите, - с трудом выдавила она, - наверно, кость от рыбы.

- Это очень большие деньги, - пробормотал Дален.

- Вы сами дали понять, что ваши лодки стоят дорого.

- Я не совсем это имел в виду.

- Неважно. Милорд готов заплатить за вашу помощь. Отказываться от такой щедрости было бы неразумно.

- Естественно, - произнёс Дален, ещё раз взвешивая мешочек с золотом. - Нашим жителям хватит этих денег, чтобы жить безбедно несколько месяцев.

- У нас не так много времени, - продолжал Гверн. - Вы должны завтра подготовить лодки и запастись пропитанием и пресной водой.

- Когда вы хотите выйти в море?

- Послезавтра с рассветом.

- Кроме моих ребят в лодках будут ещё и стражники. Сколько человек мне тогда взять?

- На две лодки хватит пятерых. У вас есть время решить, кто это будет.

- Да что тут решать, - пробормотал Дален. - Народу у нас не слишком много. Старики промышляют ловлей рыбы, а молодёжь - жемчугом. Выбирать особо не из кого. Боюсь, только пять и наберется вместе со мной, не больше.

Гверн одобритительно кивнул и встал из-за стола.

- А сейчас мне уже пора. Время позднее, и вставать завтра рано. Я хочу лично осмотреть все лодки, пока вы будете вести приготовления.

- Где вы заночуете? - поинтересовался Дален.

- У вашего старосты. Он был настолько любезен, что выделил мне место в амбаре.

- Амбар? - от неожиданности Дален выплюнул только что отпитое из кружки пиво. - Ну, уж нет. Адель, - позвал он жену, собирающую посуду со стола, - постели гостю на моей кровати.

- Позвольте, а вы?

- У меня есть замечательная медвежья шкура, - подмигнул Дален и потянулся за сушёной рыбкой. - Давно мечтал её испробовать.

Едва заметная улыбка тронула уголки губ Гверна.

- Что же, - выдохнул он и опять опустился за стол, - тогда, пожалуй, ещё пива.

Дален поддерживающе кивнул, выплюнул изо рта рыбью кость и разлил пива себе и гостю.

Дом за домом гасли фонари и свечи, пока не потухли все, и деревня не утонула в темноте ночи.

Староста Коноган уснул в ту ночь первым, так и не дождавшись господина из столицы, с которым хотел посплетничать о предстоящем праздновании свадьбы лорда Стернса. Его жена и две дочери получили приглашение на это важное мероприятие и спешно готовились, подбирая наряды и ленты к шляпкам.

Спали крепко и в доме Далена: уставшая от дневных хлопот Адель, измотанная дорогой Рики, её брат, напившийся пива и теперь громко храпевший на своей кровати, и Гверн Нольвен, скромно уютившийся на толстой медвежьей шкуре, разложенной прямо у обеденного стола.

Ночь стояла тихая и жаркая. И где-то совсем далеко, едва видимый, начинал заниматься рассвет.

Полусонная Рики махнула рукой, но вредная муха не собиралась пугаться и улетать. Напротив,

разбросанные по столу с вечера чешуйки сушеной рыбы представляли для неё лакомый кусок, и, наладившись ими вдоволь, она решила проверить, не осталось ли чего повкуснее в другой комнате.

Сладко потянувшись, Рики открыла глаза и села на кровати. Солнце за окном уже жарило так, что способно было запечь яичницу на песке. В доме было тихо и пусто. Рики спустила ноги с кровати, сунула их в старые стоптанные башмаки и встала.

Заварив в большой кружке немного липового цвета, девушка распахнула деревянные оконные створки и выглянула на улицу, где на удивление сегодня было довольно оживлённо.

Куча детворы сопровождала большую телегу, запряжённую старой кобылой. Кому-то посчастливилось запрыгнуть в повозку и сидеть теперь там, болтая ногами и напевая весёлую песню. Менее везучие бежали вслед по дороге, поднимая босыми ногами песочную пыль, и свистели. Рики пригляделась и увидела, что телега была загружена шестёркой тяжёлых бочек. Поманив к себе одного из мальчишек, она поинтересовалась, что внутри.

- Воду из родника набрали, - шустро ответил он, не сводя глаз с телеги, - на берег везем.

- А что на берегу? - полюбопытствовала девушка, сунув мальчишке в руку пряник.

- Лодки грузят. Все наши уже там. Даже сам староста пришел.

- И Коноган вылез? - хихикнула Рики.

- Ага, - шустрый мальчишка быстро проглотил пряник и протянул руку за добавкой. - Пузо у него уже больше его самого.

Рики прыснула со смеха и дала мальчугану ещё лакомств.

- А Дален там?

- Да. С раннего утра. Он и ещё этот... важный! Идём с нами.

- Сейчас, - кивнула Рики и закрыла окно.

Быстро пригладив пряди волос, торчавшие в разные стороны пересушенной соломой, девушка выскочила на улицу и направилась вслед за телегой.

На берегу моря всю кипела работа. Две огромные весельно-парусные лодки качались на волнах и были привязаны толстыми канатами к тяжёлым, воткнутым глубоко в песок, бревнам. Раздетые по пояс деревенские мужики, обжигая ноги о раскалённый песок, таскали на лодки тяжёлые бочки с пресной водой. На фоне их загорелых и крепких упругих тел приехавший из Торренхолла Гверн смотрелся худошаво и бледно. Стоявшие поодаль местные девчонки смущённо хихикали, глядя на него, и перешептывались. Но он не обращал на них внимания и продолжал командовать погрузкой, лишь изредка вытирая тряпкой пот со лба.

- Зато он из Торренхолла, - фыркнула полная женщина, жена старосты Коногана, - а моей старшей дочери не помешает приближённый к милорду жених.

Она подтолкнула вперёд краснощёкую робкую толстушку и указала пальцем на Гверна.

- Отнеси ему воды, Эйна. Он будет польщён твоим вниманием.

- Неудобно, - засмушалась та.

- Иди-иди, - настаивала мать. - Высокопоставленные холостяки на дороге не валяются. К тому же мы скоро поедем в Торренхолл на празднование свадьбы лорда Стернса. Это будет отличный повод встретиться с ним ещё раз. А ты погоди! - женщина крепко схватила за руку проходившую мимо Рики. - С тебя взять нечего. Тощая и облезлая. В голодный год у кур бока и то больше.

- Я вообще-то к брату, - возмутилась девушка.

- Никуда твой брат не денется. Как заматывал бочки верёвками, так и будет ещё несколько часов мотать.

Сунув дочери в руки большую кружку с прохладной пресной водой, жена старосты суровым взглядом указала на изнемогающего от жары Гверна. Эйна не осмелилась возразить и понуро побрела в сторону лодок.

Погрузка шла полным ходом. Проснувшиеся с первыми лучами солнца Гверн и Дален первым делом взялись за осмотр лодок, каждая из которых насчитывала по шесть вёсел и парус. Глубокие и тяжёлые, они легко могли выдержать с десятков человек и ещё столько же веса выловленной рыбы.

Широкие скамьи были весьма удобны: под ними можно было без проблем спрятать рыболовные сети или бочки с уловом. Нос лодки плотно закрывался досками как навесом, под которыми обычно хранили запасы пропитания – выход в море всегда мог закончиться непредсказуемо, и еды и воды по обыкновению бралось больше, чем было нужно.

Оставив контроль за погрузкой на Рина, Дален спрыгнул с лодки в море и, не спеша, позволяя горячему телу насладиться морской прохладой, направился к Гверну.

– У нас проблема! – крикнул он и, зачерпнув ладонями воду, брызнул себе на вспотевшую шею.

Гверн вопросительно посмотрел в его сторону.

– Неизвестно, сколько мы пробудем на острове. Вы ведь намереваетесь хорошенько там всё осмотреть. Значит, воды и еды придётся брать на порядок больше, чем планировали.

– Придётся уменьшить количество людей в лодках?

– Именно, – Дален кивнул, – так избежим перегрузки. Предлагаю взять на каждую лодку двоих моих ребят и шестерых ваших.

– Вы уже решили кого отправить?

– Да. На первой пойду я и Рин. На второй – Джои и Дени. Алекс уже не влезет, хоть и тощий.

– Должно хватить, – согласился Гверн.

– Тогда по рукам. Эйна, ты как раз кстати, – Дален прыгнул навстречу дочери старосты и выхватил у неё из рук кружку с водой. – Ты читаешь мои мысли.

Одним глотком он осушил половину кружки и протянул вторую половину Гверну.

– Пейте. А не то совсем сгорите на этом солнцепеке. А Эйна сбегает и принесёт нам ещё.

Обескураженной от напора Далена девушке ничего не оставалось, как послушно бежать за добавкой.

– Как быстро мы доберемся до острова? – поинтересовался Гверн, утолив жажду и смочив руки и грудь морской водой.

– Рин доходил за один световой день. Если выйдем рано поутру, то к ночи должны добраться. Эти лодки даже с грузом быстроходны. А если ещё и попутный ветер будет...

– Дален!

Молодой человек запнулся и повернулся на крик, доносившийся с берега. Голос принадлежал старосте Коногану, стоявшему поодаль от погрузочной процессии и активно размахивающему руками, пытаясь привлечь к себе внимание своего молодого помощника.

Попросив Гверна подождать, Дален помчался к старосте, который уже протягивал ему навстречу руки. Это был пожилой грузный человек, одетый в плотные светлые ткани, не пропускающие солнечный свет и не показывающие изъяны старого тела. Полное, болезненно-бледного цвета лицо обливало потом, который староста еле успевал вытирать большим серым платком. Маленькие глаза смотрели грустно и устало. Было понятно, что происходившее на берегу нисколько не интересовало его, а скорее отягощало. По-отечески мягко обняв подбежавшего Далена за плечи, староста заговорил вполголоса:

– Мальчик мой, я, пожалуй, пойду прилягу. Солнце уже высоко, а мое сердце не выдержит более такой жары. Ты пригляди тут за всем, а к вечеру я и сам приду проверить.

– Ступайте, Коноган, – в голосе Далена зазвучала привычная, приятная слуху старосты уверенность, что всё будет как надо и без его вмешательства. – Лодки мы уже проверили, а за погрузкой присмотреть могу и я. Не беспокойтесь понапрасну. Вам нужно отдыхать.

– Но тогда я приду проводить вас на рассвете.

– Не утруждайте себя, – мягко настаивал молодой помощник. – Мы выйдем с первыми лучами солнца. Это обычный сплав. Не более.

– А как же тот влиятельный господин? – забеспокоился староста, покосившись на Гверна. – Он не выразит недовольства, что глава деревни так мало оказывает ему чести?

– Он? – переспросил Дален. – Да, на мой взгляд, он даже не заметит вашего отсутствия. В том

смысле, – Дален быстро осекся, понимая, что его слова могут быть истолкованы двояко, – что он настолько поглощён делом, что не обращает внимания ни на кого вокруг.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнул староста. – Тогда пойду в дом, а ты зови, если вдруг что понадобится.

Дален согласно кивнул и проводил Коногана взглядом, пока тот не исчез за разросшимися жасминовыми кустами.

Шум на берегу и не думал угасать. Любопытных детей никак не могли загнать домой. Простые зеваки, пришедшие просто поглазеть, постепенно тоже подключились к погрузке. Работа находилась всем. Лишь стайка юных девушек, среди которых была и Рики, посмеивались над неуклюжими попытками толстушки Эйны привлечь к себе внимание Гверна, которому кто-то из деревенских жителей заботливо повязал горячую от солнечного пекла голову большим пёстрым куском ткани.

Не торопясь, Дален подошёл к сестре и встал за её спиной, продолжая наблюдать за ходом работ. Увидев помощника старосты, стайка девушек сразу разлетелась в разные стороны, а после собралась поодаль и продолжала сплетничать.

Солнце опускалось за горизонт, бросая на море свои последние оранжево-красные лучи. Волны мягко накатывались на берег и шелестели мелкой галькой. Огромные лодки тихо качались на волнах, накрытые плотными кусками парусины, защищавшими сложенные запасы пропитания от влажного морского воздуха.

Недалеко от лодок на большом бревне сидели двое мужчин, одетых в походные одежды с вышитым на них медведем – символом Торренхолла, и вполголоса беседовали друг с другом.

День заканчивался, и жизнь деревни замирала. Фонари постепенно гасли один за другим, пока не погас последний – у дома Далена.

– Я распорядился, чтобы охрана сменялась каждые два часа, – сказал Гверн, снимая сапоги и вытягивая ноги на кровати.

– Да что может случиться здесь в деревне? – зевнул Дален и потянулся, лежа на медвежьей шкуре на полу. – Здесь такая тишина и глушь, что муха незаметной не пролетит. Ничего с вашими лодками не сделается.

– Два часа вахты не сыграют большой роли, – возразил Гверн. – И за лодками присмотрят, и выспаться до утра успеют.

– Ну как знаете, – Дален опять зевнул и закрыл глаза. – Надеюсь, в амбаре Коногана они выспятся.

– Это военные. О комфорте частенько приходится забывать.

– Я бы не смог так, – промычал Дален, уже погружаясь в сон.

– Я тоже так думал, – неожиданно произнёс Гверн и задул свечу.

Тёплая южная ночь вступила в свои владения. Одна за другой в небе загорались звёзды. Вокруг стояла такая тишина, что можно было услышать, как ночные крабы ползают по берегу и переворачивают морские раковины. Где-то далеко послышалось хриплое ржание загнанной лошади, затем голоса и громкий стук в дверь. Один. Второй. Дверь, скрипнув, отворилась, пропустила вошедших и закрылась, проглотив вместе с ними и нарушающий ночную тишину шум.

Рики ворочалась в своей кровати. Ей снились тараканы: огромные, рыжие, усатые. Они вылазили отовсюду: из глиняных горшков, из-под кровати, из погреба и даже из сундука со старыми тряпками. Их количество постоянно увеличивалось, пока не покрыло весь пол в комнате. От противного шелеста закладывало уши, как вдруг где-то вдалеке одиноко заскулил волк. Завыл пронзительно, навзрыд, будто взывал прийти к нему на помощь. От страха Рики проснулась.

Тяжело дыша, она долго лежала и смотрела в темноту. Но вокруг было тихо и спокойно: ни беспокойного ненавистного шелеста, ни жалобного поскуливания. Выдохнув, девушка встала, выпила воды и нырнула обратно под куцее одеяло. Попыталась прогнать непонятное волнение прочь и закрыла глаза. И в эту минуту в дверь громко постучали.

Рики тут же села на кровати и замерла. Стук повторился.

В комнате Далена зашумели, и зажегся тусклый свет. Послышались шаги.

Рики осторожно высунула голову в дверной проём и увидела, как полусонный брат со свечой в руке открывает входную дверь.

- Дален.

В дверях стоял сам староста Коноган с фонарём в правой руке и связкой ключей в левой. Запыхавшийся и взволнованный, он был на босу ногу и в ночном колпаке. Поверх нижнего белья был накинут длинный домашний халат в зелёную полоску.

- Дален, мальчик мой, скорей одевайся и иди за мной. И господина из Торренхолла разбуди. Дело крайне важное.

Старик еле дышал и с трудом выговаривал каждое слово. Наконец, передохнув, он добавил:

- Я буду ждать вас у ограды, объясню всё по дороге. Поторопись, мой мальчик. Скорее.

Дален только согласно кивал и уже затягивал поверх туники пояс. Одевшийся за минуту Гверн вышел на улицу и тихо беседовал с Коноганом. Пользуясь моментом, что на неё никто не обращает внимания, Рики накинула поверх ночной рубахи широкую тёмную накидку и незаметно выскользнула на улицу вслед за братом.

Глава 7. Перерождение

острова Берлау

В дверь тихонько постучали.

Рион лишь покосился сторону стука, но и шага не сделал в направлении двери. Лишь зачерпнул ладонями успешную остыть в корыте воду и плеснул себе на грудь. Потом на шею и, наконец, на лицо. Потянулся за полотенцем и обтёрся.

Негромкий стук повторился.

- Да входите же, - поморщился Рион и добавил. - Королевской особе не пристало топтаться у двери слуги.

- Как вы догадались, что это я?

Дверь легонько толкнули. На пороге стояла юная девушка, бледная лицом и худая. Чёрные волосы были распущены и волнами струились по плечам и спине, доходя почти до пояса. Такие же чёрные, словно болотная трясина, большие глаза смотрели грустно и безысходно, будто, хоть и пытались искать защиту, но всё же понимали, что, попав в логово льва, о перемирии просить нет смысла. Остаётся только ждать, когда тот проголодается и перегрызет тебе горло.

- Простите, вы не одеты.

Девушка бросила взгляд на Риона и тут же смутилась, и поспешила отвернуться.

- Не одет?

На лице лекаря не было и тени ответного смущения. Голый по пояс, он не спешил тянуться за туникой. Напротив, ему нравилось его тело: молодое и упругое, оно было без малейшего изъяна.

- Простите, это была моя ошибка.

Девушка не решалась смотреть в сторону полуобнаженного мужчины и попятилась обратно в тусклый коридор.

- Пойдите, Ирис! - Лев вырвался из клетки: в один прыжок Рион оказался рядом с королевской внучкой, одной рукой схватил её за локоть, а другой - захлопнул дверь и задвинул засов. - Я знал, что рано или поздно вы придёте. Причина тому - решение королевы?

Ирис облизнула сухие губы и выдавила:

- Я говорила с ней, но не поверила. Поэтому и пришла объясниться с вами. Это не может быть правдой!

Рион приобнял девушку за плечи и прижал к себе, но та лишь упёрлась холодными кулачками ему в гладкую грудь, пытаясь удержать дистанцию.

- Не думайте, что я в восторге от решения её величества, - голос лекаря обволакивал и туманил рассудок. - Я не люблю вас, Ирис, и вы это знаете. И вы меня не любите. Но её милости угодно, чтобы мы были с вами обвенчаны, а любить в браке совсем не обязательно.

- Но я наследница трона, - Ирис вырвалась из объятий Риона и сейчас стояла напротив, взъерошенная и дикая. - Почему моё мнение никому не важно? Даже вам.

Лекарь устало улыбнулся, сделал шаг к девушке, взял её за руку и провёл пальцами по нежной коже ладони.

- Вы далеко не королева, Ирис. И тс-с, - Рион поспешил приложить палец к тоненьким девичьим губам, чтобы с них не слетели слова возмущения. - Вы скорее птенец, маленький воронёнок, который понял, что у него есть крылья, но не знает ещё, как ими пользоваться.

- Власть над Берлау рано или поздно перейдёт ко мне, - пробормотала Ирис и дёрнулась, но не тут-то было.

Рион хмыкнул.

- О какой власти вы говорите, если топчетесь у дверей своих подданных и спрашиваете разрешения войти? Вы опускаете взгляд, когда видите своего солдата обнаженным. Вы даже от прикосновений его дрожите, а ведь это он должен обливаться потом и желать вас.

- Как же мне поступить? - Ирис окончательно растерялась.

- Расправь крылья, стать той, кем вам положено быть по крови.

Рион говорил тихо и медленно, будто гипнотизировал, рассеянно блуждал пальцами по хрупкой ладони, а после коснулся шеи девушки, убрал мешающие чёрные пряди за спину и перешёл на плечо. Воздушная ткань покорно следовала за рукой. Рион припал тёплыми влажными губами к обнажённой и девственно чистой коже и от удовольствия прикрыл глаза.

- Что вы делаете?

Ирис стояла не шелохнувшись и боялась пошевелиться.

- Вселяю в вас уверенность и делаю из вас королеву, - без толики смущения в голосе промычал Рион, ослабляя тугую шнуровку платья. - Только не надо дёргаться подо мной, как трепетная лань. Иначе ваши же придворные вороны вас быстро заклюют.

Его поцелуи с каждым разом становились грубее и бесстыднее. Он уже не урывал; он требовал, смаковал и не отпускал, пока не попробовал на вкус каждый возбуждённый бугорок и не застонал от удовольствия, изливаясь в лишённое невинности девичье тело.

Небольшая комната, вся пропахшая травами и мазями, на некоторое время утонула в спёртом запахе потных тел, мужского семени и кислого вина, которым несло из откупоренной бутылки. Разлетевшись по углам, запах осел на каждой склянке и пучке трав, впитался в брошенную на пол одежду и пожелтевшие страницы аптекарских книг.

Свечи уже почти догорели, когда Рион оторвался от измождённого, но юного и уже только поэтому прекрасного девичьего тела, и откинулся на мокрые подушки. Тяжело дыша, он закрыл глаза: веки, как и лоб, и волосы, были влажными и липкими. Укрытая простыней Ирис лежала рядом и задумчиво накручивала прядь волос на палец.

- Не считайся вы моим будущим мужем, я бы велела вас казнить, - вымолвила девушка, даже не взглянув в сторону Риона.

- И это правильно, - усмехнулся тот, вставая с кровати.

Вернулся быстро и протянул Ирис серебряный кубок, полный того самого кислого вина. Обдав лекаря презрительным взглядом, Ирис вино взяла, но не успела пригубить, как гранатовая жидкость заволновалась, хлестнула через край кубка и растеклась бордовой кляксой по простыне и груди девушки.

- Даже не думайте.

Ирис резко вскинула руку и вытянула вперёд, останавливая Риона. Но это не помогло - убрать незамысловатое препятствие труда не составило, и молодой лекарь прильнул влажными губами к набухшим соскам, собирая языком сладкие капли.

- Вы утверждали, что не любите меня, - прошептала Ирис, когда похотливая страсть отступила, вино было допито, а простыня опять натянута чуть ли не до подбородка.

- Я и сейчас это повторю, - довольно промычал Рион, вытянувшись на кровати и закрыв глаза. - По воле вашей бабки мы должны стать мужем и женой, но лгать вам о своих чувствах я не намерен. Я буду исполнять супружеский долг, буду рядом с вами и в горе, и в радости, но не просите меня любить вас. Моё сердце слишком старо для таких сентиментальных мелочей.

- Ваше сердце?! - воскликнула Ирис. - Сколько вам лет? Двадцать пять? Тридцать? Вы говорите, что не намерены мне врать, а сами сочиняете небылицы о старости.

- Не вам упрекать меня во лжи, милая девочка, - еле слышно прошептал Рион, но Ирис, увлечённая своими эмоциями, этих слов не расслышала.

- Не связывай себя обещанием выйти за вас замуж и не будь бабка так к вам благосклонна, вас уже давно бы волокла в темницу дворцовая стража. Вниз по лестнице, к голодным крысам и холодным прутьям.

- Что ж вы крыс не кормите? - ухмыльнулся Рион. - О самых низших слоях, прозябающих в подвалах и подворотнях, тоже надо заботиться. Иначе дело может обернуться мятежом.

- Я нарочно прикажу с этого дня следить, чтобы крысы и корки заплесневевшей не получали! Чтобы, когда бабка умрёт, а вы мне опостылеете, они разодрали вас на части и сожрали живьём.

Рион приподнялся на локте и с любопытством посмотрел на Ирис.

- Вы злитесь на меня. Но ведь признайте, вам это нравится. Нравятся те правила, которые я установил. Нравится, что со мной можно не стесняться в выражениях и открыто заявлять, что я негодяй и вам противен. Мы сразу объявили друг другу, что кроме формальной физической близости между нами ничего больше быть не может. И вы получаете от этого удовольствие. Вы уже сейчас знаете, что будете искать утех среди угодных сердцу любовников, а я и слова против не скажу. Не буду взывать к венчальной клятве и не буду нудеть у вас над ухом, как это делал бы любой другой верный муж со взглядом преданной собаки. Ведь я прав?

Рион замолчал и выжидающе посмотрел на Ирис. В ответ та взвинулась.

- Вы думаете, что знаете всех и всё, но это не так, и я докажу вам обратное. Я скорее лягу в постель к самой смерти или прокаженному горбуну, но вы поймёте, что ни капли не смыслите в женщинах. Идите, ковыряйтесь в ваших вонючих настойках, препарируйте жаб и разделывайте червей - вот там вы гений. Вы не король, коим себя возомнили! Вы просто удачно подобрали ключ к моей бабке - одинокой и старой женщине. Думаете, вы непревзойденный любовник и обольститель? Ха! Книжный червь! Вот вы кто! Аптекарский книжный червь, пропахший змеиным ядом и гнилым болотом.

Ирис вскочила с кровати и схватила валявшееся на полу муслиновое платье. Её щеки алели ярче свёклы, а глаза блестели янтарём, словно извергся вулкан и лава ринулась сметать всё на своём пути и превращать в пепел. Развалившийся на постели Рион любовался этой красотой в гневе, потом поднял с пола шёлковую ленту и небрежно швырнул её в сторону Ирис.

- Вы забыли мишуру, проницательная вы моя. В следующий раз я лично приведу к вам вонючего горбуна и буду наслаждаться зрелищем и смотреть, как вы будете скакать на нём, а он орать и плевать желчью.

- Увидите, что я не сдамся, болван пиявочный!

Пальцы сбивались, разбираясь с завязками, а когда получилось, то Ирис оправила спутанные волосы и решительно направилась к выходу. Направилась и остановилась. Замерла на месте, развернувшись лицом к окну, в котором ничего, кроме тёмной ночи и полной луны, не было.

- Вы это видели? - испуганно прошептала она и сделала несколько шагов назад.

Рион рывком поднялся, обмотал вокруг бёдер полотенце и спешно шагнул к девушке. Положил руки ей на плечи и всмотрелся туда, куда указывала Ирис.

- Ничего не вижу, - пробормотал он, продолжая вглядываться в черноту ночи.

- Луна на миг раздвоилась, но теперь всё, как прежде.

Ирис поймала на себе недоуменный взгляд лекаря и вспылила:

- Не надо считать меня сумасшедшей. И вы, и бабка и так считаете меня наивной дурочкой. Вы теперь ещё и шлюхой. Но из ума я ещё не выжила.

- Значит, луна раздвоилась, - тихим вкрадчивым голосом повторил Рион, одну руку опуская на девичью талию, а другой блуждая по плотной ткани платья, стараясь нащупать через неё упругий сосок.

- Вам всё мало, - пролепетала Ирис, а сама почувствовала, как грудь набухла на вдохе.

Ей хотелось ещё. Её любовник был молод, красив и опытен. Его страсть была неподдельной, жар - неиссякаемым, и от неё самой он ничего не требовал: только во второй раз за ночь уступить его напору, не сопротивляться, когда платье вновь поползло на пол, и раздвинуть ноги, когда он пожелал в неё войти. Впрочем, она и сама уже была не против, закрыла глаза, впилась пальцами в мокрую простыню и громко стонала, ничуть не смущаясь быть услышанной стражниками или слугами. А слышно было не только им.

Морвенна поджала тонкие губы. Лишённые цвета, сухие, они смотрелись простой полоской на лице, нежели лепестками розы, как у её внучки. И не сказать, чтобы Ирис была красива. Нет. Но у неё имелся единственный козырь, с которым Морвенна была не в силах поспорить. Молодость. А где молодость, там и страсть, там и сила, и желание побеждать, и быть на вершине славы.

Кости Морвенны давно уже ныли на непогоду. Королева Берлау доживала свои последние дни. Как и король Нолфорта Риккард, мучившийся бессонницей и сердечной болезнью. Но Риккард готовил себе смену. Племянник, молодость которого, страсть и желание побеждать, не оставляли ни у кого сомнений, уверенно шёл к своей славе, покоряя всех на своём пути.

Стоны, доносившиеся из комнаты Риона, затихли. Измождённая Ирис крепко спала, укрывшись

тонкой простыней, а Рион сидел в углу, вытянув ноги, смотрел на спящую девушку и потягивал вино.

Тихо, что и муха не всколыхнется, Морвенна шла по коридору. Повернув в конце, оказалась в душной и полной пыли спальне своей прабабки и сделала несколько шагов к левой стене. Вскинув правую руку, обнажила запястье, украшенное несколькими тонкими серебряными браслетами, сняла с одного маленький ключик, одёрнула рукав платья обратно и раздвинула тяжёлые расписные ткани, на которых морской змей душил никому неизвестного героя. За полотном находилась небольшая дверь. Вставив ключ в замок, Морвенна открыла дверцу и нырнула внутрь.

Тихо, почти бесшумно ступая по старой винтовой лестнице, королева поднималась наверх. Она шла на ощупь – глаза никак не хотели привыкать к темноте. Некоторые ступеньки были сколоты, другие стёрты, но старую женщину это ничуть не пугало. Одной рукой приподняв платье, а другой держась на каменные выступы в стене, старуха шагала очень уверенно. Постепенно потолок в лестничном проходе становился всё ниже и ниже, и Морвенне пришлось согнуться чуть ли не в половину, чтобы продолжить свой путь. Наконец, впереди забрезжил слабый свет, какой бывает только от луны, из любопытства заглядывающей в окна. Всего несколько ступенек отделяло королеву от заветной цели. Пригнувшись ещё немного, Морвенна сделала несколько шагов и толкнула выросшую словно из-под земли деревянную дверцу. Та была незаперта и со скрипом открылась. Старуха пролезла в тесную комнату, скорее напоминавшую каморку бедняков, и распрямила спину.

Вокруг царила пыльная темнота, прорезаемая только полоской робкого лунного света. Тугая паутина, прочно державшая в своих сетях пару маленьких дохлых мушек, почти полностью затянула единственное небольшое окно, смотревшее на север. Недалёко от окна стоял криво сколоченный стол, заставленный несметным количеством банок, склянок, пузырьков и колб. Над столом висело две полки. На самой нижней находился большой стеклянный шар с отверстием сверху. Стекло наполовину запотело, наполовину заплесневело, и было трудно разглядеть, что находится внутри. Верхняя же полка провисала под тяжестью огромной стопки книг – старых, наполовину прогнивших и проеденных червями.

Подобрав подол платья, Морвенна осторожно, стараясь ненароком не раздавить ничего лежавшего и бегавшего по полу, подошла к столу. Провела рукой по двум свечам, воткнутым в стену, и те вспыхнули оранжевыми язычками пламени. Сдвинув все склянки в угол, королева нагнулась и достала огромный, покрытый копотью, чугунный чан, который тут же с грохотом водрузила в самый центр стола. В чане что-то всплеснуло, чавкнуло и тут же притихло.

Старуха стянула с верхней полки книгу песочного цвета, стряхнула с неё пыль и развернула посередине. Книга оказалась абсолютно пустой. Ни строчки, ни полуслова. Только старые, обветшалые страницы, обугленные по краям. Королева бережно провела рукой по открытым страницам – вслед за её пальцами на хрустящем пергаменте проступили слова. Казалось, невидимая рука выводит буквы на пожелтевших листах. Наконец, последнее слово блеснуло огненным светом и погасло, навсегда оставив свой отпечаток. Морвенна жадно вчитывалась в написанное, её глаза блестели от восторга.

Сняв со стены свечу, ведьма поднесла её к чану. В одно мгновение тот вспыхнул, и огненные змейки побежали по ободку, замыкаясь в круг. Морвенна закрыла глаза и забормотала в полголоса.

Выплывая из себя слова древнего заклинания, королева хватала то одну склянку, то другую и высыпала или выливала их содержимое внутрь чана. Огненное варево разбушевало не на шутку, но старая женщина как зачарованная продолжала зачитывать вслух написанное и мешать булькающее зелье.

– Теперь кровь.

Рука ведьмы нырнула в потайной карман у самого пояса платья и вытащила небольшой нож, зачехленный в крокодиловую кожу. Выдернув нож из чехла, Морвенна без малейшего замешательства скользнула острым лезвием по своей ладони. Кровь резвой струйкой полилась прямо в кипяток и утонула там среди несметных трав и настоек. Оторвав ленту от подола платья, королева наспех перебинтовала руку и спешно повернулась к бурлящему вареву, словно боялась, что то сейчас остынет.

– И последнее.

Ведьма аккуратно, боясь ненароком разбить, откупорила древний пузырек с зелёной жидкостью. Лёгкий дымок выпорхнул из горлышка склянки и расползся по каморке.

Непонятно откуда подул холодный ветер. Сначала слабый, потом сильнее. В первые минуты просто прохладный, а затем леденящий кровь, словно за окном была зимняя стужа, а не жаркое лето. И хотя кровь в жилах старой королевы была не теплее, Морвенна поёжилась. Зеленоватая жидкость беспокойно забулькала в пузырьке. Чем сильнее она волновалась, тем хуже становилось старухе. В

глазах помутнело. Воздух стал удушающим и предательски сдавил горло, не давая ни дышать, ни говорить.

Морвенна пошатнулась, задела рукой несколько колб с жидкостями, смахнула их на пол. Стекло разбилось, и на полу образовалась каша грязного белого цвета. Королева сделала шаг назад и упала. Ноги не держали её, лицо посерело, а губы побледнели. Задыхаясь, ведьма молитвенно вскинула руки вверх, будто просила о пощаде, и попыталась подняться, но невидимая сила тут же потянула её обратно.

Стиснув зубы, Морвенна нащупала край стола и ухватилась за него. Приподнявшись на одно колено, она водила рукой по столу, пытаясь найти огненный чан. Наконец, пальцы обдало знакомым жаром. Преодолевая неведомую силу, ведьма дотянулась до чана и швырнула в него прабабкин пузырьёк. Громко чавкая, варево проглотило склянку с зельем, прыснуло искорками пламени в последний раз и успокоилось.

Холодный ветер вновь закружил по чердаку и резко стих. В комнату возвращалось летнее тепло, а на мертвецки бледном лице Морвенны заиграл едва уловимый румянец.

Огонь в чане потух, и только лёгкий зеленоватый дымок в виде пернатого змея поднимался из самого центра колдовского зелья и, словно маятник, качался из стороны в сторону, будто вопрошал, что ему делать дальше.

Открыв глаза, королева медленно поднялась с пола. Силы возвращались к ней.

- Вороний остров, - скомандовала Морвенна и подошла к окну.

Безжалостно сорвав липкую паутину, она распахнула оконные створки.

Пернатый змей послушно расправил крылья и, проскользнув в узкий проём, растворился в ночном небе.

- Ловушка готова, мой дорогой Гай. И ты попадёшь в неё легко и просто. Мне даже ничего не придется больше делать. Сам прилетишь, как бабочка на огонь. Поделом тебе и всем Стернсам! - смакуя каждое слово, произнесла вслух колдунья и провела по вспотевшему от жаркого огня лицу рукой, замотанной в атласную ленту.

Глава 8. Неспящие

Гверн преклонил колени и приветственно вымолвил:

- Милорд.

Стоявший у окна Гайлард медленно развернулся и ответил лёгким кивком.

- Мы не ждали вас, - продолжил Гверн и невпопад добавил, - так поздно.

Гай удивленно изогнул брови.

- Куда уж позднее? Через пару часов рассвет.

Гверн закусил нижнюю губу, чтобы не выдать ещё одну глупость, и осмотрелся.

В небольшой, заставленной безвкусной мебелью, комнате в эту ночь было многолюдно. Чуть поодаль от лорда Стернса стояли уставшие и с трудом отгоняющие от себя сон Стенден и Дагорм. Позади Гверна - наспех и совсем неподобающим образом одетый Дален. И совсем у дверей - староста Коноган, так и не снявший проеденный молью ночной колпак.

Комнату скромно освещало несколько свечей, вставленных в подсвечники из латуни. Всюду, будь то полка над чайным столиком или просто декоративный выступ в стене, торчали ярко раскрашенные безделушки, купленные на выходных ярмарках во время выездов всей семьи в столицу. Над камином висело пять картин, на скорую руку намалёванных на продажу уличными художниками. На противоположной стене - ещё столько же тех же авторов. Размашистая мазня на одном из сомнительных шедевров напоминала нечто, смутно похожее на букет полевых цветов. Второй и третий претендовали на звание натюрмортов и содержали стандартный для такого вида искусства набор фруктов: груши, яблоки, виноград. Четвёртый и пятый были портретами дочерей старосты, красота которых в жизни сильно отличалась от красоты на холсте. Причём, не в лучшую сторону. Но на картины уже давно никто не смотрел. Тем более не рассматривал их ночью при тусклом свете свечей. А если присмотреться, то можно было найти много занимательных вещей.

Внимательный зритель уловил бы, что нос на портрете младшей дочери замазан непонятной смесью бежевой краски и картофельной кашицы. Видимо, с той целью, чтобы казаться менее длинным, чем он был на самом деле. Или что на портрете старшей дочери в её левом глазу была аккуратным образом проделана дырка. Совсем скромная, чтобы её можно было не заметить, и достаточно удобная, чтобы наблюдать через стену. Другим концом дыра уходила в спальню Эйны, где прикрывалась большим художественным полотном, сотканным мастерами с той же столичной ярмарки и изображающим ленивое пробуждение русалки.

В эту ночь полотно было отодвинуто, и у стены, прилипнув одним глазом к дыре, стояла Эйна. Затаив дыхание, она наблюдала за собравшимися. Голые ноги, торчавшие из-под короткой ночной туники, больше напоминавшей мешок из-под муки, порядком замёрзли, поэтому девушка пододвинула к себе большой кованный сундук, в котором хранила выходные платья, и забравшись на него подалеже от холода, гулявшего по полу, продолжала подслушивать разговор.

В окно тихонько поскреблись. Эйна вздрогнула, огляделась, быстренько опустила полотно на место и раздвинула занавески.

- Ты? - выдохнула она, увидев в окне лицо Рики. - Тебе-то что нужно?

- Да помоги скорей! - сопя и пыхтя, ворчала та.

Эйна схватила девушку за руки и потянула на себя. Со всей силы оттолкнувшись ногами от бревна, служившего в качестве опоры, Рики залетела в окно и со всего размаху шлёпнулась на выходную шляпку подруги, которую та приготовила к поездке в Торренхолл. Кремовые розочки и мелкие фиалки хрустнули и сжались. Но Рики вместо извинений набросилась на Эйну с распросами.

- Ну, что там? Твой отец прибежал к нам среди ночи сам не свой.

Эйна тоже меньше всего сейчас волновалась об испорченной шляпке. Вскарабавшись обратно на сундук, она тихонько отодвинула полотно с русалкой и поманила к себе сестру Далена.

- Иди сюда. Сама увидишь.

По очереди приликая глазами к дыре, девушки следили за происходящим.

- Ничего не понимаю. Кто эти люди? - спросила Рики после недолгого наблюдения.

- Ты что? - с недоумением выдохнула дочь старосты. - Такое ощущение, что ты приехала не из

Торренхолла, а из болотной, безлюдной глуши. У окна – лорд Стернс.

– Не может быть! – ахнула Рики, не решившись признаться подруге, что за всё время, проведённое в Торренхолле, кроме усов Швидоу, тряпок с щётками и внушительного ряда вонючих сапог с засохшей глиной, никого и ничего не видела.

– Да, – важно продолжила Эйна, – а те двое поодаль – тот, что в чёрном, и тот в сером – его советники. Я не запомнила их имён, когда они говорили.

– Зачем лорд Стернс приехал в Ланимор? Да ещё ночью?

– Я сама толком не разобралась. До сих пор он только расспрашивал молодого господина Нольвена о подготовке лодок. Если ты помолчишь немного, то, возможно, мы услышим что-то интересное.

Рики поняла брошенный в свой адрес упрёк и тут же притихла, опять прильнув глазом к дыре и изучая высокопоставленных гостей. Быстро скользнула взглядом по Дагорму: его серое, больше похожее на балахон, бесформенное одеяние не произвело на девушку никакого впечатления. Крючковатый нос и дрожащая рука даже отпугнули, и Рики поспешила заняться разглядыванием стоявшего по левую руку от старца Феррана Стендена. Строгий взгляд, чёткие контуры лица, такая же строгая в линиях чёрная одежда, без украшений и излишеств; руки, затянуты в перчатки, которые он даже не соизволил снять, войдя в дом. Вид у него был равнодушный и скучающий, даже сонный.

– Вы, конечно, удивились моему неожиданному приезду.

Глубокий, низкий голос принадлежал лорду Стернсу. Рики перевела взгляд с командира Стендена на хозяина Торренхолла и жадно всмотрелась в каждую деталь его одежд. Неброские на первый взгляд, они были изготовлены из самой лучшей ткани и искусно украшены. Снятые с рук кожаные перчатки, крепко прошитые толстыми нитями, лежали на краю обеденного стола. Поверх них – короткий меч в позолоченных ножнах и с рукоятью из сплава золота и серебра.

– Скорее времени вашего приезда, милорд, – ответил Гверн.

– Лорд Стернс волновался, что мы можем не успеть к отплытию, – объяснил Дагорм. – Пришлось загнать лошадей, чтобы поспеть ко времени рассвета.

– Вам не стоило так переживать. У нас всё готово: и лодки, и люди.

Гайлард прошёл от окна к столу, опустился на стул с потёртой голубой обивкой и промолвил:

– Я не сомневаюсь в исполнительности моих подданных, Гверн. Я просто решил, что будет лучше, если мы составим вам компанию на остров.

– Ферран и Дагорм отправятся со мной? – изумился молодой человек.

Стернс кивнул.

– Почти. Ферран и я. Ты ведь не возражаешь, Гверн? – и, заметив, как стушевался молодой помощник, тут же ободряюще рассмеялся. – Ну-ну, Гверн, у тебя лицо, будто ты жабу проглотил.

– Милорд, простите, но... как бы сказать? – Гверн разволновался и бросил умоляющий взгляд на Далена в надежде, что тот подарит ему спасение.

– Наши лодки заполнены под завязку, милорд, – Дален принял удар на себя. – Мы и так сократили количество людей, чтобы...

– Так сократите ещё, – раздраженно перебил Гай. – По-вашему, я не спал полночи и загнал своего лучшего скакуна для того, чтобы считать, сколько людей вы собираетесь посадить в лодки?

– Мы можем убрать кого-то из охраны, – предложил Дален.

Гверн согласно кивнул.

– Это единственный вариант. Я оставляю на берегу людей из последней смены. Они меньше всего отдыхали, значит, будут менее всего полезны нам.

– Отлично.

Стернс хлопнул рукой по столу, давая понять, что всё решено и все могут расходиться.

Дален и Гверн вышли первыми; за ними – Ферран. Обменявшись парой фраз о последних новостях Торренхолла, Ферран и Гверн скрылись в амбаре, где крепко спали стражники, умевшие ценить

каждую минуту отдыха и не тратить её понапрасну.

Далену не спалось. Холодный ночной воздух пробирал до дрожи – Дален передёрнулся и обхватил себя руками, растирая плечи, чтобы согреться. Глубоко вдохнул и выдохнул, и вскоре почувствовал, как кровь горячими змейками побежала по рукам и ногам, даруя им долгожданное тепло.

До берега было рукой подать. Упав на холодный песок, Дален зарылся в него пальцами и уставился на чёрно-фиолетовое небо. Вся его жизнь, сколько он себя помнил, прошла здесь, на берегу этого моря, среди этих людей. Каждый день одно и то же: в детстве помощь отцу с разбором рыболовных снастей, в юности – прыжки на спор в море. Кто дольше продержится без воздуха, кто найдёт крупнее жемчужину, тот и победитель. А победителю доставался символический приз из кучи оборванных веток и слава на всю округу.

Сейчас пыл поукас. Охота за жемчугом перешла в более молодые руки шестнадцати-, семнадцатилетних пареньков, среди которых были Гил и Рин, а Дален погряз в однообразных буднях, когда снаряжалась лодка рыбаков этак на пять и выходила в море на промысел. Кидались сети, тратилась наживка, а вечером выловленная рыба раздавалась всем жителям деревни, и через час из каждого дома доносился сладковатый запах рыбьего жира вперемешку с запахом хмеля.

Ни он, ни Адель, ни даже Рики до этого лета никогда не покидали пределов родной деревни. И эта фиолетовая ночь вдруг окутала Далена невыразимой тоской. Как будто перед ним прокрутили все прожитые дни: от рассвета его жизни, который он уже слабо помнил, до заката, который ещё предстояло пережить. И рассвет, и непрожитый закат предстали серыми и унылыми, пропитанными солёной морской водой и запахом рыбьих потрохов. День сменяет день, и ничего не происходит. Разве только Рики рано или поздно выйдет замуж за одного из тех, с кем Дален вечерами пьёт пиво. Хотя... эта дикая кошка ещё долго не найдёт себе никого. Будет брыкаться и царапаться до последнего. Разве только силком выдать её замуж за первого подвернувшегося. Ведь надо же, чего удумала! Сбежать без спроса в Торренхолл, мотаться там при солдатне столько недель! Её счастье, что попала в заботливые руки... В памяти Далена всплыло недавно полученное письмо. Слегка прищурившись, он всмотрелся в черноту неба, будто пытался разглядеть там ответ на свой вопрос, и снова поёжился. Нет, он безусловно хотел для Рики самого лучшего, но всё и так неплохо складывалось и без его вмешательства. Оставалось признать, что судьба благосклонна к его сестре, как бы он ни противился её капризам и выходкам. И хотя он сам уже давно перестал причислять себя к числу страстных и пылких романтиков, которые одержимо бросаются в самую пучину моря ради славы и робкого девичьего поцелуя, но прочитанное послание ничуть не злило его, тем более не будило братскую ревность. Из Рики должна... должна же когда-нибудь... получиться хорошая жена, полная заботы о муже и детях, о домашнем очаге. Как и из него уже давно получился примерный муж, любящий, заботливый и терпеливый. Главное, чтобы ничего не вторгло в размеренные будни, ничего не крутануло жизнь, не оборвало нити, сотканые за двадцать с лишним лет.

Дален приподнялся на локте и посмотрел в сторону деревенских дворики. В доме Коногана ещё горел тусклый свет. Не спал староста, дрожащей рукой отсчитывая успокоительные капли на кружку воды. Не спали и на первом этаже, там, где ещё недавно былолюдно и вёлся разговор о предстоящем выходе в море.

В дверь комнаты протиснулась госпожа Коноган с облупленным подносом в руках.

– Лорд Стернс, – с трепетом в голосе обратилась она к Гайларду, – всё, как вы просили: тёплое полотенце и чашка чечевичного бульона. Я могу чем-то ещё служить вам?

– Благодарю, – любезно ответил Гай и по-хозяйски заботливо добавил: – Ступайте. Вы, должно быть, сильно устали за день.

Полная и взволнованная женщина учтиво поклонилась и поспешила из гостиной в спальню к своему супругу.

– Вы не передумали, милорд? – задал вопрос Дагорм, как только за женой старосты закрылась дверь.

– Передумал?

Расстегнув верхние пуговицы дублета и ослабив ворот, Гайлард расправил влажное полотенце и протёр им лицо и шею.

– Если ты о сплаве на остров, то нет. Если о моём намерении присоединиться к походу, то да. Частично.

– Простите? – недоуменно спросил старик.

– Дагорм, не делай вид, что ничего не понимаешь. Ты сам дал мне совет не отправлять Гверна

одного на остров. Разве не так?

Стернс отломил кусок кукурузного хлеба и зачерпнул деревянной ложкой горячий бульон из глубокой миски.

- Всё верно, милорд, - пробормотал старик, - но мой совет предполагал, что Гверну составит компанию кто-то из более опытных, чем он, командиров, но никак не вы лично. Одного Феррана было бы достаточно.

- Прекрасный бульон, - как бы невзначай заметил Гай. - Зря ты отказался, Дагорм. Это ещё раз подтверждает твою недалёковидность. Вот через пару часов выйдем в море, и там нас ждет только сушёная рыба и холодная вода. Вкусной стряпни женушки Коногана там не подадут.

- Ещё раз прошу прощения, милорд, но сегодня вы говорите загадками.

- Ничего загадочного, - равнодушно пожал плечами Гайлард. - Просто вместо Феррана со мной на остров отправишься ты.

Обескураженный старик не находил слов. Наконец, он собрался с духом и задал вопрос:

- Что заставило вас изменить своё первоначальное решение?

Стернс доел бульон, вытер губы и с довольным видом откинулся на спинку стула.

- Ферран нужен мне на границе с Ллевингором, чтобы следить там за порядком. От этого хитрого лиса Итора можно всего ожидать. Даже в условиях перемирия. А вот тебе поездка может быть на пользу. А то сидишь у себя в каморке днями и ночами, дышишь крысами.

- Я работаю над рецептами новых целебных микстур, милорд. Это занятие требует усидчивости и сосредоточенности.

- Вот и будешь искать на острове коренья для своих ядов, или что ты там варишь, пока мы будем заниматься делом, - зевнул Гайлард.

Дагорм покачал головой.

- Я уже стар для таких походов, милорд.

- Ты? Да ты нас всех переживешь, старый колдун.

- Но как же принцесса Мириан? - Дагорм предпринял последнюю попытку уговорить господина одуматься. - Она должна прибыть в Торренхолл со дня на день.

- Не нуди, - недовольно оборвал старика Гай и прикрыл глаза. - Лучше вздремни немного перед отплытием.

- Я уже давно мучаюсь бессонницей, милорд, - ответил тот. - С вашего позволения я лучше подышу морским воздухом.

- Иди, иди, только не жужжи над ухом, - уже засыпая, пробормотал Гай.

Дверь за стариком тихонько затворилась, впустив в комнату лишь вольный ночной бриз, покруживший вокруг стола и вылетевший через открытое окно на пустынную улицу. Времени до рассвета оставалось мало. Ещё несколько криков ночных птиц, и первые лучи солнца прорежут фиолетовый горизонт, окончательно вытеснив звёзды с неба.

Рики бежала по безлюдной улице. Перескакивала через большие камни, преграждавшие дорогу, напролом ломилась сквозь колючие кусты с целью сократить себе путь. Сердце бешено колотилось, кровь прилиwała к лицу и румянила щёки. До дома оставалось рукой подать: обогнуть старый колодец, заросший сорной травой, а дальше всё по прямой и по прямой.

Тот самый колодец и впрямь был древним и заброшенным. Запасы воды иссякли в нём много лет назад, и, как ни старались деревенские жители вернуть колодцу прежнюю жизнь, пришлось копать новый. Этот же со временем зарос лопухом такого размера, что ничего видно не стало. А спустя некоторое время по деревне поползли страшные слухи: мол, повадился по ночам в тех местах околачиваться странный старик. Лево́й рукой взмахнёт - красивым юношей обернётся. Соблазнит деревенскую девственницу и за собой на колодезное дно утащит. Была ли та история выдумкой, или правда за ней стояла - никто не знал и проверять не отваживался.

Рики слышала о колодце. Странно было бы не слышать, если только им и пугали деревенских детей, чтобы отвадить тех играть там в прятки. Правда, детям призрачный соблазнитель преподносился в виде бородатого гнома с огромным мешком за спиной, но сути это не меняло.

В ярком свете звёзд колодец действительно выглядел жутковато. Прячась в огромной траве, он скрипел ржавой цепью и постукивал деревянным ведром, словно колотушкой. Гуляя в его глубокой пустоте, ветер уныло завывал и стремился удрать обратно на волю.

По спине Рики пробежал неприятный холодок: это вой, доносившийся из колодца, вдруг усилился и даже приобрёл зловещие нотки. Остановившись, девушка прислушалась. Она хорошо знала, как лихачит ветер по побережью, как настойчиво стучит в окна дождливыми осенними днями и как резвится среди нежных колокольчиков, но такой мучительный стон девушка слышала впервые. Полный безысходной тоски, он окружил Рики и продолжал безумствовать и разрастаться. Подкрадываясь, сводил с ума. А потом и трава зашевелилась, будто готовилась выплюнуть навстречу девушке монстра с клыками и глазами, полными огня. И внезапно всё стихло и замерло: ни воя, ни шелеста, ни чудища. Только Рики, одна среди тихой, по-утреннему застывшей природы, и фиолетовое небо над головой.

Девушка облегченно выдохнула и двинулась дальше. Простой кошмар – ночью и не такое причудится. Скорей бы домой попасть и чтобы раньше Далена. Увидит, что её нет в постели – ссоры не избежать. А уж кого-кого, но старшего брата Рики хотела расстраивать меньше всего.

Ноги шлёпали по влажной траве, проваливаясь в маленькие холодные лужицы. Но злосчастный колодец было не миновать, если Рики собиралась поспеть домой раньше брата. И, решившись окончательно и бесповоротно, девушка ринулась в травяные заросли и заспешила вперёд, торопясь вернуться на протоптанную тропинку.

Чёрная тень промелькнула слева, а за спиной страшно заухали и снова завывали. Рики не рискнула оглядываться, заспешила пуще прежнего, раздвигая руками острую осоку, кусающую и режущую ладони в кровь. Но непонятная тень продолжала преследовать девушку. Зажмурив глаза от страха, та сжала кулачки и бросилась вперёд, как вдруг запнулась о валун, выросший, словно айсберг, из травяного моря. Забарахталась, скорее вскакивая на ноги, но перед глазами была лишь чернота, и даже звёзд на небе видно не было. И только тогда Рики поняла, что головой оказалась в холщовом мешке, воняющим рыбьими потрохами и водорослями.

– Готово! – услышала Рики довольный голос, и сердце забилося ровнее.

То был не голос страшного старика-соблазнителя, о котором ходили пугающие до дрожи слухи, не голос гнома или прочего существа из легенд. То был голос Рина, деревенского паренька семнадцати лет, лучшего ныряльщика Ланимора и всех близлежащих деревень.

– Пусти меня, идиот!

Рики брыкнулась так сильно, что, ослабь Рин хватку, она легко пнула бы его ногой и вырвалась из нелепого плена. Но Рин был силен. Хотя по внешности совсем не скажешь: худощавый, невысокого роста, может быть, всего на голову выше самой Рики, лохматый и с небольшим шрамом на подбородке. Цепкий взгляд умело высматривал раковины, тщательно спрятанные на морском дне, а длинные тонкие пальцы ловко выковыривали из них жемчуг пожирнее.

В воде Рин был подобен рыбам: дышал наравне с ними, искусно огибал коралловые островки и великолепно лавировал между зарослями ядовитых водорослей. Никто в деревне не решался соперничать с ним и прыгать в воду на спор. Море было царством Рина, где он чувствовал себя абсолютным и единственным властелином.

Но сейчас ни Рики, ни Рин в воде не были и уж тем более не были на глубине, и Рики изловчилась и впилась со всей силы зубами в руку паренька, которую тот не успел одёрнуть. От неожиданной и сильной боли Рин взвыл и треснул девушку по уху. Ну, или приблизительно по той части головы, где предполагалось быть уху. Мешок на секунду притих, а потом опять начал выкручиваться и сопротивляться.

– В шторм лодкой управлять проще, чем этой дикаркой. Тащите её, ребята. К Гилу. Все наши там.

Рики и опомниться не успела, как несколько сильных рук приподняли её в воздух и понесли.

В наскоро сколоченном сарае, заставленном рыболовными снастями, царили полумрак и духота. И хоть протолкнуться удавалось с трудом, но трое мальчишек сумели найти местечко, где соорудили стол из перевернутого дном вверх ведра, облепили его со всех сторон и резались в свете одинокой свечи в «ныряющий камень». * Всюду, куда нос ни поверни, воняло рыбой, а по деревянному настилу, никак не похожему на качественно выложенный пол, ползали черви, удачно выбравшиеся из глиняного горшка, упавшего и валявшегося на боку в тёмном углу. Когда в сарай ввалилось ещё трое с мешком впридачу, то стало уже совсем тесно. Ногой пошевелинешь – зацепишься штаниной за рыболовный крючок. А если ещё и рукой, то точно приятель рядом оплеуху получит. Причём, неумышленно.

Мешок с головы стянули одним рывком, и Рики поморщилась от тусклого света свечи, ударившего в

привыкшие к темноте глаза.

- Ух, - выдохнул один из собравшихся, - это же сестра Далена. Её-то на кой сюда? Сдаст ведь!

- Сдам кого? - шурясь, выплюнула девушка. - Ваше сборище около вонючего ведра? Тоже мне, нашли из чего тайну делать.

Мальчишки загоготали, а кто-то даже фыркнул. Рин заткнул мешок за пояс, вытащил откуда-то из темноты тщательно упрятанную флягу и сделал жадный глоток. Рики повела носом. Настойка! Крепкая настойка из сосновых шишек с добавлением полыни.

- Тебе же утром в море! - ахнула девушка. - Дален тебя убьёт!

- Не ссы, - икнул Рин после того, как маслянистая жидкость лавой растеклась по всему телу. - Я в воде, как рыба, а то и лучше. Я и пьяным жемчуг со дна морского достану. Будешь?

Он протянул флягу девушке. Та поморщилась.

- Гадкое пойло. Ещё один глоток, и я немедленно иду к брату и рассказываю ему всё.

- Говорил же, сдаст! - выпалил паренёк, возмущившийся ранее. - Зачем ты её сюда приволок?

- Зачем? - Рин хищно облизнул сладкие от настойки губы, обхватил Рики за галию и грубо дёрнул к себе. - Она мне задолжала. Верно, девочка?

Рики хотела отшатнуться, но не тут-то было.

- Ничего я тебе не должна, - жарко выкрикнула она. - Поспорили раз, так я своё выполнила! Хочешь, чтобы и отравы твоей глотнула, так смотри!

С этими словами Рики выхватила из рук Рина флягу, поднесла ко рту и отхлебнула. Внутри всё взорвалось тысячами брызг, и невыносимо зажгло. В глазах резко помутнело. Рики качнулась и упала бы, если бы не Рин, крепко её державший.

- Вот же девка! - в голосе Рина звучало неподдельное восхищение. - Сказала, что не побоится к солдатне в Торренхолл пойти, и пошла. Сказала, что сосновки тяпнет, и вон её уже ведёт. Ты только мне скажи, ты в гарнизоне кем числишься? Девочкой для утех? А то мы тут с парнями гадаем...

- Дурак, - прохрипела Рики, приходя в себя от настойки. - Видел, какая у меня лошадь? Такую только отличившимся за службу дают. И брату я письмо от нашего капитана привезла, в котором говорится, что меня берут в гарнизон. И не куда-нибудь, а в личную охрану лорда Стернса, - и глазом не моргнув, соврала девушка.

- Про личную охрану ты не сочиняй, - ухмыльнулся Рин. - Где это видано, чтобы баб туда брали? Что за чудище такое должно быть? Может, мышь?

По сараю пошли противные смешки и фляга по рукам.

- Она и про письмо врёт. Выгнали, наверно, вот и вернулась обратно, - вставил загорелый паренёк, ростом с Рики. Его звали Дени, и по мастерству добычи жемчуга он дышал Рину в спину.

- Ага, - отозвалась Рики, - и лошадь капитанскую впридачу дали. Чтобы из Торренхолла увозила быстрее.

Лошадь - железный аргумент: крыть было нечем. Но Рин не унимался. Обжёг себе горло очередной порцией сосновки, сплюнул огнём, попав на носок своего сапога, и ехидно заметил:

- Ладно. Я согласен, что бабу в крепость взяли. Ну там, сапоги начищать или ещё для каких целей... За некоторые из них можно и лошадь вручить. Но чтобы к лорду в личную охрану...

Рики вспыхнула и, не ведая, зачем и что делает, выплеснула:

- Вот я тебе докажу!

- А докажи! - Рин как будто этого и ждал.

Рики прикусила язык, но было уже поздно.

- Кукурузу любишь? - внезапно спросил Рин.

Девушка кивнула.

- Тогда новый спор. Если нет тебя среди личных стражников милорда и ты всё наврала, то

отведаешь мой кукурузный початок.

И, язвительно улыбаясь, Рин похлопал себя по выпирающим впереди штанам. Рики ненавидящим взглядом вперилась в его ухмыляющееся и наглое лицо и дождала сухие губы.

- А коль не вру?

- Так уж и быть, не буду сдавать тебя Далену и говорить, что в Торренхолл ты сбегала на спор.

- Ну и мерзавец ты, Рин.

Девушка стиснула кулачки и уже чуть было не ударила ими в грудь порядком опьяневшего от сосновки хама, но стоявший сзади Гил вдруг перехватил её руки, отвёл за спину, и крепко держал. Рики дёрнулась, но тщетно. Попробовала дать тому каблуком по ноге, но Гил ловко увернулся, пнув при этом Дени.

- Пить будешь? - ядовито спросил Рин, болтая перед лицом девушки флягой с настойкой.

Та покачала головой.

- А придётся, - равнодушно бросил Рин и разжал Рики губы. - Держи её, ребята, - пробормотал он, когда с непривычки и от большого количества выпитого девушка обмякла на руках у Гила. - Дени, раздевайся. Вот хохма сегодня будет!

- Эй, ты чего задумал? - буркнул парнишка, неохотно стягивая тунику.

- Снимай-снимай, да поживее, скоро рассвет. Ты с ней одного роста - со спины вас не различить. Я вообще думал, через колодец это ты драпал. А тут такая удача. Сама страшенькая сестрица Далена!

- Мне моя одежда так-то нужна, - продолжал ворчать Дени, развязывая узел на штанах. - Утром в море в чём пойду? Чешуи у меня нет.

- Да забей, - отмахнулся Рин. - Две лодки собрали, а делов на один день. В одной пойдут Алекс и Сетт. В другой - я и Дален. Четверых нас хватит, чтобы тот остров вдоль и поперёк облазить и раз сто. Мы лучше вместо тебя эту дикарку под доски к бочкам положим. Вот ржака будет, когда Дален обнаружит.

- А если она нас выдаст?

Рин презрительно фыркнул.

- Скажем, напилась и сама не помнила, что творила. Пусть Дален постыдится за свою сестрёнку. А если и впрямь рот раскроет, я ей про Торренхолл быстро напомню.

Дени широко улыбнулся и скинул с себя сапоги.

В лунном свете сновали тени. Мелькали то среди вытянувшегося папоротника, то среди зарослей камыша. Потом переместились к брёвнам и мелкими шажками поспешили к качавшимся на волнах лодкам. Никто их появлению не предал особого значения, никто не остановил - один стражник клевал носом; второго рядом не было.

Рин махнул рукой, поторапливая Гила и Дени.

- Не могу быстрее, - огрызнулся последний. - Её штаны мне узки, вот-вот на заднице разойдутся.

- Тише там, - рыкнул Гил. - Этого разбудишь.

И кивнул в сторону дремавшего здоровяка.

- Обоим молчать, - прошипел Рин. - Затаскивайте её в лодку скорее и к бочкам под доски суйте. Нет, не так.

Плюнув в воду, паренёк подскочил к возившимся с Рики приятелям, отогнал их и развернул находящуюся в забытьи девушку лицом к бочкам.

- Со спины вылитый Дени, - радостно хмыкнул он и бросил приятелям: - Уходим. Скорее.

Все трое прыгнули в воду - раздался звук рвущейся ткани. Дени замер на месте, а Рин пригрозил ему кулаком. Но спящий стражник и не думал просыпаться, только мотнул головой, недовольно буркнул и дальше погрузился в сон.

Первые лучи солнца лениво поползли из-за горизонта, шупая воздух. С моря начинал дуть дневной бриз, полный запаха водорослей и морской соли. Колыхая расправленную парусину, он забирался под тонкую ткань туники Далена и щекотал ему спину. Потом метнулся к кучке мальчишек, босыми ногами зарывшимися в прохладный мелкий песок, и вздохнул шевелюру Алекса, ковчегу в зубах острой щепкой.

- Интересно, долго ещё стоять будем? - проворчал Алекс.

- А пёс их знает, - отозвался Рин. - Говорил я вам аккуратнее быть. Если прознают, что мы ночью около лодок шарились, огребём по полной.

- Да что произошло-то? - недоумевал Алекс.

- Ты, Дени и Сетт сегодня не в море. Этого достаточно?

- Ну, Дени понятно, почему. Главное, чтобы он успел среди кустов раствориться, не то Дален заметит подвох, - губы Алекса растянулись в ехидной улыбке, - а меня и Сетта за что?

Рин вытащил ноги из песка, обернул тряпками, сунул в сапоги и процедил:

- Как начало светать, мы пришли на берег. Явились, значит, и видим, как тот худой верзила, что вчера всем командовал, стоит в одной лодке и кричит Далену. В руке весло. И сам весь такой на взрыве. Оказалось, одна лодка дала течь. Уже почти наполовину залита водой.

Алекс присвистнул.

- Клянусь, я не виноват! - воскликнул Дени. - У меня вчера штаны расползлись. Это они трещали, а не дно лодки.

- Ты ещё им про штаны расскажи, - проворчал Рин, кивая в сторону собравшихся вокруг Гверна стражников, и продолжил: - Потом на берег ещё народ подтянулся. Такая паника поднялась. Шум, гам. Эти с луками вместе с тем вчерашним забегали и по струнке вытянулись. И перед во-о-он тем отчитывались один за другим. Потом Дален к нам подошёл и сказал, что откладывать сплав не будут, и в море выйдет только одна лодка, а, значит, лучшие из лучших. А оно и так понятно, кто здесь самый лучший, - хвастливо добавил Рин и обидно щёлкнул Алекса по носу.

- А что будет с испорченной лодкой? - потирая больное место, спросил Алекс.

- Что будет со второй лодкой, непонятно. Оно, конечно, дыру латать надо. Но это дело небыстрое. Плотнику работы много. О, гляньте, - Рин вытянул палец вперёд, указывая. - Вон тот длинный, перед которым тут все дрожали. Даже у нашего Далена коленки подкашивались.

С этими словами он громко гоготнул, а Алекс встрепенулся и повернул голову в ту сторону, куда указывал старший приятель. Там неспешным шагом от лодок к своим подданным шёл лорд Стернс.

Навстречу Гайларду поспешил Дагорм, а как поравнялся, отвёл того от собравшихся и задышал прямо в ухо:

- Вы всё ещё настаиваете, что Гверн - подходящий человек на должность вашего советника, милорд?

- Я не склонен обсуждать назначения в такой обстановке. Тем более поднимать шум из-за жалкой дыры в прохудившейся рыбацкой лодке, - пожал плечами Гайлард. - Рыбаки выходили на ней в море тысячи раз. Должна же она когда-то дать течь.

- И это произошло именно тогда, когда лодками занялся Гверн. Не находите странным?

- Намекаешь на измену?

- Я всего лишь продолжаю придерживаться мнения, что молодой человек слишком юн, неопытен и в некой мере безответственен.

Стернс посмотрел в сторону лучников, обступивших своего командира со всех сторон, и крикнул:

- Гверн!

- Да, милорд! - Нольвен бросился к Гаю и упал перед ним на колени. - Клянусь, я все лодки лично смотрел и ничего не заметил, - бормотал он, оправдываясь.

Стоявший неподалеку Ферран еле заметно фыркнул и отвернулся, чтобы не видеть жалкого зрелища.

- Что ты этим хочешь сказать? – насутился Гайлард. – Что ты халатен и не углядел дыру, или что кто-то из близкого окружения специально вредит нам?

- Ни то, ни другое, милорд, – виновато склонил голову Гверн. – Я не понимаю, откуда взялась пробоина.

- Кто подходил к лодкам ночью кроме стражи?

- Никто. Даже стражникам я запретил их касаться.

- Тогда как ты объяснишь течь?

- Мне некого подозревать, милорд, – нервно сглотнув, выдавил Гверн. – Но если и винить кого-то в случившемся, то только меня.

- Тебе ещё повезло, что у меня сейчас нет времени выяснять подробности, – процедил сквозь зубы Гай. – Я и Дагорм выйдем в море на исправной лодке. Ты отправишься в королевский порт и снарядишь корабль на остров.

- Я молнией! – воскликнул юноша, вскакивая на ноги. – Вы даже не успеете там костёр развести, как я буду уже у берегов.

- Погоди, горячая голова. – Гай поманил к себе Стендена. – Вы отправитесь вместе. Разойдетесь у развилки, где трактир. Ферран, скачи в замок и приготовь всё для встречи её высочества принцессы Мириан. И заberi Ашка.

- Он, вероятно, ещё слаб. Вы сильно загнали его ночью. Бедный конь был весь в мыле, – вставил Ферран.

Гай кивнул.

- Дай ему набраться сил, и отправляйтесь после полудня.

Стенден учтиво поклонился.

- Солнце скоро будет совсем высоко, – заметил подошедший к Стернсу Дален. – Если хотим успеть осмотреть остров до заката, нужно отправляться немедленно.

- Лучники в лодке? – сухо спросил Гай, даже не повернув голову в сторону молодого человека.

- Пятеро.

- А нырять?

- Рин ещё топчется на берегу, но ему запрыгнуть в лодку – дело недолгое.

- Тогда отплываем. И вот ещё, – Стернс впервые внимательно посмотрел на молодого рыбака, – как твоё имя?

- Дален, милорд.

- Что ж, Дален, – Гайлард сделал небольшую паузу, – надеюсь, ты меня не разочаруешь.

- Сир, – Дагорм вклинился в разговор и вновь завёл старую тему, – отправляться на остров небезопасно. Одна лодка повреждена, и мы не знаем, случайность это или дело чьих-то рук. Не лучше ли отложить сплав?

- И потерять несколько дней? Я, кажется, чётко дал знать о своем решении, – Гайлард был недоволен. – Мы отправляемся прямо сейчас. Будь на острове какая опасность, деревенские мальчишки не повадились бы туда.

- Мальчишки мальчишками, – продолжал шамкать Дагорм, – а вам нужна должная охрана. Пятеро лучников это мало. Возьмите Феррана, пока не поздно.

- Это просто остров. В нескольких часах пути от этого берега. Остров, на котором ни души нет, а только жемчужные россыпи повсюду. Ты же предлагаешь отправить туда чуть ли ни все королевские войска, вооруженные до зубов. Оставь свои идеи до лучших времен.

- Каких, милорд? – недоумевал старик.

- Когда будем делать высадку на островах Берлау, – отрезал Стернс и направился в сторону качающейся на волнах лодки.

Продолжать спор было бессмысленно. И Дагорму оставалось лишь понуро плестись вслед за своим господином.

Стражники начинали расходиться. Последний из них ещё стоял перед Гверном, внимательно слушал и согласно кивал. Затем развернулся и присоединился к остальным, догнав их в несколько широких прыжков.

Как только лучники скрылись из виду, Ферран подскочил к Гверну. Схватив его за воротник, словно неопытного щенка за шкуру, потянул за собой в направлении дома старосты. На ходу натянул на руки перчатки, не переставая бормотать себе под нос. Сколько ни силился, Гверн не смог разобрать ни слова из тех бормотаний.

- К чему такая спешка? - крикнул он Стендену. - До полудня полно времени.

- Не будем мы ждать полудня, - отрезал Ферран. - Я не намерен торчать здесь у всех на виду и играть роль шута, развлекаая Коногана рассказами о жизни Торренхолла.

- А как же лошади? Лорд Стернс сказал, им нужен отдых.

- Только Ашку. Я и Дагорм меняли лошадей при трактире у развилки. Они полны сил. На них и отправимся.

- А Ашк?

- Оставлю его у Коногана и вернусь за ним через два дня.

- А... - на языке молодого человека вертелся ещё один вопрос, но негодующий крик Феррана заставил позабыть обо всём на свете.

- Черт возьми, Гверн, кто вы такой? Вопросы буду задавать я, а не вы!

Гверн плотно сомкнул губы и сглотнул. Всю оставшуюся дорогу оба молчали.

В доме старосты крепко спали. Перемалывали во сне события прошедшего дня и ночи и не просыпались ни на малейший шорох и тем более на ржание выводимых из стойла лошадей и стук копыт, удаляющийся от деревни в направлении леса.

Глава 9. Лес

Зелёный лес шумел.

Подпирающие небо древние буки широкими кронами заслоняли солнце, пропуская лишь самые настоящие лучи. Те, соревнуясь друг с другом, спешили пробиться сквозь листву, чтобы согреть скачущую в живительно-прохладной тени землю. Один такой луч брызнул сквозь листья, надломился и ударил в паутину, крепко сплетенную между стволами деревьев. Внизу было тихо. Лишь вдалеке, под тяжестью медвежьей лапы, сухим треском отозвалась безжизненная коряга, а птица испуганно захлопала крыльями, вспорхнув с насиженного места.

Раздался шум. Из вороха листьев выскочила белка и, ловко перескакивая через вылезшие на поверхность спутанные корни деревьев, вскарабкалась на самое широкое и исчезла в его вышине. Солнце ещё раз стрельнуло слепящими лучами и скрылось за облаками. Лес погрузился в полумрак. Тянувшийся на много сотен миль, он был непролазен и дремуч. Несколько проложенных троп являли собой узкое пространство, в которое с трудом помещался один средней величины экипаж. И то не редки были случаи, когда разросшиеся кустарники так и норовили залезть сухими колючими ветвями в окна проезжающей по тропе кареты и отхлестать дремлющего путника по лицу.

Подул ветер и всколыхнул бесцветную листву, опавшую с вершин деревьев. Закружившись, она взметнулась вверх и опять стала медленно оседать на землю. Под ковром из сухих листьев кипела жизнь: норы, муравейники, гнёзда, собранные из пожухшей травы и мелких веток. А в низинах, где собиралась влага, раскинулось заболоченное, пахнущее илом, царство диких фиалок с толстыми сочными листьями цвета малахитовой зелени и нежными тёмно-фиолетовыми соцветиями. Хотя местами эта красота была вытоптана и пожёвана равнодушными до живописных пейзажей лосями.

Вдалеке отрывисто запела кукушка. Ей ответом была барабанная дробь краснощёкого дятла. Буковый лес проживал ещё один обычный день: впускал и выпускал путников, пожелавших пересечь его просторы; заманивал в свои непроходимые глубины тех, кто приходил, чтобы остаться здесь навечно.

Ворох сухих листьев опять взметнулся в небо, а за ним и столп пыли. На этот раз от топота копыт, взъерошившего лесную тишину. Два всадника неслись по узкой тропе и гнали своих скакунов что было мочи. Лошади недовольно фыркали, но продолжали мчаться галопом. Настолько тяжёлым, что, казалось, они поднимают копыта из вязкой трясины. Одна из лошадей неистово заржала – терновый куст, словно паук, оплёл сухими путами дорогу и посадил неосторожному животному в ноги несколько острых шипов. От резкой боли лошадь повело в сторону, но всадник был неумолим и продолжал гнать взмыленную серую вперёд. Лесная тропа начала расширяться и вскоре переросла в тракт, хоть и давно проложенный, но неухоженный и отдающий той же дикостью, что была присуща и всему лесу.

Трактир «Белая лошадь» расположился весьма удачно. На перекрестке трёх дорог и достаточном расстоянии от ближайших поселений, чтобы путник мог вдоволь устать и так же вдоволь отдохнуть за кружкой пива и тарелкой жареной оленины с печёным картофелем, маринованными грибами и ореховым соусом.

Длинные, грубо обтёсанные, деревянные столы стояли ровными рядами как внутри небольшого по размеру помещения, так и на улице, в тени дикого орешника, который уже давно не плодоносил. В затянутые мутной слюдой окна с трудом проникал солнечный свет, а потому даже днём хозяин зажигал свечи и в целях экономии робко умолял путников отобедать на свежем воздухе. Сын хозяина, двенадцатилетний белокрылый шалопай, шустро носился от одного стола к другому и обратно на кухню, таская тяжёлые тарелки с сытной едой и неподъёмные кружки с пивом. Оказавшись вдали от родных стен, путешествуя господа имели обыкновение хорошо платить, поэтому мальчуган старался на славу.

В этих местах лес был всему хозяин. Сотни веков он вершил судьбы людей, запутывая тропки, завешивая всё вокруг гадкой паутиной и сводя с ума бескрайней тишиной. Многих таких, потерявших рассудок, успел повидать на своём веку трактирщик, а потому с опаской относился к каждому новому гостю. Внимательно оглядывал с головы до ног, вчитываясь в черты лица и взгляд, и пытался угадать, кто перед ним: в действительности ли честный господин или приодевшийся выразительнее вор, спящий у трактира в поисках богатого экипажа с единственной целью ограбить его чуть позже, когда насытившиеся и разморенные от пива и мяса путники задремлют под мерный шум колёс.

Громкое лошадиное ржание уже не в первый раз за день нарушило спокойную трапезу постояльцев трактира. Из лесной чащи выскочили два всадника и резко потянули поводья, останавливая разгоряченных лошадей. Те продолжали озверело фыркать и тяжело дышали. Всадники спешили и, вручив поводья подоспевшему к ним сыну трактирщика, прошли к входу. Чуть пригнувшись, они

переступили порог и растворились в царившем внутри прохладном полумраке. Послышался голос хозяина, затем голоса прибывших, и опять всё стихло, лишь загнанные лошади громко сопели и жадно пили воду из корыта. Кинув им свежего сена, мальчишка проверил привязь и убежал на кухню за новой порцией оленины для тех гостей, которые сидели за длинными столами на улице, свесив уже порядком набитые животы, и обмусоливали новоприбывших.

В трактире пахло свечным воском и жареным мясом. Расстегнув ворот расшитого серебряной нитью дублета, Ферран кинул на стол снятые ранее перчатки и опустился на скамью. Отхлебнул принесённого хозяином холодного пива и осмотрелся. В противоположной стороне все столы были заняты, что не мудрено: там и света побольше, и обслуживает гостей дочка хозяина. Не красавица, но вдали от дома и такая понравится. Жестом поманив к себе не менее белобрысую, как и её брат, девчонку, Ферран сунул ей серебряную монету в руку и попросил хлеба с паштетом из дикого кабана. Та прикусила монету неровными редкими зубами, заулыбалась и уже через минуту бежала с полной тарелкой обратно. Отломив кусок тёплого хлеба, Стенден протянул его своему компаньону, сидевшему напротив.

- Благодарю, - сухо отозвался тот, - мне достаточно пива.

- Как хотите, - Ферран пожал плечами. - Я вижу, вы на меня ещё злитесь, Гверн.

- О чём вы хотели поговорить? - перевёл тот тему.

Ферран наклонился вперёд и вперился негодующим взглядом в молодого помощника лорда Стернса.

- Не прикидывайтесь тупым ослом, Нольвен, вы прекрасно понимаете, о чём я хочу с вами поговорить! Только ищете способ улизнуть от этого разговора и разыгрываете передо мной наивную невинность.

- Вы мне не отец и не хозяин, чтобы разговаривать со мной в таком тоне! - разъярился Гверн и вскочил из-за стола. - Я довольно терпел ваши унижения по дороге, чтобы выслушивать их ещё раз.

Ферран отпрянул и растерянно заозирался по сторонам.

- Сядьте, Гверн, - зашипел он. - Своим темпераментом вы привлекаете слишком много внимания.

Гверн ударил кулаком по столу, склонился над Ферраном и твёрдо произнес вполголоса:

- Вы хотели говорить со мной? Так говорите. Но не смейте унижать.

Выпрямившись, он развернулся и направился в сторону хозяина заведения, разливавшему по кружкам пиво и как бы ненароком наблюдавшему за выделявшимися из общей толпы гостями.

- Ещё два темного. - Нольвен положил на стол монету.

Хозяин кивнул и выставил на стол недавно сполоснутые кружки.

Гверн облокотился на высокий массивный стол и уставился взглядом в стену, находящуюся за спиной трактирщика. А тот, наполняя кружки прохладным пивом, то и дело косился в сторону то Нольвена, то Стендена, поочередно их разглядывая.

«Богато одетые господа, - размышлял трактирщик. - Тот, что старше и с сединой на висках, был тут прошлой ночью. Но в сопровождении других господ. А это, видимо, его провинившийся сын. Недаром он его костерит, на чём свет стоит. Дай волю, выпорол бы и, причём, прилюдно».

При мыслях о непослушном сыне хозяин трактира укоризненно посмотрел на Гверна: русые волосы, торчавшие в стороны колючими иголками, давно не мытые, и несло от них водорослями. Вероятно, блудного сына застукали на побережье. Тем более, что и нос у него облуплен, и кожа на шее красная, обгоревшая на знойном солнце. Светлые, в тон цвета водорослях, зелёно-голубые глаза. Острый подбородок и прямой нос. Ничего особо примечательного во внешности и ничего общего с грубыми, словно вытесанными степным ветром, чертами лица Феррана. Но роста оба одинакового, и по осанке видно, что военные. Хотя молодой худощав.

Пиво брызнуло через край кружки, растекаясь по деревянному полу хитросплетенным зигзагом. Трактирщик охнул и поспешил закрыть кран бочки.

- Прошу, - тяжёлые кружки, расплескивая пену, глухо стукнулись о поверхность стола. - Изволите ещё чего-нибудь?

Молодой человек не спешил, как большинство гостей этого заведения. Зачастую, дождавшись вожделенного пива, посетители торопились сесть за стол или же отхлебывали знатную половину кружки прямо у пивной бочки, чтобы долить себе ещё и вернуться к столу с уже изрядно

булькающим пузом. Но этот гость не торопился и жаждой, вероятно, не страдал. Напротив, продолжал смотреть, не отрывая взгляда, на стену за спиной хозяина. Не выдержав, тот тоже повернул голову.

- Ваша работа? - задал вопрос Гверн.

Трактирщик смущённо кашлянул в кулак и протянул руку к стене, снимая с неё тисовый лук.

- Мой старший сын промышляет изготовлением луков. Одно время был подмастерьем у именитого мастера, сейчас вот открыл своё дело. Этот лук он привез мне прошлой зимой.

Трактирщик с любовью повертел лук в руках и протянул Гверну.

- Я вижу, вы ценитель оружия. Хотите взглянуть?

Гверн кивнул и взял лук в руки. Гладкая изогнутая рукоять насыщенного красно-коричневого цвета, тугая тетива - всё в луке говорило о настоящем мастере, влюблённом в своё дело. От волнения ладони вспотели, и даже на загоревших щеках проступил волнительный румянец.

- Сколько вы за него хотите? - дрожащим голосом спросил юноша, не отрывая взгляда от лука и поглаживая его рукоять.

Хозяин заведения ступешался.

- У меня не было намерения продавать этот...

- Десять монет золотом, - нетерпеливо перебил Гверн и полез в висевшую на поясе сумку.

Трактирщик замешкался.

- Сын говорил, на рукоять пошёл редкий в своем роде тис. Идеально ровный. Цельное дерево, без единого сучка. Таких нынче практически не сыскать.

- Двенадцать, - выпалил Гверн.

Трактирщик вздохнул так тяжело, будто весь день таскал пивные бочки.

- Тринадцать, господин. И пару медяков сверху. Дешевле никак.

- Вот вам... Вот вам пятнадцать золотом, и я беру ещё стрелы.

Хозяин ошеломленно крикнул, почесал затылок и согласно кивнул. Едва монеты оказались на столе, он тут же накрыл их ладонью и сгрёб себе в карман.

- Прошу, присядьте пока. Я всё подготовлю, - любезности сыпались градом.

Гверн вернул лук в руки трактирщика и, взяв пиво, направился к Феррану.

- Остыли, Гверн? - с издёвкой в голосе поинтересовался тот, когда Нольвен поравнялся со столом и поставил на него две наполненные до краев кружки.

- Лодка была исправной, я вас уверяю, - пропустив вопрос мимо ушей, процедил сквозь зубы Нольвен и опустил на скамью.

- Тогда сделайте милость, потрудитесь объяснить мне, такому непонятливому, как исправная лодка могла дать сильную течь прямо перед отплытием? - продолжал язвить Стенден.

- Я сам мало что понимаю.

Гверн побледнел и зарылся пальцами в свои густые светлые волосы.

- Ладно, ладно! - внезапно взорвался он. - Каюсь, на берегу я утаил кое-что от милорда, но вам я всё расскажу.

- Жду.

Ферран сделал каменное лицо и неспешно отхлебнул из кружки.

- Лодки проверял лично, и до заката всё было исправно.

- А как шла погрузка?

- Тоже под моим присмотром. В ночь перед отплытием я выставил охрану: стражники должны были

меняться каждые два часа.

- Вы уверены в своих людях? Среди них не могло быть изменника?

- Уверен, - твёрдо отвечал Гверн. - Они верны лорду Стернсу, и я не подозреваю ни одного из них в измене. Разве только в халатности.

Ферран насторожился.

- Я объясню, - продолжал Гверн. - Незадолго до рассвета я отправился на берег, чтобы лишний раз убедиться, всё ли в порядке. И сильно удивился, когда обнаружил костёр догоревшим, а охрану спящей. И я... растерялся.

- Как спящей? - возмутился Стенден и стиснул кулаки. - И вы это им спустили? Почему вы ничего не предприняли? Почему не объяснили Стернсу, когда тот спрашивал?

- Я растерялся, - повторил Гверн. - Я едва успел их разбудить, как на берег пожаловали вы. Устраивать допрос просто не было времени - милорд спешил отплыть. Только потом я узнал, что одна из лодок повреждена.

Ферран покачал головой.

- Гверн, вы просто дитя. Глупое, безрассудное, наивное дитя. Вас обвели вокруг пальца, а вы даже наказать виновных не в силах.

- Но кто виновен? Мои воины? Сами посудите, начни кто рубить дно в лодке, на всю деревню будет стоять такой треск, что подскочат не только стражники. Весь народец вмиг будет на ногах. Там простым ножом дыру не проделать. Топор нужен. И бить не один раз придётся, а с дюжину. Полный бред.

- Ваши люди, - медленно продолжал Ферран, словно гипнотизировал, - виновны уже хотя бы в том, что нарушили приказ своего командира, Гверн. Уснули во время несения службы. Этого вполне достаточно, чтобы их вздёрнуть.

- Я выясню, что случилось с лодкой. Обязательно выясню.

- Лодка просто дала течь, - уверенно ответил Стенден и в один глоток допил пиво. - Она старая и ветхая - чего ещё можно ожидать от деревенщины? А вы, Гверн, упустили свой шанс. Выяснениями надо было заниматься на берегу, а не в лесном трактире.

Ферран выдержал паузу и продолжил:

- По окончании всей этой кампании я буду просить милорда о вашей отставке. Довольно. Я сыт по горло вашими «успехами», чтобы терпеть вас дальше. И мой вам совет - вернитесь к прежнему занятию. Оно удавалось вам куда лучше, чем исполнение приказов наследника престола.

Ферран поправил ворот дублета и посмотрел на притихшего Гверна, сверлившего опустошённым взглядом стол и вертевшего в пальцах медную монету.

- И последнее, - Стенден тяжело вздохнул. - Вы отправляетесь в порт, чтобы снарядить корабль на остров. Будьте так любезны, привезите лорда Стернса в Торренхолл целым и невредимым.

С этими словами Ферран встал и направился к выходу. Стукнула входная дверь, и через некоторое время послышались лошадиное ржанье и топот копыт, быстро удалявшийся по одной из трёх дорог, что вела к замку.

Гверн сидел, не шевелясь. Прикрыл глаза, словно дремал, и только пальцы изредка и еле заметно крутили медяк.

- Ваш лук и стрелы, - услышал юноша над собой голос трактирщика.

- Благодарю, - только и кинул Гверн, приоткрыв один глаз. А затем сделал ещё глоток пива, встал и вышел из трактира во двор.

Отдыхавшие в тени орешника путники долго обсуждали худого долговязого юношу с луком в руке и стрелами через плечо, резво вскочившего на своего скакуна и умчавшегося в лесную чащу.

Узкая тропинка виляла и петляла, словно пьяная девица. Можно было, конечно, свернуть на более широкую и удобную, тем более что та проходила неподалеку, но Гверну сейчас хотелось бросить вызов самому себе и победить.

Последние слова Феррана не давали ему покоя, а виски пульсировали от угнетающего чувства

досады. Не обращая внимания на истеричное ржание лошади, Нольвен упрямо вел её то вправо, то влево, огибая раскуроченные деревья, норовившие острыми, словно пики, ветвями рассечь всё живое. Впереди разверзлась пропасть, дно которой было усыпано сухостоем. Хрипя в истерике, лошадь замерла было на самом краю ямы, но, пришпоренная разъярённым всадником, рванула вперёд через овраг. Стукнула копытами о противоположный край, пошатнулась на осыпи, но быстро выкарабкалась и понеслась дальше.

Голые стволы уносящихся в небо буков мелькали с завидной скоростью. Не было слышно ни пения птиц, ни шума листвы. Лишь стук копыт и свистящий ветер в ушах. Тропинка, которой следовал Гверн, постепенно слилась с широкой дорогой, ведущей через лес прямо к побережью и портовому городу – морской сокровищнице южных земель Нолфорта, а деревья продолжали мелькать столь же быстро, что и раньше, и в глазах Гверна даже начали сливаться в единую, красно-коричневую стену.

Мотнув головой, словно прогоняя мираж, юноша натянул поводья, замедля бешеный галоп лошади. Та довольно зафыркала и пошла спокойнее. Переплывавшие друг в друга деревья приобрели чёткие очертания, а лесные звуки стали яснее. Прежняя досада сошла с лица Гверна. Нахмуренные ранее брови распрямились, насупленный взгляд прояснел, и даже уголки губ немного вздернулись вверх, будто предвкушали нечто приятное. Лес тонул в привычном для себя шуме шелестящей листвы. И лишь стук копыт о землю и дробь дятла нарушали его. И в придачу к ним – пронзительный женский визг.

Гверн остановил лошадь и прислушался. Визг повторился. Спешно пришпорив лошадь, Гверн мчал по широкой дороге туда, откуда доносились крики. Ещё немного, и впереди показалась карета, запряженная парой гнедых лошадей. Её дверцы были распахнуты, и около них возилась парочка грязных оборванцев. Один даже на полкорпуса завалился внутрь, но тут же резко отпрянул, потирая ушибленные руки и голову. Из кареты показалась пожилая дама со сложенным веером в руке, которым она незамедлительно принялась хлестать второго, покусившегося на её добро, разбойника. Вскрикивая и отмахиваясь одной рукой от жёстких пластин, жалящих, подобно осам, другой рукой тот вцепился в тканевый саквояж и изо всех сил тянул его на себя. Боль, причиняемая веером, была несносна, но жажда наживы брала верх.

Его подельник оклемался быстро, вытащил из лохмотьев нож и ринулся обратно к экипажу. В глазах пожилой дамы застыл ужас. Она истерично завопила и нырнула внутрь кареты, выпуская саквояж из рук и захлопывая за собой дверцы. Но теперь одних богатств дорожного мешка было мало.

Со злобной ухмылкой на лице первый грабитель дёрнул на себя некрепкую дверь. Солнечный луч, прорвавшийся сквозь плотный заслон верхушек деревьев, попал на острие ножа, и то хищно сверкнуло в предвкушении крови. Но в ту же секунду рука грабителя оказалась в сильных тисках, а его самого поволокло по земле через выползшие на поверхность корни деревьев. Пальцы разжались, нож выпал и затерялся в ворохе опавшей листвы. А и до того напоминавшая лохмотья одежда мигом разорвалась, подставляя обнажённые участки тела на растерзание зубастым корягам.

Ничего не соображая, грабитель уловил лишь топот копыт, а затем почувствовал, как его, словно мешок с картошкой, бросили в яму. Выплёвывая забившиеся в рот сухие листья и муравьёв, разбойник осторожно выглянул из своего случайного убежища и посмотрел в сторону кареты.

Его напарник, воспользовавшись моментом, схватил валявшийся на земле саквояж и со всей скоростью улепётывал в чашу леса. Совсем рядом, со стороны правого уха, вдруг просвистела стрела. Ещё одна вонзилась в ствол дерева, которое лихой разбойник только что обогнул. Перемахнув через широкий пенёк, грабитель нырнул за раскидистый орешник и затаился. Совсем рядом, за деревом, слышался шум шагов.

Ветка хрустнула под каблуком сапога, и Гверн в который раз поморщился.

С самого утра день не задался. Недавний разговор с Ферраном не шёл из головы, как бы Гверн его ни отгонял. Теперь ещё и оба вора были упущены. Того, первого, удалось так ловко протащить по земле и бросить в яму, полную гнили, что, казалось, он больше не встанет. А он не только поднялся на ноги, но еще и пустился наутёк, стоило переключиться на его подельника. А сам подельник как сквозь землю провалился. А ведь был совсем рядом... И стрела чуть не продырявила ему шею.

На секунду Гверн замер и прислушался. Нет. Никаких необычных звуков. Только пение птиц и сдавленное фырканье загнанной лошади, оставленной у кареты.

Ещё раз оглядевшись, Гверн расстроенно опустил лук, развернулся и, загребая ногами сухую листву, пошёл в сторону развороченного экипажа, из которого опять показалась напудренная седовласая пожилая дама. Круглое лицо было бледным и почти бескровным. Зрачки расширились и испуганно оглядывали всё вокруг, пытаясь разобраться, миновала ли опасность или стала ещё

страшнее.

- Вы в порядке? - услышала дама голос Гверна, вынырнувшего с правой стороны кареты и протянувшего ей руку.

Оглядев молодого человека с головы до пят, дама улыбнулась с присущим её возрасту умеренным кокетством и выползла из кареты. Затянутая в пышное, малахитового цвета платье, она тяжело дышала и оттого казалась ещё тучнее. Увидев на земле бездыханные тела кучера и двух сопровождавших экипаж стражников, дама охнула и схватилась рукой за сердце.

- Этому перерезали горло, а тем двоим... - тихо начал Гверн, отводя взгляд.

- Вы наказали мерзавцев? - сквозь всхлипы спросила дама на редкость высоким, почти писклявым голосом.

- Лишь отогнал их, - с досадой ответил Гверн. - Понёсся за тем, что схватил ваш саквояж. В результате упустил обоих.

- И как же зовут того, кому мы обязаны жизнями? - красивый, схожий с пением райской птицы, женский голос стрелой пронзил Гверна.

Из кареты вышла ещё одна дама: молодая и стройная, одетая в воздушное кружевное платье кремового цвета. Руки по локоть были затянуты в ажурные перчатки, на пальцах и запястьях не было никаких украшений; лишь шею обхватывало тоненькое ожерелье из мелкого белого жемчуга. Огненно-рыжие волосы были собраны на затылке, но одна небольшая прядь отбилась от остальных и теперь озорно дразнила, подпрыгивая при каждом шаге своей хозяйки.

- Так как ваше имя? - повторила девушка.

Поймав себя на мысли, что вот уже который удар сердца он любит маленькую, словно точка, мушкой над верхней губой рыжеволосой незнакомки, Гверн учтиво поклонился и произнёс:

- Гверн Нольвен, госпожа... - в его взгляде застыл вопрос.

- Бьянка, - ответила та, сделав вид, что не заметила смущения на лице юноши и не догадалась о его причинах. - А это моя тётушка Фианна Рэей.

- Говорила я этому остолопу, что дорога через лес небезопасна, - заворчала тётушка, приподнимая подол платья и осторожно ступая по земле, чтобы с непривычки не запнуться о спутанные корни и сломанные ветки. - Сколько раз уже зарекалась слушать его bestолковые речи. Страшно подумать, что стало бы с нами, не окажись господин Нольвен неподалёку. Ладно я, старуха. Но молодая леди...

- Прошу вас, тётушка, - взмолилась Бьянка, - ведь всё обошлось.

- Сидели бы в городе, в полной безопасности. А лучше вообще не совались бы в Торренхолл. У нас и в наших землях свадеб не мало, - леди Рэей вошла во вкус и не собиралась останавливаться.

- Вы не из наших краев? - среди череды ворчаний выхватил Гверн. - Откуда вы?

- С Имил Даара, - вымолвила Бьянка. - Получили приглашение на празднование свадьбы лорда Стернса. Не явиться было бы в высшей степени неуважением.

На последних словах Бьянка недовольно покосилась в сторону своей тётки, которая всё ещё продолжала бурчать себе под нос по поводу необходимости поездки.

- Но эта дорога не ведёт в Торренхолл. Она ведёт к побережью, - заметил Гверн.

Бьянка кивнула.

- Кузен моей тётушки проживает у моря. Вышел в отставку некоторое время назад. Правда, с каким-то непонятным скандалом. Вот и уехал подальше от шумных крепостей, сказав, что больше ни ногой в Торренхолл. Узнав, что мы рядом, прислал письмо с просьбой его навестить. Вот мы и решили воспользоваться свободным временем и...

- А ведь снился мне дурной сон за день до поездки! - голосила пожилая дама. - Нет, чтобы послушать PROVIDЕНИЕ, а не этого старого осла.

Леди Рэей разошлась не на шутку, от всей души костеря горячо любимого кузена.

- Дорога через лес и вправду небезопасна, - согласился Гверн. - Вам не мешало бы взять с собой побольше сопровождающих, а не пару человек.

- Вот именно, юноша! - воскликнула тётушка. - Ваше замечание ещё раз подтверждает, что уверениям моего кузена доверять нельзя. Он на две страницы расписал мне, насколько быстра и легка дорога через лес. А что в результате? Мы лишились части наших вещей! Наш кучер мёртв! Солдаты мертвы! И кто теперь поведёт лошадей?

Гверн осмотрел упряжь.

- Я могу попробовать впрячь сюда свою лошадь и проводить вас до побережья. Я и сам направляюсь в порт. Если, конечно, вы не против, - осекся он, посмотрев на дам.

Те не только не возражали, но даже вздохнули с облегчением и радостью. Гверн уже запрыгнул на козлы и взял в руки поводья, как вдруг услышал справа от себя мелодичный голос.

- Эй, погодите!

Незаметно и неслышно Бьянка выскользнула из кареты и теперь стояла и смотрела снизу вверх на Гверна.

- Вы не можете мне? - обратилась она к Нольвену, давая понять, что его компания была бы ей приятна.

И, как только её желание было выполнено, добавила, оправдываясь:

- Даме моего статуса подобное непозволительно, но это куда веселее, чем слушать храп моей тётки, которая уже клюёт носом.

Лошади тронулись с места, и карета затряслась по неровной лесной тропе. Некоторое время ехали молча. С лица Бьянки не сходило смущение. Со стороны казалось, она обдумывала важный вопрос, но почему-то так и не решалась его задать. Неловкое молчание нарушил Гверн.

- Обещайте мне, что больше не будете путешествовать без должного сопровождения. Этот лес не так гостеприимен, как может показаться с первого взгляда.

Смотрящий на дорогу Гверн и не заметил, как зарделись щёки молодой леди, и как этот стеснительный румянец, подчёркиваемый огненным цветом волос, идеально шел её незагорелому лицу.

- А вы... - начала Бьянка, - вы военный?

- Я... - Гверн запнулся, подыскивая правильный ответ, - скорее никто, чем кто-то.

Бьянка задорно рассмеялась.

- Никто не станет носить дорогие одежды и драгоценные камни, - она покосилась на перстень Гверна, надетый поверх перчатки. - И уж тем более не будет так хорошо стрелять из лука.

- Дорогие одежды можно купить, - возразил Гверн, - перстень можно украсть, а стрелять из лука я люблю с детства. Знаете, на площадях есть такое развлечение: стоит у столба мальчишка с яблоком на голове, а в него целится лучник. И попадает точно в яблоко, рассекая его на две половинки, а не в голову мальчугану.

- Весьма жестокое развлечение, - заметила Бьянка.

Гверн кивнул и продолжил:

- Сначала я был таким мальчиком, а потом и стрелком. Выступал на базарных площадях вместе с другими бродячими артистами.

- Так вы актёр! - воскликнула Бьянка. - А я думала, служите.

- Могу быть и тем, и другим, - пожал плечами Гверн. - Какая разница, куда целиться: в яблоко или во врага?

- И всё же на бродячего актёра вы не похожи. Не стану отрицать, что вы им были. Но сейчас вы, вероятно, занимаете должность поважнее.

- Просто роль такая, - вяло улыбнулся Гверн. - Пьеса предполагает расшитые золотом декорации и дорогие костюмы, но скоро она закончится. Мне уже сегодня аплодировали.

- Слишком иносказательно, - покачала головой Бьянка.

- Но и вы не спешите рассказать о себе всё и тем более первому встречному.

- Вам действительно это так интересно?

- Нет, конечно, - с иронией в голосе ответил Гверн. - Мой интерес к вам - не более чем очередной спектакль. Мне вполне достаточно того, что я знаю ваше имя, и ваша тётка сейчас громко храпит, покачиваясь на мягких сидениях.

- А вы не только уличный шут, но ещё и хам. Остановите.

- Простите, - Гверн накрыл своей рукой руку Бьянки. - В последнее время я совершаю много ошибок. Простите хоть вы.

Бьянка молчала, но высвободить руку не решалась. Повернув голову в сторону, она смотрела в никуда. Ещё один рыжий локон выбился из копны волос, собранных на затылке, но на него никто не обратил внимания. Держа поводья в левой руке, Гверн уставился на широкую ленту дороги. Высокие деревья одно за другим проплывали мимо. Пение птиц то прекращалось, то начиналось снова. В воздухе запахло морем.

Вскоре лес расступился, и дорога пошла вдоль широких зелёно-жёлтых полей. Вдалеке виднелись деревянные дома, а за ними каменные стены Порты - морской сокровищницы юга Нолфорта.

Всё оставшееся время Бьянка не обменялась с Гверном ни словом, ни взглядом. Лишь изредка, устав от монотонных лесных пейзажей, косилась в сторону руки Нольвена, которую тот убрал с её ладони только тогда, когда дорога совсем испортилась и пошла колдобинами. И когда Порта была уже совсем рядом, девушка вернулась в карету: знатной даме не полагалось сидеть на козлах, пусть даже кучером был и не последний человек в провинции.

Время шло быстро, и вот уже колёса кареты загремели по вымощенной мостовой, а по сторонам замелькали приземистые каменные здания, таверны и лавки. Всё здесь дышало морем: на улице пахло выпотрошенной свежей рыбой; то тут, то там торговали крабами и украшениями из ракушек; и даже лавки, где продавались навигационные карты, встречались чаще, чем со свежеиспеченным хлебом.

Пожилая леди на секунду выглянула из окна кареты и прокричала что-то Гверну. Тот кивнул и повёл лошадей вправо, сворачивая с главной мостовой на тихую узкую улочку. Дома, стоявшие в строгую линию, были все похожи друг на друга: двухэтажные, из белого камня, с крохотными террасами на втором этаже. На одной из таких террас стоял пожилой мужчина. Немного сгорбленный, уже весь седой, но загорелый и опрятно одетый. Завидев в начале улицы экипаж, он поспешил вниз по лестнице к входной двери, чтобы как можно скорее распахнуть её и обнять долгожданных гостей.

Остановив лошадей, Гверн спрыгнул на землю, поправил закинутые за спину лук и колчан со стрелами и, открыв дверцу кареты, протянул дамам руку. Вначале вышла тётушка, за ней - её племянница. На несколько секунд дольше положенного Бьянка задержала пальцы в руке Гверна, но ему хватило и этого, чтобы даже сквозь перчатку прочувствовать её волнение, такое непонятное, но одновременно приятное. Но смущению не суждено было длиться долго. Двери дома распахнулись - разъярённым тигром старик выскочил на улицу и бросился на Нольвена.

- Ах ты, мерзавец! - злобно выплюнул старик, хватая Гверна за грудки и отталкивая от Бьянки. - Подлец! Сопляк! Как ты вообще посмел приблизиться к моему дому?

- Селрик, а ну прекрати! - с командным визгом наскочила на своего кузена пожилая леди. - Мы обязаны этому юноше жизнью, а ты ведёшь себя, как в дешёвом балагане!

- Это ему дорога в дешёвый балаган, а не в дом к приличным людям! - Старик отпустил не сопротивляющегося Гверна и смачно плюнул ему прямо в лицо. - Пусть убирается немедленно, иначе я разможу ему голову прямо здесь. И пусть лорд Стернс меня за это вздёрнет. Моё дело правое.

- Да успокойся ты!

Леди Рэей треснула кузена по шее веером и схватила под руку, чтобы тот ненароком ещё раз не налетел на Гверна.

- Прощу прощения... - начала она, но была бесцеремонно перебита Нольвеном.

- Моё почтение, дамы, командир Вайкат, - Гверн вытер плевок со щеки и слегка поклонился. - Боюсь, я сильно задержался. Мне нужно идти.

И, развернувшись, быстрыми шагами пошёл в сторону главной улицы, что вела в порт.

- Иди-иди! - прокричал ему вслед Селрик. - И не смей больше попадаться мне на глаза, щенок!

- Объясните же, наконец, - взмолилась Бьянка. - Чем этот юноша вас так разозлил?

- Ярмарочный весельчак, - продолжал сотрясать воздух старик. - Это из-за него я лишился всего! Своих бравых солдат, военной славы, чести, в конце концов. Меня, как плешивую собаку, выкинули на улицу, а на моё место поставили этого выскочку.

- Вы хотите сказать?.. - изумилась Бьянка.

- Именно это и хочу сказать, моя девочка. Этот сопляк - новый советник и правая рука лорда Стернса. Это ему я обязан своим нынешним прозябанием здесь. У него ещё молоко на губах не обсохло, а ему уже доверили дела королевства! А я... я... ушёл с позором!

- Не кипятись, - охладила кузена леди Рэей. - Пойдем-ка лучше в дом, там и потолкуем. А то распугал всех ворон в округе своим воплем.

Бьянка ещё долго стояла на улице. Смотрела туда, где среди шумной толпы растворился Гверн. Повозки, люди шли нескончаемым потоком в обе стороны, но Нольвена нигде не было видно. Обречённо вздохнув, Бьянка развернулась и направилась к дверям, за которыми уже скрылись тетушка и её до сих пор негодующий кузен. Но у самого входа Бьянка опять остановилась и поднесла к лицу руку, почти всю дорогу находившуюся в объятиях Гверна. Тоненькая ажурная перчатка впитала его запах - запах выдубленной кожи, тисового лука, стали и даже морской соли, коей и так в воздухе было предостаточно. Рассеянно улыбнувшись, Бьянка вошла в дом и тихонько притворила за собой дверь.

Глава 10. В щепки

Ветер набирал силу, наполняя собой большой белый парус. Лодка пошла ощутимо быстрее. За ненадобностью вёсла были отложены, и лучники с нескрываемым удовольствием потирали покрытые мозолями руки.

Рики поёжилась, заворочалась, попробовала вытянуть ногу, но тут же упёрлась коленкой во что-то деревянное. Всё тело затекло и неприятно ныло, будто уже несколько часов она лежала, не двигаясь, на чем-то твёрдом и холодном. Кое-как разлепив глаза, девушка неуверенно заморгала и вздрогнула. Лодку резко качнуло, а доски прямо над головой прогнулись – кто-то шумно бухнулся на скамью.

– Где я? – еле слышно прошептала Рики самой себе и поморщила нос.

Сверху, со скамьи, сильно несло настойкой из шишек, а ещё доносились голоса – незнакомые и на ветру осипшие.

– Очнулась? – гоготнули совсем рядом, и Рики развернулась.

Перед ней на корточках сидел Рин, ухмылялся и держал в жилистых руках тёплый плащ и шляпу с длинными полями.

– Хочешь, согрею? – вкрадчиво спросил юноша и снова хмыкнул.

Рики осторожно повертела головой по сторонам и уже чётче повторила:

– Где я?

– Там, где и должна быть! Во главе личной охраны самого лорда Стернса, – съязвил Рин и прыснул со смеху. – Вот и узнаем сейчас, выиграл я спор или нет.

– Ну и скотина ты, – змеей зашипела девушка, выхватывая их рук паренька шляпу и спешно напяливая её себе на голову.

– Да понял я, понял, что спор за мной. А ты будь со мной поласковой, страшилка, – приторно-сладким голосом запел Рин, – не то возьму и выдам Далену твою тайну про побег в Торренхолл.

Негодование захлестнуло Рики.

– Только посмей это сделать, – девушка упёрлась рукой в грудь Рина, пытаясь отодвинуть его от себя и выбраться из своего убежища. – Я тогда...

– И чем ты ответишь? – нахально скалясь, промурлыкал юноша. – Бросишься от стыда в море или мне, наконец, отдашься? Хотя куда тебе в постель-то? Тощая и кривоногая. Как бы червей в казармах не нахваталась.

Рики злобно прищурилась.

– Черви у тебя, недоумок!

– Э-э, – протянул Рин, повышая голос, – выбирай слова!

– Чего вы тут делаете? – со скамьи свесился молодой лучник. Самый юный из пятёрки воинов, отправившихся на остров. Песочного цвета волосы, серо-зелёные глаза и добрая, неиспорченная злобой войны, улыбка. Его звали Сэм, и это было его первое лето в строю солдат Торренхолла.

– Ты чего мурашками покрылся? – сочувственно выдал Сэм, глядя, как Рики потирает руками плечи.
– На вот, выпей. Мигом проберёт.

И сунул ей в руку флягу с настойкой женушки Коногана.

– Эй, куда столько заглотнул-то, идиот? – со смехом прикрикнул Сэм, глядя, как Рики схватила флягу и быстро сделала несколько жадных глотков.

Горячая жидкость огнём прошла по телу, согревая каждую его частичку вплоть до кончиков пальцев ног. От горьковато-сладкого привкуса Рики закашлялась и от страха, что её сейчас неловко вырвет прямо на сапог Сэма, перегнулась через борт лодки.

– Ты это... давай полегче, – покачал головой лучник, забирая флягу назад.

– Иди-иди отсюда, – внезапно зашипел на него Рин и, склонившись над побледневшей девушкой, едва слышно прошептал: – Детка, ты в порядке?

- Он ушёл? - услышал Рин в ответ.

- Да. Свалил уже. Твой братец сейчас запряжёт его вязать узлы.

Рики повернула голову, и Рину на мгновение показалось, что он тонет в её глазах цвета моря. Будто вернулся на год назад, когда ходил по деревне павлином от того, что на празднике рыбы прыгал через костёр вместе с сестрой помощника старосты. Неважно, что девица внешнею не вышла: роста невысокого, милых мужскому взгляду форм и в помине не видать, а как штаны напялит, от Дени и остальных деревенских шалопаев вообще не отличить. Но всё же сестра Далена... второго человека в деревне... Тут было, над чем поразмыслить и где разгуляться. А ещё сердце взяло в привычку обливаться злостью, стоило лишь вспомнить о том, как девчонка вдруг удумала подхватить глупый спор, о котором Рин потом долго и скрытно ото всех жалел, бросить всё и умчаться в Торренхолл, и никто её не остановил и не вернул обратно.

- Держи шляпу крепче, - отводя взгляд в сторону, пробурчал Рин. - Неровен час, сдует её, и прощай твой секрет. А так, может, Дален и не заметит. Со спины ты - вылитый Дени.

Рин бросил тёплый плащ в руки Рики, ловко перепрыгнул через сложенные весла и окрикнул Далена.

- Эй! Чем подсобить?

Трясущимися от холода руками Рики развернула плащ, закуталась в тёплую ткань и села на скамью. Посмотрела вслед Рину: коренастый, невысокого роста, задиристый и грубый. Как большинство юношей из деревни, кроме, пожалуй, Далена. Дален был не такой. Море закалило его характер, но не сделало чёрствым. Из-за частых ветров вкупе с солёным морским воздухом огрубела кожа, но не душа. А Рин... Рин был обычным. Таким же, как и остальные деревенские рыбаки, чей возраст едва перевалил за шестнадцать, а молодая кровь бурлила и жаждала любовных походов. Но дальше всё было предсказуемо. Сначала бурная страсть, которая продлится от силы несколько месяцев, потом привыкание, потом серые скучные будни, в которые Рики будет чистить рыбу и варить картошку, а этот самый Рин или кто другой и с другим именем, уедет в город на базар продавать рыбу, а после завалится в кабак с друзьями да пиво тянуть будет. Разве такого унылого зрелища хотели её глаза цвета моря? В ответ на свои же мысли Рики пожал плечами и отвела от Рина взгляд.

Облака на небе уступили место тяжёлым тучам. Начал накрапывать дождь. Не сильный, но от того и противный. Ветер колыхал парус. Лодка одичало рыскала по волнам. Дален и Рин подбирали спущенные шкоты, чтобы заставить парус работать и не отклониться от курса. Ледяные порывы ветра, словно щупальца, трепали волосы, заползали под воротник одежды, лупили прямо по лицу, вызывая слёзы на глазах, которые тут же перемешивались с каплями солёных морских брызг.

- Держи! Держи! - кричал Рину Дален, натягивая со своей стороны ранее приспущенный шкот.

Парус подхватил ветер и «задышал», продолжая чуть вздрагивать. От силы бокового ветра лодка резко качнулась и накренилась. Столь неожиданно, что Рики охнула и, потеряв равновесие, повалилась со скамьи. Руки только и успели что схватиться за полы шляпы, чтобы удержать её на голове и не дать ершистым соломенным прядям вылезти наружу.

- Сильный крен! - Дален пытался перекричать ветер. - На другой борт всем!

Один за другим лучники рванули на противоположную сторону, выравнивая весом лодку на волнах. Особо смысленные перекатили к себе ещё и бочки с пресной водой, чтобы противовес ветру был сильнее.

Осторожно, почти ползком, стараясь не высовываться из-под досок-скамей, чтобы ненароком не попасть под ветер, Рики пробиралась в безопасное укрытие. Но уткнувшись лбом во что-то твёрдое, она осторожно приподняла шляпу и осмотрелась.

Прямо у носа была здоровенная, тщательно просмоленная бочка, от которой тянуло не только смолой, но и землёй - столь непривычный запах в море. И не только землёй, но и дублёной кожей, и даже конским навозом.

От переизбытка терпких «ароматов» Рики чуть не задохнулась и резко приподнялась на руках, чтобы глотнуть свежего воздуха. Перебить запахи, однако, не удалось. Вместо морской прохлады девушка угодила лицом прямо в их источник: кожаный сапог, каблук которого устойчиво опирался на бочку, а нос был чуть приподнят вверх, будто сам жаждал воздуха, спасаясь от навозного благовония.

- Весьма занимательный способ высказать мне своё почтение, - раздался голос сверху.

По телу Рики пошла лёгкая дрожь. Она узнала бы этот голос из тысячи других, даже перебиваемый

гудящим ветром или ослабленный на морозе. Не решаясь поднять глаза, она так и продолжала стоять на четвереньках, понуро уткнувшись носом в каблук дорогого сапога и умоляя всевышнего сохранить её тайну. Но боги услышали по-другому.

Сильная рука обладателя голоса и по совместительству сапога, не принимая никаких возражений Рики, что вопили внутри неё со всей силы, потянулась к шляпе и сдернула её. Короткие волосы озорными брызгами прыгнули вверх и, не найдя укрытия, опали назад, рассыпаясь по сторонам медовым сеном, словно выпавшим из телеги задремавшего возницы.

Неловкое молчание длилось недолго, но прежде, чем оно было нарушено, Рики увидела перед собой одетую в перчатку руку с перстнем поверх, в центре которого сверкал великолепно огранённый рубин. Замешкавшись, то ли к руке полагается припасть губами, то ли опереться на неё, Рики выбрала последнее и робко прикоснулась к ней своей ладонью. В тот же миг рука крепко сжала ладонь девушки и рывком потянула вверх. Рики встала. Отстранившись от крепкой опоры, осмелилась поднять глаза и посмотреть на того, кто стал виновником её разоблачения.

Стернс сидел, не двигаясь, оперевшись ногой всё в ту же бочку и с нескрываемым любопытством изучал девушку. Собравшиеся поодаль в кучку лучники тоже разглядывали Рики, словно диковинку, и перешёптывались между собой.

- А теперь потрудитесь объяснить мне, юное создание, каким образом вы тут оказались? - поинтересовался Гайлард, и непонятно было, как звучал его голос: то ли устало, то ли раздраженно.

- Работай на шкотах, - крикнул Дален Рину, закрепил свой и в несколько прыжков оказался около сестры.

- Прошу прощения, сир... милорд, - путаясь в словах, начал он, задвигая Рики за спину. - Мне надо было сразу всё объяснить. Эта девушка - моя сестра и...

- И? - Гай удивленно изогнул брови.

- ...и лучшая ныряльщица на побережье, - собравшись с духом, соврал Дален.

- Вот как, - Гай смотрел на Далена, прищурился.

- Да, - волнительно сглотнул Дален, - она и Рин. Прямо живут под водой.

- Про Рина я слышан. Если это тот самый Рин, который излазил весь Вороний остров, хоть это и не наши земли.

- Тот самый, милорд.

- Тогда как не Рину лучше всего знать, долго ли нам ещё дрожать на ветру в открытом море?

- Боковой ветер, милорд. Мы стараемся идти так быстро, как можем. При хорошей погоде Рин доходил до острова до заката. И мы должны успеть.

- Если торчать здесь и объясняться за сестру, то мы и к рассвету не доберёмся.

- Прошу простить меня, милорд, - Дален сделал шаг в сторону паруса. - Я просто хотел сказать...

- Сказано уже достаточно, - Стернс грубо оборвал Далена на полуслове, - хорошо бы делом заняться.

- Ты чего такого наговорил? - взволнованно зашептала Рики в спину брату прежде, чем тот успел вернуться к противостоящему стихии Рину. - Какая я тебе ныряльщица?

- А к чему этот маскарад? - в ответ злобно зашипел Дален и завертел головой по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

- Спроси у Рина, - буркнула Рики.

- Тебе бы обвинить кого угодно, только не себя. Ты понимаешь, во что это может вылиться, если лорд Стернс узнает?

Рики молчала, насупившись.

- Надоели твои выходки, - продолжал Дален. - Надоели витания в облаках. Вернёмся на берег - ты выйдешь замуж, и на этом всё.

Глаза Рики сверкнули гневом.

- Только посмей выдать меня за кого-то из этих оболдуев!

- Ещё как посмею. Тем более, что нашёлся тот, кто согласен терпеть твой характер.

Во взгляде Рики читался неподдельный вопрос.

- Ты смотрела, что привезла мне? Кто такой Швидоу, и почему он просит твоей руки?

- Что? - протянула Рики, и её худенькое личико вытянулось от удивления, а ладони сжались в маленькие кулачки.

- Быстро твоя карьера нашла себе цель. Так кто он таков?

- Мой командир, - злобно выплюнула Рики и мертвецкой хваткой вцепилась в руку брата. - Ты не посмеешь согласиться.

Ответа не последовало - Дален отодвинулся от подрагивающей не то от холода, не то от волнения сестры и вернулся к Рину.

- Что там? - спросил он, немного вытравив шкот.

- Ветер начинает стихать, - только и было сказано.

Разгулявшаяся стихия начинала сходить на нет. Ветер действительно ослаб, облегчая работу Далену и Рину, но небо продолжало кутаться в угрюмые серые тучи, от которых веяло лишь сыростью. Тучи были так низко, что, казалось, они вот-вот упадут и вдавят хрупкую лодку на морское дно. Солнце окончательно затерялось среди чёрного свинца - наступил безрадостный пасмурный вечер. Дален скомандовал сестр за весла.

Наблюдая, как стражники разошлись по местам, Рики осмотрела свои, все в занозах, руки. Девушка знала, что за спиной тихо шептались, и легко догадывалась, о чём. Точнее, о ком. Хотя деталей не слышала, но Сэм пару раз подмигнул ей и покрутил пальцем у виска.

Дален и Рин были заняты парусом, а Стернс - тихой беседой с Дагормом. Но сидящая к Гайларду спиной Рики чувствовала, как время от времени он смотрит через плечо старика на неё.

Девушка поёжилась. На этот раз не от холода, а от страха. Закрыла глаза и представила, как прыгает в глубь моря. Ей не продержаться под водой и минуты. Ложь Далена будет раскрыта. А что если взять и прямо сейчас, прямо в ту же секунду, объяснить милорду истинную причину маскарада? Пусть это будет путано и глупо, но это будет правда. Попросить его помочь и избавиться от вызывающего отвращения Швидоу, взять к себе и обучить? И в ответ он получит верного слугу. Пусть и девушку, но преданную и храбрую сердцем.

Рики представила, как она всё это будет объяснять, и ей стало смешно. Она и сама бы себе не поверила, что уж говорить о Стернсе. А ещё она вдруг осознала, что пальцы на руках у неё просто ледяные. Ледяные от одного только предположения, что может сулить их семье буравящий спину властный взгляд хозяина юга. Взгляд, которым пристально изучали, будто пытались вытащить наружу правду, а затем ликовать от раскрытия фальши. Один неверный шаг, и этот взгляд прихлопнет Рики как муху, раздражающую жужжанием по утру. И как после таких предчувствий обнажать правду? Или Рики преувеличивала, и взгляд был другим? Слегка повернув голову вправо, сделав вид, что ей интересны шумящие за бортом волны, она покосилась в сторону Стернса и... покраснела ярче самого спелого помидора.

Гайлард сидел всё в той же позе, разве только теперь другая нога упиралась каблуком сапога в бочку. Слегка склонил голову и слушал Дагорма. А глаза смотрели прямо в лицо Рики. Пристально и без эмоций. Смутившись, сама не зная почему, девушка поспешила отвести взгляд. А Гай смотрел всё так же. Лишь спустя некоторое время перевёл взгляд на стоявшего перед ним старика и негромким голосом что-то спросил.

Ветер и вовсе стих, и всё вокруг накрыло сырым туманом.

- Берег скоро, - вымолвил Рин, вглядываясь в туманную гущу.

- Хорошо бы дойти к темноте, - ответил Дален.

- Чёрт меня дери, раньше в эти часы я там уже крабов на костре жарил.

- Хочешь сказать, мы сбились с пути?

Рин почесал переносицу.

- Не должны. Но я в упор не могу понять, где остров. Должен быть совсем близко, а его всё нет и

нет.

- В таком тумане мы можем долго плутать, - протянул Дален.

Рин молчал, лишь пытался высмотреть впереди хоть что-то, отдалённо напоминающее землю. Ветер опять налетел, немного поколебав белую дымку, затем опять стих, и та вновь встала плотной стеной. Рин поёжился и подобрал шкоты.

- Зачем? - спросил Дален. - Я бы не стал этого делать. Видимость плохая, лучше идти медленнее. Мало ли, какая напасть...

- Да что может быть? - пожал плечами Рин. - Ну, носом песчаный берег прорежем... А это что за хрень?!

Дален повернул голову в сторону, куда указывал пальцем Рин, и кровь застыла в его жилах. Густая дымка расступилась под очередным напором ветра, и из белой пелены невозмутимыми стражами выступили чёрно-синие скалы: безмолвные и холодные, как лёд, и острые, будто клыки хищного зверя. Своими вершинами, похожими на заострённые шпильи, они дырявили низкое небо, а зазубренными боками готовились раскромсать летевшую прямо на них лодку и не оставить от неё ни щепки.

- Скалы! - завопил Рин со всей силы. - Всем в море!

Сердце Рики застучало быстро-быстро, а ноги вмиг стали ватными и не смогли сделать ни шага.

- Быстрее! - вопль Рина повторился. - В море!

И Рики увидела, как одной рукой Рин схватил ближайшего к нему лучника, всего белого от страха, и швырнул того за борт. Паренёк ушёл с головой в воду, но тут же вынырнул, отплёвываясь. В то же мгновение Рики почувствовала, как сильные руки обхватили её и крепко прижали к себе. Ещё секунда, и голову накрыла обжигающая холодом морская вода. А где-то там, наверху, раздался оглушительный треск, а затем и громкое чавканье голодных волн, заглатывающих долгожданные трофеи.

Захлёбываясь, Рики отчаянно брыкалась руками и ногами, цепляясь за жизнь и пытаясь выкарабкаться на воздух. Наконец, будучи вытолкнутой на поверхность, она жадно вдохнула, открыла глаза и повернула голову. Рядом был Дален. Одной рукой он крепко держал сестру, другой - ухватился за деревянную доску, коих вокруг плавало навалом.

- Держись за меня, - только и услышала девушка шёпот, теплее которого сейчас не было ничего.

И Рики держалась. Так крепко, как никогда.

Разгоняя перед собой обломки лодки, Дален плыл к берегу. Чем ближе, тем больше ноги цеплялись за подводные камни, хоть и точёные водой, но жаждущие распороть всё живое, неосторожно попавшее в их ловушки.

Вытащив сестру на холодный и сырой песок, Дален расцепил её заиндевевшие пальцы и растёр их в своих руках. Тёплая волна побежала от кончиков пальцев по всему телу. Рики выдохнула и вытащила руки из ладоней брата.

- Дальше я могу сама.

- Сиди пока здесь. И никуда с этого места, поняла?

Рики покорно кивнула и обессиленная упала на песок. Тело отказывалось слушаться, дыхание было сбивчивым, а перед глазами так и стояли безмолвными палачами чёрно-синие скалы, разрубившие лодку на мелкие кусочки. Рики приподняла голову. Там, чуть поодаль, в море, раздавались голоса. Дален, Рин, ещё кто-то... Она не запомнила всех имён, но сердце согревала мысль о том, что все выжили.

Море продолжало шуметь, а волны - разбиваться о прибрежные скалы. Налетая на них со всей силой, они затем теряли свою дикую прыть и доползали до берега покорными и смиренными. Дождь продолжал накрапывать, размывая песок и превращая его в противную вязкую жижу, пристающую к ногам и одежде.

Оттолкнувшись руками от земли, Рики приподнялась. Волосы слиплись и висели сосульками, лицо было грязным, а одежда - местами надорванной. Девушка сидела на берегу, вдали от остальных. Одинокая, дрожащая и плачущая.

Совсем рядом послышались шаги. Тяжёлые, вязкие. Хлюпая носом, Рики повернула голову на шум и увидела Стернса, выбравшегося из воды. Рукав дублета на левой руке был разорван, по шее текла

тоненькая струйка крови, окрашивая ворот одежд в красный цвет. Сделав ещё пару шагов вдоль берега, Гайлард осел на песок и закрыл глаза.

Ползком на четвереньках Рики приблизилась к Стернсу и потрясла его за рукав.

- Милорд... милорд, вы меня слышите?

Гай с трудом на неё посмотрел и закашлялся.

- Я в порядке, - выдавил он хриплым голосом и поднёс руку к шее, вытирая кровь. - Где Дагорм?

Рики подняла голову, ища глазами старика. В той стороне, где столпились скалы, Рин и Дален с головой уходили в разгневанное море, а после выныривали, доставая со дна всё, что уцелело и что они были способны разглядеть. Несколько бочек уже было выужено и свалено на песок. Серый парус расправленной простыней качался на волнах, прибившись к берегу. Суевившийся неподалёку Дагорм длинной палкой подцепил парусину и аккуратно притянул к себе, вытаскивая.

- Пригодится, - прошамкал он и указательным пальцем поманил из воды Далена.

Весь мокрый и взъерошенный, тот, казалось, не чувствовал слабости в ногах и руках, готов был нырять даже в кромешной тьме, пока не покинут силы или не собьётся дыхание.

- Найти бы укрытие, пока окончательно не стемнело, - начал старик. - Разведём огонь и высушим одежды...

- Рин знает здесь одну пещеру. Ночевал там раньше. Я позову его. Он отведёт.

- А вы что же, молодой человек? Так и будете тут мокнуть?

Дален стёр со лба солёные капли.

- Я не нашёл ещё одного лучника. Такого невысокого. Не помню, как звали. Буду искать до последнего.

Дагорм пристально посмотрел на рыбака и понимающе кивнул, не сказав ни слова.

Из воды выполз тяжело дышащий Рин и плюхнулся на песок.

- Срань полная, - только и смог выродить он, оглядывая берег округлившимися глазами, полными удивления, смешанного со страхом.

- Чего там? - спросил Дален.

- Говорю ж, полнейшая срань. Где мы?

- Вороний остров. Нет?

- Да вроде так и есть, - всё еще озираясь по сторонам, промычал паренёк. - Вон и гора в центре острова. И вороньи гнезда на месте. Но эти скалы...

- Ты раньше не мог предупредить о них? - взъелся Дален.

Рин развернулся и начал взволнованно оправдываться:

- Это всё настойка женушки Коногана виновата. Ты меня знаешь - я не пью. И скал этих не было. А сегодня взорвался, тяпнул, и на тебе. Скалы выросли!

- Тьфу! - сплюнул Дален.

- Ты мне как родной, дружище. Я тебе всю правду выложу. Это всё твоя сестра виновата. Довела меня. Не удержался я. Выпил. А настойка, клянусь, колдовская. Иначе откуда бы эти скалы взялись?

- Болван, - только и выдохнул Дален, - при чём тут скалы, Рики и настойка из шишек?

- Так ведь ещё две недели назад не было их, - прищурил глаза Рин.

- Что ты сказал? - встрял в разговор Дагорм, до той минуты, затаив дыхание, слушавший двух рыбаков и внимавший каждому слову Рина.

- Я не вру, - Рин повернул голову к старику, словно искал у того поддержку. - Сколько раз сюда с Дени плавали, ни разу на эти зубы не натыкались. Всё тишь да гладь.

- Может, с другого берега заходили?

Рин пожал плечами.

- Может. Утром встану, обойду весь остров, осмотрю.

- Странно это всё, очень странно... - озабоченно покачал головой старик. - Пойдем-ка, юноша. По дороге к пещере расскажешь мне всё подробно.

- Забери мою сестру! - крикнул вслед Рину Дален.

- А ты? - ответом ему был такой же крик.

- Поищу того паренька. Может, у скал где лежит.

- С ума сошёл! Тебя волной к скале прибьёт, и мозги наружу.

- Не прибьёт, - Дален сплюнул солёной водой и развернулся обратно в сторону моря.

На остров спустилась ночь, а из-за туч показался яркий диск луны. В его свете скалы казались еще более зловещими. Словно зубы в пасти хищного зверя, они готовы были вот-вот захлопнуться и зажать свою жертву, перемолов её на мелкие кусочки.

Берег опустел. Заваленный обломками лодки, он ярко блестел в одиноком свете луны. Море продолжало волноваться и пениться, стараясь внушить страх в своего единственного ночного гостя, который, как одержимый, не сводил глаз с тёмной морской воды, пытаясь найти Сэма... возможно, живого, но скорее уже мёртвого.

Глава 11. Золотые оковы

Пещера, ранее изведанная Рином, оказалась подходящим местом, чтобы укрыться от непогоды и переждать холодную ночь: пол выстелен сухой травой, словно к приёму гостей готовились заранее и предусмотрели необходимые мелочи; имелось и местечко для разведения костра и даже было обложено камнями; да и сухие ветки хранились неподалеку, что оказалось так кстати промозглой дождливой ночью.

Треск поленьев и горячий отвар, приготовленный Дагормом из корней и листьев, собранных по пути к укрытию, сделал своё дело. Измотанные, уставшие, но согретые костром и тёплым напитком, стражники и моряки быстро задремали. Лишь Стернс, глотнув из общей фляги, скривился и выплюнул всё на землю. Заснул ли он сразу или ещё долго сидел, слушая завывание ветра и шум дождя, Дален не знал. Но когда открыл глаза, то и Стернс, и все остальные спали ровным спокойным сном. Даже Рин, клявшийся рано утром оббежать остров, размеренно храпел в дальнем углу пещеры.

Дален тихо поднялся и вышел.

Утро выдалось прохладное и туманное. Море угомонилось после ночного разгула, и теперь волны покорно лизали выпирающие острыми пиками скалы. Влажный песок был вдоль и поперёк исчерчен следами птиц: тощих, голодных, слетевшихся на берег, чтобы поживиться тем, что принесла им ночная стихия.

Всё вокруг было завалено обломками лодки. И волны продолжали выкидывать на песок новые мелкие щепки, тряпичные обрывки и даже выбросили шляпу, ещё вчера покрывавшую голову Рики. Сейчас же под шляпу забралась облезлая ворона и сидела там, нахмурившись и стреляя по сторонам глазами-бусинками. Дален обернулся и кинул взгляд на гору, что послужила всем убежищем ночью: чёрную, высокую, всю облепленную вороньими гнездами. Жуткое карканье раздавалось то с одной стороны, то с другой. Порой зловещее, порой тоскливое.

Ногам было тяжело. Одеты в плотные сапоги, они увязали в сыром песке, и каждый шаг делался с трудом. Остановившись, Дален разулся и отбросил сапоги к деревянным обломкам. Глубоко вдохнул, достал из кармана на поясе медную монетку и подкинул. Медяк решил, что начать следует с правой стороны острова.

Холодный песок знакомо покалывал ступни. Туман начинал рассеиваться, а воздух прогреваться. На смену рассветной тишине приходил ветреное утро.

Меняя направление, хитрый ветер то и дело стремился поиздеваться над Даленом: раздражал глаза до слёз; забирался под тунику и щекотал спину; взьерошивал тёмно-каштановые волосы, грозя запутать их и наполнить песчинками, смешанными с морской солью. Ответом на его угрозы было лишь учащенное дыхание Далена и быстрый стук его сердца. Пробежав несколько миль, он остановился, выдохнул и опустился на раскоряченное бревно, непонятно кем и когда вынесенное из непроходимых лесных зарослей на берег.

Скалы остались позади. Шурша мелкой галькой, волны робко накатывали на берег и отступали обратно. Остров был невелик. Чуть вытянутый, обнесённый наполовину чёрно-синими скалами, он в своей середине представлял жуткое скопление непроходимых джунглей сочно-зелёного цвета: необычная смена растительности для пути на простой лодке всего в один световой день. За этой плотной стеной бурлила своя жизнь. Змеи – длинные, толстые, пятнистые, сливающиеся со стволами деревьев – свисали с веток и лиан и прятались под камнями, поджидая жертву. Раз ступив в их владения, Дален тут же отпрыгнул обратно. Нужен был хороший меч, чтобы рубить толстые заросли и бошки голодных рептилий, уже открывших пасть и высунувших длинные язычки, чтобы прочувствовать новое тёплое лакомство на вкус.

Немного передохнув, Дален опять пустился бежать. Песок уже прогрелся и начинал покусывать голые ступни. Пришлось прыгнуть в море и двигаться по линии волн, которые ласкались, словно верный пёс, о ноги моряка.

Дален любил море. Он дышал им, жил им, засыпал и видел во сне волны и ровный горизонт. А просыпаясь, тут же шёл к нему: то кроткому, то беспокойному. Эту любовь привил ему отец. Сухопарый, невысокого роста, с впалыми глазами, он мало разговаривал, а только часами возился с рыбацкой лодкой и снастями. Как-то давно он сказал Далену, что тот родился в море, у дальних серых скал. Мальчонка лишь рассмеялся, но с годами поверил, ведь никому не подвластная стихия продолжала влечь его и не отпускала от себя.

Из-за поворота вновь выглянули скалистые стражи. Круг завершался, и Дален приближался к месту ночного крушения. Замедлив бег, перешёл на шаг, опустил голову и рассматривал песок, будто надеялся найти нечто, что могло ускользнуть от его глаз в утреннем тумане.

- Вот ты где! - окликнул его старческий голос.

Дален вздрогнул, поднял голову и увидел перед собой скрюченного Дагорма со свежевыловленным крабом в руке.

- Мы не нашли тебя утром рядом с нами. Волновались.

- Нужно было осмотреть остров. Я решил сделать это сразу с рассветом.

Дагорм одобрительно кивнул.

- И как?

- Тишь да змеи кругом, - развёл руками Дален. - И паренька того никак не сыщу. Буду смотреть под водой у скал чуть позже.

- Если и найдёшь, то скорее уже мёртвого, - глядя в никуда, прошамкал Дагорм.

Оба замолчали и смотрели на море, слушая его ровный шум.

- Да, - вдруг опомнился старик, - лорд Стернс ищет тебя. Он собирается вместе с охраной исследовать остров, а твоих ребят уже отправил в море. Его любопытство неутолимо. Так и хочет отыскать жемчуг поценнее и покрупнее.

- И Рики в море? - встрепенулся Дален.

- Рики? - переспросил Дагорм.

- Моя сестра.

- Ах, та милая девчушка. Должна быть там.

И Дагорм посмотрел на деревенского рыбака. А тот уже и не слушал. Схватив с песка сапоги, он бросился бежать в сторону скал, откуда доносились голоса. Старик лишь покачал головой ему вслед и проворчал:

- На месте милорда я б лучше половил крабов, чем жемчуг. Горячий сытный обед скоро понадобится всем, а о нём никто не думает.

С этими словами Дагорм скрючился и мелко засеменял по песку. Подняв с земли длинную палку, он крепко сжал её в руке и, замахнувшись, оглушил затаившегося неподалёку краба. Довольно хмыкнув, Дагорм поднял добычу и медленно зашаркал дальше.

Вода была мутной. Подводные течения взбунтовались и оспаривали первенство друг у друга, поднимая с морского дна ил. Длинные водоросли вязались в причудливые узлы и ловили Рина за пятки. Недовольно замотав головой, он высвободил ногу из скользких зелёно-голубых пут и рванул к поверхности воды. Высунув голову, он тут же громко фыркнул и жадно вдохнул бывший уже на исходе воздух. Громко шлёпая и разбрызгивая повсюду воду, Рин выкарабкался на берег и упал на песок.

- Чтоб меня... - только и хватило его что на эти слова, - бр-р.

- Что-то нашёл?

Голос Стернса своей хрипотой резал слух. Рин скривился, успев при этом опустить голову, чтобы не показывать раздражения.

- Ничего. - Косая ухмылка сошла с лица, и Рин начал наклонять голову то вправо, то влево, вытряхивая воду из ушей. - Дно другое.

- Что значит «дно другое»?

Подняв глаза на Стернса, Рин сглотнул и зачистил:

- Я не дурак, ваша милость, клянусь, не дурак. И не пил. Но говорю вам, дно другое. То, что раньше... где раньше... ну, где раньше раковин полно было... Так оно в кораллах всё было. А это сплошное болото в цвету. И песок. Ни одной жемчужины. Вот, хотите карманы проверяйте!

С этими словами Рин вывернул наружу карманы штанов и мешочек для сбора жемчуга, прикреплённый к поясу.

- Попробуй ещё раз, - твёрдо произнес Гай. - Дно не может взять и измениться за пару дней.

- Всяко не может, - поддакнул Рин, - но если бы только дно...

Рину не дали договорить.

- Где Рики? - услышал он шёпот над самым ухом.

Лениво повернув голову на голос, увидел перед собой взволнованное лицо Далена и подмигнул, еле заметно кивнув в сторону горы и джунглей.

- Продолжайте нырять. Ты и та девчонка, - холодно распорядился Стернс. - Кстати, где она?

- Рыщет под водой вон у тех скал, - махнул рукой Рин. - А я сейчас передохну и попробую удачу на другом конце острова.

Гайлард одобрительно кивнул.

- Нужно осмотреть весь остров. Я должен знать об этом месте всё.

- Я уже оббежал его утром, милорд. - Дален выпрямился и шагнул к Стернсу. - Ничего примечательного. На том берегу за горой вообще пустота, даже скал нет.

- А сама гора? - нетерпеливо перебил рыбака Гай. - Её осмотрели?

- Не успели, милорд.

- Возьмём всех людей, прочешем заросли и подножие горы. Сколько сможем до заката солнца. Этот остров не может быть пуст.

А остров и не был пуст. За плотной стеной разросшихся деревьев, перевитых лианами, кипела своя жизнь. Сюда не вмешивался ветер - он носился лишь поверху, не проникая в глубь зарослей; здесь не кучковались облезлые вороны, облепившие гору и береговую линию; тут не было слышно даже шума волн - только тихое монотонное шуршание и переклик пестрокрылых птиц.

Стараясь вторить убаюкивающей тишине джунглей, Рики тихонько переминалась с ноги на ногу. Рин вовремя толкнул её в сочно-зелёные дебри. А сам соврал, что она уже под водой. Вцепившись руками в широкий ствол высоченного дерева, девушка стояла на месте, прислушиваясь к звукам с берега и ожидая, когда тот опустеет и можно будет выбраться из убежища. Но полоса вдоль моря всё не пустела. И Рин опять ушёл на глубину. Боясь быть увиденной, Рики тихонько ступила в глубь леса.

Сочные, мясистые, полные влаги и мякоти, растения расступались перед девушкой, заманивая её в своё логово. Лианы, свисая с деревьев, путались в волосах, играя с ними и ненароком завязывая в мелкие узелки. Рики уходила всё дальше и уже было заплутала, как вдруг услышала голоса. Спрятавшись за большими крыльями яркого жёлтого цветка, она затаила дыхание и прислушалась. То были лучники, но среди голосов она узнала Далена. Шли к подножию горы. Хорошо. Значит, можно потихоньку возвращаться на берег и дожидаться всех там, делая вид, что от проведённого времени под водой дыхание сбилось, а раковины с жемчугом так на глаза и не попались. Или Рин поделится добычей? Рики поёжилась. Если и поделится, то заломит такую цену, что после лучше и не жить. Он уже обдал девушку таким жарким дыханием утром, что та мигом открыла глаза и подскочила.

Показное враньё было раскрыто; спор проигран. Никто она Стернсу: никем была, никем и останется - нечего было завираться. Рин выбрал верный, хоть и рискованный, способ узнать правду, причём в кратчайшие сроки. Уже и про должок намекнул; скоро потребует. Такие, как Рин, своего не упустят.

Рики наморщила лоб, усиленно думая. Если так всё сложилось, почему бы не попробовать объяснить с лордом? Когда ещё предвидится возможность быть так близко к нему? Он всё поймёт... должен понять. Глядишь, и согласится взять к себе. А если нет? Если разозлится? Мало ли чего удумала неказистая деревенская дуреха; заодно и Далену враньё припомнит. Тогда как ещё отделаться от Рина? И Рики решила. Теперь оставалось только урвать подходящий момент: тот, возможно, единственный во всей жизни миг, когда можно будет подступиться к Стернсу и, зажмурив глаза от страха и моля богов о пощаде, объяснить с ним.

Но если всё, о чём мечтала Рики, было сейчас неизмеримо далеко, то жаркое солнце находилось совсем близко и палило беспощадно. А ещё всюду стоял непонятный запах: будто неподалёку что-то протухло и лежит там, и гниёт уже который день.

Продвигавшиеся сквозь плотную зелёную стену стражники обливались потом и завистливо поглядывали на Далена, давно снявшего жилет и оставшегося в одной тунике. Им было невдомёк, что лёгкая ткань не спасала от жары, как того хотелось бы моряку. Будь возможность, он

стянул бы с себя и этот кусок одежды, но скопище ядовитых колючек и растений вокруг вовремя его образумили. Оставалось лишь в свою очередь завидовать Рину, ушедшему с головой в морскую прохладу, и терпеть струившийся ручьями липкий пот, который вместе с засохшей морской солью начинал разъедать кожу.

Плотные, с тягучим запахом, джунгли засасывали нестройный отряд в самую гущу своих лабиринтов. То тут, то там стояли большими раскрытыми лопухами яркие цветы, чьи пряные ароматы манили птиц и насекомых и тут же захлопывались, стоило жертве клюнуть на приманку. А затем, выплюнув остатки пиршества в виде непереваренных крыльев или перьев, вновь распахивали пёстрые бутоны и стояли, не шелохнувшись, в ожидании следующего любопытствующего гостя.

Чем дальше приходилось продвигаться, тем труднее давался каждый шаг. Толстые стволы окружили путников плотным кольцом – с трудом пролезешь. Ударив по одному такому мечом, Гайлард не с первого раза, но разрубил его пополам. Вязкий сладкий сок брызнул из самого сердца растения на одежду и кожу Стернса. Смахнув капли с лица рукавом, Гай не останавливался. Один за другим в стороны летели ошметки мясистой зелени вперемешку с дурно пахнущими цветами и змеиными головами. Сквозь плотную стену джунглей, наконец, забрезжил свет.

Выбравшись из зелёного логова, Гай стряхнул с головы остатки травы и листьев и, тяжело дыша, опустился на землю. Вслед за ним из лесной чащи вывалились лучники с короткими мечами в руках, грязные и измотанные. Последним показался Дален. Вышел и задрал голову вверх, всмотрелся в самые облака, среди которых терялась вершина главной горы острова, у подножия которой они сейчас находились. Облепившие гору вороньи гнезда напоминали гнойные нарывы на нездоровой коже. А многочисленные изломы и трещины – морщины на дряхлом лице. Ступив чуть ближе к горе, Дален чуть не раздавил мыш, вовремя успевшую юркнуть к себе нору. Вокруг царил тишина; лишь из черноты слева веяло гнилью и сыростью. Дален рассматривал темноту долго и внимательно, а затем довольно присвистнул.

– Тут проход! – крикнул он Стернсу.

Услышав слова моряка, стражники встрепенулись, а Гай неторопливо поднялся.

– Без факелов не обойтись, – вымолвил он, осмотрев небольшое углубление в горе. – Вернись в пещеру и принеси пару.

– Я будто чувствовал и прихватил, – Дален снял со спины мешок, развязал его и вытащил два небольших самодельных факела, чудом спасённых с лодки, и старое огниво.

Гай одобритительно кивнул и указал на вход. Дополнительных наказов не потребовалось, и вскоре Дален растворился в темноте каменного коридора. За ним последовал один из стражников. Свет факела какое-то время маячил небольшим пятном в глубине горного прохода, но вскоре пропал, и стало тихо. Оставшиеся у входа Стернс и лучники, сколько ни вслушивались, ничего не слышали: ни шагов, ни голосов, ни просто бормотаний или даже обрывков слов. Ожидание затянулось и начинало напрягать. Плотно поджав губы, Гайлард продолжал всматриваться в темноту, но возвращаться никто не собирался. Внезапно громкий крик нарушил неуютную тишину.

– Спускайтесь сюда, милорд! – звуки доносились прямо из-под земли, и по голосу Гай узнал Далена.

Любопытство напрочь стёрло всю осторожность. Взяв в руки зажжённый факел, Стернс поманил за собой одного из воинов, приказав оставшимся двум стоять у входа. Осветив пространство перед собой, он сделал несколько шагов вперёд и осмотрелся. Коридор был длинным и узким. Факел горел слабо, но его света хватало, чтобы понимать, касаешься ты рукой шершавой каменной стены или ссохшегося тела летучей мыши, зацепившейся за каменный выступ и свисающей вниз головой куцей тряпкой. Ещё немного шагов – дневной свет остался позади, как и воздух. Сдавленно сглотив, Гай прошёл ещё немного вперёд; со спины доносилось тяжёлое сопение следовавшего за ним лучника.

Холодная стена была неровной и липкой. Да и ногам шагалось нелегко. Под ними раздавались то треск, то хлопание, то нечто, похожее на стон. Так стонут болота поздней осенью: унылые и бесцветные, поросшие вереском и покинутые всеми.

Наконец, впереди слабым пятном замаячил свет. Сердце обрадованно и в то же время взволнованно забило, и Гай рванул навстречу ярким пятнам и спасительному воздуху, которого тоже становилось больше. Жадно вдохнув, Стернс сильно ускорил шаг и, выпрыгнув из узкой клетки, огляделся.

Пещера, в которой он оказался, была просторной и достаточно светлой. Свет сочился отовсюду, проникал через щели в скале, коих было немало. Странно, что при таком количестве разлома, это место до сих не раздавило и не засыпало камнями. Повсюду было сухо и тихо: ни змей, ни летучих мышей, ни даже грызунов. В самом центре пещеры стоял Дален: взъерошенные волосы, дикий, почти безумный взгляд и довольная победная улыбка.

- Милорд, смотрите.

Дален ступил чуть в сторону, и взору Стернса открылось нечто.

Это было огромное, высотой с человеческий рост, яйцо нежного цвета весенней листвы, обтянутое в несколько слоёв тонкой золотой нитью.

Медленно, любуясь цветом золота, Гайлард обошёл удивительную находку. Яйцо величаво покоилось на своём месте. Внутри него было тихо: ничто не колыхалось, не бурчало, не кипело. Но в какой-то миг Гаю показалось, что это не он смотрит на яйцо замороженно, не отрывая взгляда, а яйцо следит за ним. Оценивает и взвешивает каждый шаг молодого лорда, каждый жест, будто изучает соперника в предверии финального боя и пытается предугадать степень его силы, выносливости и наличие козырей в рукаве.

- Я осмотрел здесь всё. Это яйцо единственное, - голос Далена отозвался громким эхом в каждом уголке пещеры.

- Хорошо, - сдавленно произнес Гай, - нужно снять нить.

- Сейчас попробую.

Дален протянул факел стоявшему поодаль лучнику и дёрнул золотую цепь на себя.

- Не трогайте здесь ничего! - громкий, почти истошный вопль заставил Далена вздрогнуть и отпрыгнуть назад.

Из узкого тёмного коридора в пещеру ворвался Дагорм и ринулся к Стернсу, молитвенно заламывая руки.

- Прошу вас, милорд. Уйдём отсюда.

- Опять старые байки или кошмарные сны? - продолжая замороженно смотреть на яйцо, пробормотал Гайлард.

- Милорд, - в глазах Дагорма читалось грустное отчаяние, - послушайте старика хоть раз в жизни. Этот место проклято.

Гай вытянул руку вперёд, жестом приказывая советнику замолкнуть, но тот не сдавался.

- Умоляю вас, вспомните старые предания. Не трогайте здесь ничего и молитесь богам, чтобы поскорее уплыть с этого острова.

- Мой отец вдоволь наслушался твоих предсказаний в своё время, - последовал резкий и грубый ответ. - Я же буду делать так, как сам считаю нужным.

- Этот остров полон дьявольского колдовства. Если вы не верите мне, старому безумцу, то поверьте хотя бы своим ушам и глазам, - не дождавшись от господина ответа, старик продолжил: - Тот деревенский паренёк утверждает, что не было ранее скал, что дно было усыпано раковинами... А что сейчас? Раковин нет, а скалы выросли из ниоткуда. И вы чуть не поплатились жизнью за своё неумное любопытство. Чем вам не чертовщина?

Но на старца никто не обращал внимания: ни Стернс, ни Дален, ни даже смиренно стоявшие лучники, наблюдавшие за происходящим со стороны и боявшиеся дышать, не то чтобы вставить какое-либо словцо.

- Снимать? - Дален вопросительно посмотрел на Гая.

- Давай! - решительно скомандовал тот.

Обнажая скорлупу бледно-зелёного цвета, тонкие золотые нити одна за другой опали с яйца. Когда и последняя коснулась земли, Дален собрал дорогое сокровище и взвесил его рукой.

- Прилично. Хватит, чтоб купить дюжину добрых скакунов.

- Несколько дюжин.

- Милорд, идёте скорей отсюда. - Дагорм опасно поёжился. Его морщинистое лицо побледнело, а руки дрожали от волнения и старости.

- Погоди, - Гайлард прервал старика и подошёл к яйцу, - оно меняет цвет. Вы видите?

Дагорм вздрогнул и медленно повернул голову в сторону, куда указывал Стернс. Цвет скорлупы

действительно менялся: будучи вначале бледно-зелёной, она теперь приобрела едкий малахитовый оттенок, а после покрылась багровыми пятнами. Внезапно раздался резкий треск, и по скорлупе пошли золотые трещины.

- Назад! - крикнул Гай и обнажил меч.

С золотой нитью в руках Дален отскочил в сторону и, застыв на месте, смотрел, как раскалывалась теперь уже огненного цвета скорлупа.

Трещины, вначале мелкие, разрастались, и вот уже внутри яйца всё заклокотало и забулькало. Горячая струя фонтаном вырвалась наружу, и яйцо стало извергаться янтарной лавой, стекающей на землю прямо к ногам Гайларда, где тут же застывала. Кипящие брызги летели в разные стороны ещё несколько минут, а затем всё стихло, и полумрак пещеры осветился золотым сиянием.

Убрав меч в ножны, Гай опустился на одно колено и коснулся рукой застывшей лавы.

- Это золото, - растерянно улыбнулся он, - чистейшее золото.

Дален и лучники нагнулись к земле и провели рукой по уже холодному металлу. На их лицах играла довольная, хоть и немного рассеянная и недоумевающая, улыбка. Обрадованные и ослепленные неожиданной находкой, они и не заметили, как внутри яйца что-то осторожно зашевелилось.

За край уцелевшей скорлупы цепко ухватились две маленькие лапки. Подтянулись, вытаскивая наружу длинное чешуйчатое тельце и такой же длинный хвост. Узкие, янтарного цвета, глаза прищурились, оглядывая всё вокруг, и остановились на спине Гайларда. Длинный язычок высунулся наружу, пробуя воздух на вкус. А лапки выпустили маленькие острые коготки.

Чудное создание внешне походило на небольшого ящера, с одной лишь отличительной особенностью: чешуя, покрывавшая тело, была невыразимо яркого изумрудного цвета - кристально чистого, почти прозрачного. Такого прозрачного, что, приглядевшись, можно было увидеть, как бойко билось внутри маленькое сердечко.

Ещё раз моргнув крохотными янтарными глазками, ящер спрыгнул на землю и, махнув хвостом, шустро юркнул в щель в скале, и скрылся, никем так и не замеченный.

Погода опять начала портиться. Откуда ни возьмись налетел ледяной ветер, и небо затянуло тяжёлыми фиолетовыми тучами. Где-то совсем рядом сверкнула молния и раздался раскат грома. И тут же хлынул дождь: сильный, колючий, холодный.

Ураганный ветер клонил и ломал деревья, вертел ими, как хотел. Разгонял волны на море, злил их, заставлял накидываться на скалы, словно кусать их, и, разбиваясь, уползать обратно.

С трудом выкарабкавшийся на берег Рин схватил за руку Рики, выбравшуюся из лесного укрытия и одиноко сидевшую на песке, и потащил за собой в сторону ночного пристанища. Возражать было глупо, но войти внутрь пещеры, что уже вторую ночь служила всем домом, стоило девушке невероятных усилий. Сердце отстукивало бешеный ритм, а мозг рождал варианты наступлений и оправданий.

Опасливо заглянув внутрь, Рики первым делом отыскала глазами Стернса. Он стоял у костра к ней спиной. Прощмыгнув мышью в самый дальний, плохо освещённый угол пещеры, девушка спряталась в полумраке и притаилась. Её, однако, никто не спешил замечать. Все были поглощены разглядыванием необычной находки - золотой нити, принесённой Даленом из подземелья, - и обсуждением плана по транспортировке на поверхность какого-то золота, коего, как поняла из разговоров Рики, было несметно много.

Рин уже вился около костра, грелся, сушился и жадно глотал куски варёного краба, запивая из фляги Дагорма. Запах пусть и невкусного, но такого долгожданного, ужина сотворил чудо и выманил Рики из тёмного угла, заставил присоединиться к шумной компании. Свободное место конечно же нашлось: Дален и Рин потеснились, позволяя девушке присесть между ними. А Рин так ещё и уцепился за бок ухитрился.

О недобытом жемчуге никто разговор не заводил. И уж подавно не интересовался, что сестра Далена «обнаружила на морском дне». Хоть Рин и сделал попытку обсудить неудавшийся улов, вытягивая к костру замёрзшие ноги, беседу с ним никто не поддержал. Даже Гайларда интересовал только вопрос перевозки золота. Когда же обсуждение этой темы прекратилось и перенеслось в область сказок и преданий, Стернс тут же поднялся и отошёл в сторону. Встал у самого входа в пещеру и, оперевшись плечом о стену, уставился в чёрную ночную темноту. Вот только перед тем, как отвернуться от всех, скользнул взглядом по сидевшим рядом друг с другом Рину и Рики, недовольно нахмурился и плотно сжал губы. Но увлеченные историями, неспешно рассказываемыми Дагормом, девушка и юноша ничего не заметили.

- А древние легенды и пророчества говорят лишь о страшных бедах и кошмарах? - спросил один из стражников, облизывая испачканные жиром пальцы.

- Ну почему же? - усмехнулся старик. - Не все повествуют о бедах. Есть предания очень даже нелепые и смешные. Вот, например, одна старая-престарая легенда семейства Булинарув гласила, что не будет у них в роду наследников, пока крольчиха не разродится дважды. Госпожа Булинару, услышав сие предание, сразу же ринулась разводить кроликов. И что вы думаете? Её крольчиха стабильно приносила потомство по несколько раз на год, а у госпожи Булинару и намёка на ребёнка не было. Оказалось, под кроликами предание имело в виду их соседей: Ванду и Рона Кролик. И вот только после того, как Ванда Кролик произвела на свет двух сыновей, госпожа Булинару счастливо забеременела.

По пещере пронёсся сытый смешок.

- Определенно, есть что-то в этих старых сказках! - воскликнул паренёк, что сидел по левую руку от Рина. - Только надо быть недюжинного ума, чтобы разгадывать их заковыристости.

- Несомненно, - согласился Дагорм. - Я вот знаю ещё одну такую, как ты изволишь изъясняться, сказку. Над её разгадкой бьются лучшие умы нашего мира. Веками бьются, а воз и ныне там.

- Расскажите, - взмолилась Рики, предвкушая захватывающую историю.

Дагорм откашлялся.

- Ну, будь по-вашему. Одно древнее предание повествует, что маленькое островное королевство станет великой военной державой и будет оставаться непобедимым, покуда у его правителя будут светлый щит и тёмный меч. Вы, я думаю, догадались, о каком королевстве идет речь...

- Берлау? - предположил Дален.

- Верно. И хоть Берлау не знает войн уже много лет, каждый новый правитель, заступающий на трон, считает своим главным долгом отыскать те самые щит и меч.

Дагорм весело заблестел глазами и продолжил:

- Мне рассказывали, что старая королева Морвенна даже приказала разломать половину стен замка, надеясь найти тайное место, где эти артефакты могли бы быть спрятаны. Представьте себе, сколько потом пришлось возводить обратно.

Смех отозвался эхом в уголках пещеры.

- Но, - Дагорм победно развёл руками, - сколько бы она стен ни порушила, ни светлого щита, ни тёмного меча так и не было найдено.

- Может, их надо выковать? - блеснул мыслью один из лучников.

- И это было. Перелили тонны серебра и меди, да что толку? Щиты, как щиты; мечи, как мечи. Нет, в преданиях следует искать тайный смысл. Не стоит читать их ровно так, как выложены буквы. Кто знает, что за щит и меч имелись в виду.

- Так надо брать Берлау тёплыми, пока они не одумались, что за щит и меч такие, - браво выпалил другой лучник. - Заведём себе новую колонию. С Ллевингором ведь хорошо вышло.

Дагорм приложил палец к губам и покосился в сторону Стернса.

- Ш-ш-ш, юноша. Не нам с вами решать судьбу других государств. Наше дело - есть краба да обмусоливать предания древних.

С этими словами Дагорм вручил лучнику новую порцию горячего ужина и флягу с горячим питьём.

- А что за диковину мы нашли сегодня под горой? - поинтересовались справа. - Какое-то яйцо вроде.

Стоявший поодаль Гайлард, казалось, не должен слышать никакого шума, кроме шума ветра, вдруг вздрогнул и поёжился.

- Это очень странный остров, - задумчиво протянул Дагорм. - Не стоит здесь ничего трогать. Да и лучше убраться отсюда скорее, чтобы ненароком беду не накликасть.

- Какая же беда? - ляпнул Рин. - Мы тут одни, если не считать змей и ворон.

- Давным-давно боги прокляли это место. И в книге мудрых было написано, что, ступив на эти

земли, можно разбудить исполинское зло, силе которого никто не сможет противостоять.

- Сколько плавал сюда, никакого зла не разбудил, - разморено протянул всё тот же Рин. - Только крабов жрал. Да и в яйце сегодня кроме расплавленного золота вы ничего не обнаружили. Никакого там чудища или злобного василиска.

Дагорм гневно сверкнул глазами.

- Замолчи! Древние книги не для того писались, чтобы всякий паяц мог сомневаться в их текстах.

- А поподробней про это самое зло там есть что-то? В книгах? - робко прервала старика Рики. - Что оно из себя представляет?

- Подробнее я и сам хотел бы знать, милая девушка. Но книги лишь направляют нас, а мы уже сами должны разгадать их намёки и подсказки. Я видел древние тексты и читал их лично. Ничего, кроме смерти, не сулит высадка на Вороньем острове. Всякому, кто осмелится покуситься на его богатства.

- Так богатств как-то маловато, - никак не мог уговориться Рин. - Одна облезлая золотая нитка да немного золота, которое один лысый морской чёрт знает, как оттуда выскрести. Оно же к камню прилипло!

- Богатства - это не только драгоценные камни, юноша. Это могут быть знания, оружие... Как те щит и меч, что сбили с толку уже не одно поколение в Берлау. Каждый человек вкладывает в это понятие лишь свой, понятный ему одному, смысл.

- Зачем мне знания? - опять воскликнул Рин. - Вот сундучок алмазов не помешает! А про смерть это всё глупости и выдумки. Я на этом острове уже в восьмой раз. Как видите, жив-здоров и весьма недурно пахну.

- Не знаю, как ты, а мне что-то не по себе стало, - пробормотал сидевший рядом с ним стражник. - Есть в этом месте что-то недоброе. Одних ворон только сколько вокруг горы летает. Да и неспроста же книги писались.

- Ты просто краба переел, - захохотал Рин и толкнул беднягу в бок.

- Выпей, - Дагорм протянул лучнику флягу. - Это немного развеет мысли. Что сделано, то сделано. Сейчас важно ничего более здесь не трогать и молиться, что Гверн скоро заберёт нас отсюда.

- Где он бродит этот ваш Гверн? Мы добрались сюда за световой день, а королевский бриг домчится и того быстрее.

Дагорм развёл руками и как бы невзначай посмотрел в сторону Стернса.

- Я и сам задаю себе тот же вопрос.

- Гверн скоро прибудет, - раздался голос Гайларда, так и продолжавшего стоять в входа и даже не обернувшегося к сидевшей вокруг костра компании. - Если он задерживается, значит, возникли на то причины.

- Хотелось бы знать, какие такие причины, - про себя промычал Дагорм, уткнувшись подбородком в воротник одежд.

Костёр продолжал мерно трещать, а собравшиеся около него - тихо беседовать. Вскоре и их голоса стихли, и были слышны лишь ровное сопение да редкий храп. Впрочем, и те не всегда были уловимы и заглушались завыванием ветра и шумом дождя.

Стоявший у входа Гайлард опустил на землю и теперь сидел, вытянув ноги. Сон никак не шёл. Глаза уже привыкли к ночной темноте и даже могли различить очертания деревьев, сгибавшихся под напором стихии. Дождь хлестал со всей силы и своим шумом убаюкивал всех.

Внезапно Гайл насторожился и прислушался.

- Ты тоже это слышишь? - тихо произнёс он в сторону заступившего на ночную вахту стражника и взгляделся в черноту ночи.

Где-то там, неподалёку, перемежаясь с гулом ветра и гневным шумом моря, раздавался еле уловимый скрежет. Будто острыми когтями медленно проводили по камню. А затем скрежет стих и сменился тихим монотонным шуршанием, похожим на трение кожи змеи о песок, которое так же внезапно пропало, как и появилось. Стернс поднялся, вытащил из ножен меч и подошёл к краю пещеры.

- Не стоит, милорд, - не отдавая себе отчёта в действиях, стражник перехватил руку Гая, не позволяя тому выйти из пещеры. Но уже спустя секунду разум завопил внутри воина, и тот спешно одёрнул руку и помолился в душе, что его нахальная заботливость не разгневет господина.

Гнева со стороны Гайларда не последовало. А таинственного шума больше не повторилось. Лишь ветер продолжал тоскливо завывать и ломать деревья, а волны - разбиваться о скалы.

Холодные капли дождя больно били в лицо Стернса и стекали по нему тонкими струйками. Ещё раз вслушавшись в звуки ночи, Гай убрал меч обратно в ножны и ступил назад в глубь пещеры. Провёл по мокрому лицу рукой, вытирая его, и устало опустился на землю поближе к догоравшему костру. Подкинул веток. Поникшее пламя вцепилось в сухую древесину и разыгралось. От равномерного успокаивающего треска тяжелела голова, а на глаза накатывалась томная сонливость. Гайлард тряхнул головой, словно отгоняя сон, и придвинулся к каменной стене. Взгляд был прикован к входу. Но как бы Стернс ни сопротивлялся, веки постепенно тяжелели, и вскоре сон взял верх.

Глава 12. Столкновение

Кровавые языки пламени оставили после себя лишь выжженную пустошь. Ни травинки, ни деревца, ни жилого дома или кривого сарая – ничего не пощадили, а лишь ненасытно заглотнули и потребовали ещё. Повсюду было темно и пахло смертью. О былом величии Торренхолла напоминали лишь развалины замка, вокруг которых всюду бушевал огонь. Исполинская тень пронеслась над покрытыми гарью колоннами – ранее они гордыми столпами устремлялись к облакам, а сейчас валялись в пыли бесхозной грудой камня. Вслед за тенью последовали жуткий свист и вой; огромная чёрная пасть разверзлась, и оттуда вырвалось пламя, устремившееся на останки былой гордости ныне мёртвых земель.

Огонь ещё долго плясал на могиле Торренхолла. Вздвигался вверх к самому небу, чернил его, бросал искры в разные стороны. Безумной агонии не было конца. И лишь когда последняя песчинка, по которой некогда ступали представители великих родов и династий, превратилась в пепел, оранжево-алые всполохи присмирели, а чёрная хвостатая тварь, парящая в небе, довольно оглядела бездыханную землю, на которой не осталось даже клопа.

Тень продолжала летать над тем, что ранее величаво звалось сердцем Нолфорта, хлопала могучими широкими крыльями и громко хрипела. Ей вторила стая голодных ободранных ворон, слетевшаяся на пепелище и жаждущая найти хоть крупичку трупного мяса, чтобы поживиться. Каркая внизу, они задрали головы вверх и раскрыли вонючие клювы, будто просили гигантскую тварь о милости. И та их услышала. Разжала цепкие когти, выпуская из лап добычу – оторванную голову, окровавленную и обезображенную. Упав в самое сердце нахохлившейся вороньей стаи, голова немного прокатилась вперёд и застыла на месте, вперившись в облезлых птиц пустым взглядом стеклянных глаз. Глаз последнего хозяина Торренхолла – Гайларда Стернса...

...Гай дёрнулся и проснулся. Лоб горел, а на руках и шее выступили капли пота.

– Милорд, – неуверенно промямлили рядом.

Переведя дыхание и успокаивая себя, что увиденное – лишь кошмарный сон, Гай повернулся на голос и вздрогнул. Перед ним маячило перекошенное от страха лицо лучника. Расширенные зрачки и дрожащий подбородок не сулили радостных вестей. Трясущейся рукой паренёк указывал в сторону моря.

– Милорд, вам бы на это посмотреть.

От одной мысли, что могло так испугать воина, Гая бросило в холод. Сердце бешено колотилось, то ли ещё не придя в себя от ночного кошмара, то ли в ожидании увидеть нечто более ужасное, чем спалённый дотла Торренхолл. Но, совладав с собой, Гайлард поднялся и вышел из пещеры вслед за лучником.

Ночной ливень основательно размыл землю. Приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не подскользнуться на склонах. Несколько деревьев было выкорчевано с корнем и повалено друг на друга. А бушевавшее всю ночь море завалило берег вонючими водорослями и древесными щепками.

Но было ещё кое-что, лежавшее в самом центре подушки из зелёно-голубого морского сена, порождавшее страх в сердцах столпившихся людей вокруг. То было обескровленное и даже лишённое одежд тело Сэма – юного стражника, пропавшего накануне. Даже и не тело вовсе, а просто мешок из кожи, натянутый на скелет и провисающий в тех местах, где костей было мало.

– Ни внутренностей, ни крови, – подытожил Дагорм, предъявляя Стернсу всё, что осталось от светловолосого юноши. – Тело, вероятно, выкинуло на берег волной, но вот раздели и вспороли его явно на земле, а не в воде.

– Бред какой-то, – Гай отказывался верить в увиденное. – На острове никого кроме нас нет. Даже из диких зверей только змеи.

– Может, как раз змея и постаралась? – вмешался в разговор Дален.

– Так постаралась, что не забыла стащить сапоги и штаны? – фыркнул Дагорм. – Нет. На этом проклятом острове явно есть кто-то ещё... Кто-то, кто умело от нас прячется. И этот кто-то клыкаст и голоден.

Гайлард выпрямился.

– Остров нужно прочесать ещё раз. Я никому не позволю испарывать моих людей, пусть даже мёртвых, и высасывать из них внутренности. Вы, – Гай поманил к себе двух стражников, – проверьте

левую сторону острова. Остальные – правую. Я, Дален и этот твой с жабрами осмотрим центр. Всё, что подозрительно лежит, стоит или движется, убивать!

Берег быстро опустел. На влажном песке остались лишь следы и выброшенные морем мелкие ракушки. А ещё вороны, которые кружили над бездыханным телом Сэма в предвкушении хоть каких-нибудь лакомств. Одна такая, особо наглая, острокрылая, уселась пареньку прямо на голову и уставилась на болтавшуюся без дела Рики, которой велели остаться на берегу в обществе Дагорма. Но скоро и старик растворился в неизвестном направлении, сославшись на необходимость найти некие лекарственные травы. Рики осталась одна.

Спину неприятно жгло. Не от солнца – оно надёжно пряталось за тучами. А от того самого мерзкого чувства, когда ощущаешь на себе чужой настырный взгляд и не можешь понять, кто на тебя пялится.

Рики беспокойно заёрзала и заозиралась по сторонам. Но, кроме наглых ворон, изредка рассматривавших девушку крохотными круглыми глазками, рядом никого не было. Не в силах больше терпеть птичью назойливость, Рики опустила голову и стала чертить пальцем незамысловатые узоры на песке.

Чувство слезки, однако, не думало проходить. Обернувшись, Рики поискала глазами противных птиц, но тех и след простыл. Берег был пуст – лишь тело Сэма по-прежнему лежало там, где было найдено. Вокруг ничего живого, но ощущение, что пристальное наблюдение продолжается, не покидало. Более того, оно разрослось настолько, что Рики стало жарко. Щёки зарделись, будто в лихорадке, а тело горело огнём. Захотелось броситься в море с головой, чтобы охладиться и избавиться от странного чувства. Но вместо этого девушка только зачерпнула ладонями прохладную солёную воду и плеснула ею себе в лицо. Жар отступил, и дышать стало легче. Да и мания преследования притупилась. Хотя в зарослях высокого папоротника, отделявшего пёстрые джунгли от песчаного берега, Рики уловила едва заметное шевеление. Будто птица вспорхнула с земли, или большая жаба запрыгнула в самую гущу сочной травы. Поколебавшись с несколько секунд, высокие листья вернулись на место и замерли, сомкнувшись плотными воротами. А отхлынувшее поначалу чувство чужого взгляда тут же вернулось и зажгло Рики с новой силой.

Девушка отчаянно крутилась по сторонам. Но берег продолжал оставаться пустым: ни охраны лорда Стернса, ни брата, ни Рина, ни даже Дагорма, которому наказали оставаться у найденного трупа. Все ушли в глубь острова, а неудобное чувство продолжало расти и усиливаться. Собравшись с духом, девушка тоже сделала шаг в сторону таинственных джунглей.

Раздвинуть массивные листья не составило труда. За ними никого не было. Лишь начинался обычный тропический лес, как и вчера тёплый, сладко пахнущий, наполненный монотонным шуршанием.

Шаг. Другой. Вскоре Рики поняла, что уже сильно отошла от берега. Далеко позади остался лёгкий морской ветер; теперь вокруг гуляли лишь тяжёлая влажность и пряный аромат гигантских алых цветов, вгоняющий в сон. Даже весёлые лианы, поначалу игравшие с волосами девушки, уже не вились вокруг неё, а просто понуро свисали с высоты уходящих в небо деревьев.

На одном таком, а точнее на его коричневом стволе, что-то зашевелилось и приоткрыло жёлтый глаз. И тут же едва уловимое шуршание заструилось в направлении забредшей в опасные заросли девчонки. Широкая лента, поначалу сливавшаяся с древесной корой, постепенно превращалась в увесистые, коричневого цвета кольца, покрытые блестящей гладкой чешуёй.

Словно тень, гигантская змея вторила движениям Рики, подбираясь к ней ближе и ближе. Замерев в паре ярдов от девушки, притворилась висевшей лианой. Затем осторожно приподнялась, слегка покачалась, готовясь к прыжку, и... серебристая вспышка навсегда застыла в жёлтых зрачках удава, чья голова громко шлёпнулась на землю.

Рики охнула, резко развернулась и попятилась назад. Бледная, перепуганная, она переводила взгляд с мёртвой змеиной морды на блестящее лезвие клинка в руке Стернса и обратно.

– Советую смотреть по сторонам, – сухо вымолвил Гай, поддевая острием меча свесившуюся с сухих веток бездыханную тушу, – или иметь при себе нож.

– У меня нет ничего, – пролепетала девушка, отворачивая взгляд.

Смущение, стыд, страх – всё переплелось тонкими нитями, сковало мысли и движения.

В левой руке Гайларда что-то щёлкнуло.

– Возьми.

Он протянул Рики расчехленный нож с серебряной рукоятью в виде змейки с нефритовым глазом.

- Я не могу, - начала заикаться Рики, - не могу принять такую дорогую вещь.

- Бери, - отрезал Гай. - Избавь нас от необходимости бегать за тобой и вытаскивать из передрыг.

Слова Стернса окатили Рики ледяной колодезной водой. Прежняя благоговейная робость спешно юркнула куда-то в область левой пятки и затаилась там тихой мышью. Торопливым движением Рики выхватила нож и, насупив брови, буркнула:

- А я никого и не прошу за мной бегать.

Пылкая грубость вместо слов и слёз благодарности не осталась незамеченной. И прощать её тоже не собирались; Гайлард нахмурил лоб, посмотрел с сторону моря, затем опять на девушку.

- Твой брат врал, не так ли? К ловле жемчуга ты не имеешь никакого отношения.

Рики уловила в голосе Стернса лёгкую издевку и предвкушение удовольствия от скорого разоблачения. Вся мокрая то ли от жары, то ли от волнения, девушка покраснела ярче самого спелого помидора, но решила быстро не сдаваться.

- Я родилась и выросла на море. По-вашему, если я женщина, то умею только шить и варить обед?

Гай прищурился, обдумывая что-то, и сухо бросил:

- Ни ножа на поясе, чтобы вскрыть раковину, ни мешочка для сбора жемчуга, и волосы твои, и одежда вчера остались абсолютно сухими, хотя Рин приполз в пещеру совсем мокрый.

- Я успела обсохнуть на солнце.

- Вот как, - усмехнулся Гай и, схватив девушку за руку, потянул за собой. - Пойдём.

- Куда вы меня тащите? - вскрикнула Рики, упираясь пятками в землю и понимая, что не может совладать с мужской силой.

- Хочу бросить тебя в воду и посмотреть, есть ли у тебя жабры, - не оборачиваясь, кинул Гайлард. - Так, кажется, тебя расхваливал твой брат?

Хватка Стернса была подобна стальным тискам, из которых никак не выбраться - ключа нет.

Подаренный минутами ранее нож обжигал руку. Влажная ладонь крепко обхватила рукоять; пальцы застыли на скользком металле, а ноги потяжелели, заплелись и запнулись об острый камень. Девушка громко вскрикнула, рухнула на землю и разжала кулак. Нож выпал, с неприятным скрежетом скользнув лезвием по камню.

- Поднимайся. - Гай обернулся.

Его взгляд упал туда, где на всклокоченной каблуками земле блестел нефритом змеиный глаз.

- Ты даже нож удержать не в силах. Как ты оказалась в лодке?

Рики молчала. Был ли смысл вдаваться в длинные подробности всего того, что случилось? Объяснять долго и сбивчиво, начиная со спора с Рином и заканчивая враньём брата? Да и согласится ли Стернс слушать, если говорить она будет долго, перескакивая с одного на другое? Точно, не согласится. А кратко изъясняться Рики не умела.

Стернс же кипел. Молчание девушки его раздражало. Неизвестно, что разозлило бы его больше: её сбивчивые признания, будь она смелее и болтливее, или сомкнутые губы и потупленный взгляд.

- В этом сплаве мне нужны сильные руки, а не куклы и тряпки, - раздраженно кинул Гай. - Пользы от тебя никакой, разве только смотреть на твоё смазливое лицо. Но и это развлечение скоро приестся. Поднимайся и ступай...

Договорить у него не получилось. Из непролазных джунглей вихрем вылетело нечто, грубо оттолкнуло Рики в сторону и сбilo Стернса с ног. Удар пришёлся на всю спину. Изогнувшись от боли, Гайлард взвыл и дёрнулся встать, но был тут же припечатан обратно к земле навалившимся на него телом. Перед глазами сверкнули острые клыки, готовые вонзиться в шею и окраситься в багровый цвет. Этого зрелища хватило, чтобы в тот же миг забыть о боли.

Мгновенье - кулак Гая встретился с челюстью клыкастого. Резко и со всей силы. Настолько мощно, что зубам чужака вместо тёплого человеческого тела пришлось довольствоваться лишь кожаной накладкой на плече, а брызги слюны полетели во все стороны, в том числе и на шею Гайларда.

Отпрянув, клыкастый недовольно взревел, выплюнул оторванные ошметки безвкусного дублета и

повернулся мордой к Стернсу. Янтарного цвета глаза пылали огнем и ненавистью. Острые когти на руках, словно гвозди, ввелись в тело Гая, вызывая очередную волну неопишуемой боли. Лишь истощенный крик Рики и её пронзительный визг, словно пощечина, вернули Стернса к жизни.

Обутая в стоптанный сапог нога девчонки промелькнула почти перед самым лицом Гайларда и рубанула тупым носком между глаз клыкастого. Тот недовольно зафыркал и замотал головой, а Гай тут же обхватил чужака за шею, потянул на себя и резким рывком перевернулся. Теперь враг лежал, прижавшись спиной к взъерошенной земле, а Гай, сдавливая ему горло, пытался пододвинуть к себе отлетевший в сторону в меч.

Клыкастый, однако, не думал сдаваться. Он сдавленно хрипел и брыкался, стараясь скинуть с себя Стернса. А затем острыми когтями впился тому в бока, разрывая льняную ткань и со всей силы царапая кожу. Жалящая боль, словно от тысячи стальных игл, разлилась по всему телу.

Совсем рядом что-то блеснуло. Будто солнечный свет, столь редкий в душных зарослях, сумел проникнуть сквозь плотный щит листвы, преломиться и ударить в глаза Гаю, ослепляя его. Стернс зажмурился, осознавая, что враг не замедлит воспользоваться этой оплошностью, но новой волны ударов не последовало. Когти клыкастого оставались на том же месте, не сдвинувшись ни на каплю. Чужак замер и уподобился каменному истукану. Боялся пошевелиться и зачарованно глядел на маленькую серебряную змейку перед собой, чей нефритовый глаз, поблескивая, отражался в его узких зрачках.

Стальная змейка чуть качнулась – это Рики, сжимавшая в руке треклятый нож и приставившая его к лицу клыкастого, не выдержала и дрогнула. Напавший на Стернса паренёк медленно перевёл взгляд со змейки на девушку и покорно опустил руки. В ту же секунду Гайлард рывком отпрянул в сторону, дотянулся до меча, крепко схватил его и встал на ноги.

Из лесной чащи выскочили стражники, Рин и Дален. За ними едва поспевал Дагорм.

- Взять.

Гай сплюнул на землю кровью, мечом указал на припечатанного к земле чужака и обессилено прислонился к дереву.

В два прыжка лучники оказались возле клыкастого. Дален обхватил за плечи перепуганную до смерти Рики, вытащил из её онемевших рук нож и отвёл сестру в сторону. Гипноз спал, и поначалу притихший пленник вновь злобно оскалился и забрыкался, пытаясь вырваться на свободу. Но побороть сразу четырёх воинов ему было не под силу. На ноги его поставили быстро.

- Стойте, стойте, да это же наш Сэм! – внезапно завопил один из стражников, ошарашено таращась на того, кому сейчас ловко заламывали за спину руки. Песочного цвета волосы и серо-зеленые глаза. Нет, не янтарные, а именно серо-зеленые. Даже одежда Сэма, хоть и по большей части уже приведённая в негодное состояние и рваная.

- Если это Сэм, то кто тогда там, на берегу? – недоуменно шепнул лучник, крепко сжимавший паренька.

- Убью тварь! – ненавидяще прорычал Гай.

Правая рука взметнулась к ножнам, обнажая жаждущий крови дорогой качественный металл. Державшие клыкастого воины боязливо сжались и втянули головы, опасаясь, что острый клинок заденет и их, но расстаться с жизнями они поспешили. Как поспешили и похоронить того, над кем расправа казалась столь очевидной. Вместо алых капель на одежду и кожу брызнула вязкая травяная жидкость, жутко пахучая и липкая. Осторожно приоткрыв глаза, стражники обнаружили, что пленник по-прежнему жив, а ярость Стернса пришлась на яркий цветок, больше смахивающий на гигантский лопух, пурпурные лепестки которого были порублены и плавно оседали на землю, источая зловоние.

- Какого дьявола? – вскипел Гай, поворачивая пылающее гневом лицо к тому, кто посмел остановить его руку от свершения намеченной и желанной казни.

- Лишать кого бы то ни стало жизни следует на холодную голову, милорд. Так, кажется, всегда говорил ваш отец.

Ни одна бровь не дрогнула на морщинистом лице Дагорма: ни тени боязни попасть в немилость; ни следа сомнения в правильности своего поступка; ни оттенка раскаяния. Лишь твёрдая уверенность, с которой он перехватил локоть господина, чтобы смягчить роковой удар, уничтоживший аляповатый цветок вместо жизни бледного, перепачканного в крови и грязи паренька.

- На холодную голову принималось решение убить моего брата? – взъелся Гай.

Дагорм молчал, будучи подобным скале, о которую вхолостую разбивалась злость Стернса, а после сделал глубокий вдох и обречённо произнёс:

- Этот остров полон нехорошего. Любое ваше действие может повлечь за собой цепочку непоправимых событий.

- А бездействие? Гору трупов? Ты клыки у этого дикаря видел?

- Позвольте мне лучше осмотреть ваши раны, милорд, - старик будто специально игнорировал вопросы Стернса, остужая тем самым его пыл.

- В пещере осмотришь, - отмахнулся Гай и бросил лучникам: - Тащите его наверх. Попробует бежать или сопротивляться - тут же прибейте. Второй пощады не будет.

Лучники боязливо пнули клыкастого в направлении горы, но тот, как им показалось, и не нуждался в подсказках. Тропка за тропкой он уверенно ломился вперёд, будто уже не раз ходил этой дорогой. Смело раздвигал лиственные заросли, переступал через поваленные деревья и отмахивался головой от назойливых змей. И временами бросал настороженный взгляд в сторону Рики, покорно следующей за своим братом. Со стороны могло показаться, что клыкастый наблюдает за девушкой, словно пастух - за рассеянными овцами, что мирно жуют траву и не беспокоятся волке, который уже поджидает у входа в лес. Но если Рики была для него овечкой, то кто же тогда был волком?

Русоволосого паренька грубо толкнули в скалистый проём, усадили подальше от входа и привязали к бочке, полной воды. Надутый, он покорно сидел, уставившись на червяка, вяло тащившего своё склизкое тело в тёмный угол. Червяк и не заметил, как глаза мальчишки озорно блеснули, а брови сошлись на переносице, вторя роящимся в голове мыслям. И тут же длинный, узкий, раздвоенный на кончике язык ловко выпрыгнул изо рта и, намертво приклеив к себе скромный обед, скрылся обратно. Зубы звонко ударились друг о друга, губы плотно сжались, паренёк сглотнул и расплылся в лёгкой довольной улыбке.

- Вам бы расспросить его, милорд, - краем уха услышал клыкастый шёпот Дагорма, обрабатывающего раны Стернса остатками настойки на шишках. - Кто таков, откуда, и почему он точная копия нашего Сэма? Хотя... - старик медленно поскрёб подбородок длинным грязным ногтем, - насчёт последнего у меня есть некие соображения. Если, конечно, древние трактаты не врут и я правильно помню этот стих, то...

- Я скорее вспорю ему живот, - взвился Гай и поморщился: настойка начинала невыносимо жечь.

- Нужно выяснить, почему он набросился на вас, и нет ли на острове ещё какой опасности в виде таких же дикарей? - продолжал мягко давить советник.

- Так займись этим, а не переводы впустую коноганское пойло.

Гайлард выхватил флягу у обескураженного Дагорма, отхлебнул, сделал пару шагов назад и тяжело опустился на бочку. Всё тело ныло, отдавая то в спине, то в боках мерзкой пульсирующей болью, а жгучая настойка пролилась внутрь огненной лавой, в несколько раз приумножая адские муки.

Гай скользнул взглядом по пещере: четверо лучников выстроились в ряд у входа и следили за клыкастым. Четверо воинов, немногим старше своего погибшего товарища, мрачные и насупившиеся, перемальвающие в голове последние события. Но как бы страстно они ни желали найти объяснение внезапному воскрешению своего друга, ничего толкового на ум не приходило.

- Молчит как рыба.

Дагорм подкрался так тихо, что Гай вздрогнул.

- Мальчишка совсем воды в рот набрал, милорд, - повторил старик. - И прикосаться к себе не дает, и только и делает, что бубнит под нос, что наша девица, - кивок в сторону Рики, - его хозяйка.

- Вот как! - Брови Гая взлетели вверх. - Позови её.

Из дальнего, тёплого и сухого укрытия Рики вытащили быстро. Забившись туда, она сидела не шелохнувшись, прячась в тени стоявшего впереди брата, и, наострив уши, ловила обрывки разговоров.

- Та тварь говорит, что знает тебя, - резко кинул Гай, стоило девушке предстать перед ним.

- Это злая шутка, - растерянно пролепетала та. - Я впервые вижу его.

- Моя сестра не станет врать, - вступился за Рики Дален.

- Не станет?

Вопрос, заданный издевательским тоном, и лихорадочный блеск в глазах напомнили Рики о разговоре со Стернсом на берегу. Вот только причину лжи она не успела объяснить. Сейчас или никогда?.. И, набрав в лёгкие побольше воздуха для пылкой речи, Рики решилась на публичное разоблачение, однако то было отложено так же внезапно, как и задумано.

Сильные пальцы властно коснулись острого подбородка. От этих прикосновений Рики вздрогнула, а по телу прошла волна непонятных, взаимоисключающих ощущений: от желания немедленно отстраниться, вылить на голову полное ледяной воды ведро, только чтобы смыть с себя всё, что могло напоминать о Стернсе и его руках, включая едва уловимый аромат веточек можжевельника, смело перебиваемый стойким запахом смеси из крови, сосновых шишек и морской соли, до рвущего душу еле сдерживаемого порыва коснуться губами тех самых рук и поклясться в вечной преданности. Яркими вспышками всколыхнулись столь разношерстные чувства в сердце деревенской наивности, покорно поднявшей голову и посмотревшей в глаза Гайларду в ответ на его прикосновения.

В усталом, измученном чередой бессонных ночей и непрекращающихся ночных кошмаров, взгляде на миг вспыхнула уже знакомая Рики искорка любопытства. Вспыхнула и тут же погасла, а хозяин исцарапанного лица отвернулся в сторону.

- Я хочу знать об этой твари всё, - брошенные беспристрастным тоном слова отдались громким эхом в самых дальних уголках души девушки. - И если гадёныш утверждает, что знает тебя, значит, кому, как не тебе, следует поведать нам его секреты?

- Рики приблизится к нему только вместе со мной! - взволнованный Дален сделал шаг вперёд, но Гай был резок и непреклонен.

- Она вполне справится одна. Ступай.

Стернс оторвал руку от подбородка девушки, сделал ещё один глоток из фляги и подался назад, оперевшись спиной в неровную шершавую стену. Рики послушно двинулась в сторону русоволосого пленника и присела напротив.

- Хозяйка...

Тот, кто внешне так напоминал погибшего Сэма, облизнул сухие, потрескавшиеся губы и не сводил с Рики подобострастно-одержимого взгляда.

- Я не твоя хозяйка, - пробормотала девушка, но была остановлена.

- Ты хозяйка. Ты повелительница змей. Я видел, как одна застыла у тебя в руках. Её нефритовый глаз сказал мне правду.

В словах мальчишки было столько искренней веры и страсти, что Рики постеснялась его разубеждать. Лишь вместо опровержений добавила:

- Моё имя Рики. Я из рыбацкой деревни Ланимор, что на юге Нолфорта.

Паренёк не ответил. Но по напряженному взгляду и собравшимся морщинкам на лбу стало понятно, что он усиленно пытался переварить услышанное.

- Твоя жизнь висит на волоске, понимаешь? - продолжала Рики. - Кто ты такой? Откуда? Ты как две капли воды похож на нашего Сэма, который... - девушка запнулась, - уже два дня как мёртв. А ты жив...

- Я Сэм, - мальчишка ответил уверенно, даже с некой гордостью в голосе. Наверно, оттого, что, наконец, понял, кто он.

- Ты не можешь быть им, - Рики покачала головой. - Сэм лежит на берегу. И он мёртв.

- Но его кровь была такая вкусная, - паренёк довольно причмокнул губами. - И мозги. Кишки вот только в зубах застряли. Я их выплюнул.

У Рики помутнело в глазах. К горлу подступило чувство тошноты. Сглотнув, он тряхнула головой и опять сосредоточилась на загадочном чужаке.

- Ты хочешь сказать... ты его съел?

- Неет, - брезгливо протянул Сэм. - Выпил. Жевать жёсткую кожу или рвотные кишки... Бр-р.

Недавний клыкастый говорил смачно и натурально. Будто заново переживал всё, совершенное им, и ни секунды не жалел о содеянном. А он и правда не жалел.

- Но зачем? - Рики окончательно растерялась.

- Я мал и слаб. Кровь придала мне сил и подарила лицо.

- Что подарила? - переспросила девушка, уподобляясь неким заморским птицам, о которых как-то рассказывала Эйна. Такие пестрокрылые, они служили частым развлечением на площадях Нолфорта. Кинешь в миску монету, скажешь чего, а глупая птица повторяет, да ещё и картавит забавно умудряется. Рики, конечно, не картавила, но вот повторяла каждую фразу за Сэмом точь-в-точь, как та птица.

- Лицо... Ну, ещё руки, ноги, эту паклю. - Сэм тряхнул спутанными волосами. - Я выгляжу, как он, думаю, как он, и даже говорю.

- Ты выпил кровь лучника и стал им?

- Ну да, - недоумевающая, почему «хозяйка» удивляется, пожал плечами Сэм.

- Но зачем было пить всё? Разве одной капли не достаточно?

Сэм смотрел на девушку как на полоумную.

- Капли хватило бы только, чтоб встретить рассвет.

Оба резко замолчали, каждый обдумывая что-то своё.

Рики повернула голову в сторону Стернса и Дагорма, обрабатывавшего раны лорда каким-то новым отваром. Гай недовольно морщился от каждого прикосновения старика и не сводил глаз с Рики и Сэма. Боль, злость и раздражение - всё смешалось во взгляде хозяина юга. А ещё, как показалось девушке, презрение. К Сэму? Нет. Гай смотрел на Рики. Обескураженная, девушка ступала и вернулась к разглядыванию взъерошенного пленника.

Тот же ненавидяще вперился в лицо Гайларда и сверлил его жадным до крови взглядом. А заодно и хитро прищурился, словно обдумывал коварный план. Губы растянулись в лёгкой, с малой тенью издёвки, улыбке, а глаза сверкнули так ярко, будто кто-то чиркнул огнём, вызывая жёлто-оранжевые искры. А те и рады были бы посыпаться муравьиным роем, но, не найдя рядом подходящей сухой лучины, присмирели и потухли.

- Почему? - Паренёк насторожился, услышав вопрос Рики. - Почему ты набросился на него?

Сэм облизнул сухие губы и проронил:

- Он делал тебе больно.

- Ты знаешь, кто это?

- Мой враг.

Глаза Сэма сузились и коварно заблестели. Лавой извергающегося вулкана разлился по ним янтарный цвет, вытесняя глубокий зеленовато-серый. Рот приоткрылся, обнажая зубы, вытягивающиеся в сверкающие жемчугом клыки. Одежда местами начала рваться, и сквозь дыры проступили твёрдые чешуйки. А на заломленных за спину, связанных руках вместо ногтей выросли когти, остротой не уступающие лезвию лучшего клинка в королевстве.

- Тс-с, - по-змеиному просвистел Сэм обомлевшей от увиденного Рики и чиркнул когтем по верёвкам, легко разрезая их.

А дальше никто и опомниться не успел, как пленник резво вскочил на ноги и кинулся сломя голову к выходу, сметая переполошенных стражников со своего пути. Одному из четверки охраны удалось схватить паренька за шиворот, но мальчишка словно мылом был обмазан: шустро осев вниз, он ловко вынырнул из рукавов и горловины туники, обогнул нерасторопного воина и ломанулся дальше.

Преградившего дорогу долговязого вояку с небольшим и старым шрамом под глазом Сэм влёгкую протаранил головой: тот только и смог, что изумиться, сколько силы было в этом щуплом, невысоком юнце, внешне так похожем на мёртвого товарища. Получив удар в живот по мощи сродни кувалде, длинный отлетел на несколько шагов назад, валя с ног остальных стражников и создавая хаос. Барахтаясь, лучники только и смогли что заметить, как прямо над ними сверкнули две пятки - это мальчишка молнией метнулся вперёд, оттолкнулся от земли и перепрыгнул через замысловатый клубок из рук, ног, мечей и стрел. Сапоги при этом слетели и упали в самую гущу неразберихи, добавляя сумбура. Сэма же и след простыл. Лишь толстые листья гигантского папоротника ещё с минуту покачались, подсказывая направление побега, но по нему никто не последовал: когда обескураженные воины пришли в себя, то догонять беглеца было уже поздно.

Глава 13. Чужая в своём доме

Уже в который раз Ферран мерил шагами небольшую, скудно освещённую комнату. Время было далеко за полночь, и долгого разговора не планировалось, а посему хозяйка посчитала, что тремя свечами они с мужем легко обойдутся. Кто же знал, что каждое следующее слово вызовет у уставшего за день командира эмоций, оправданий и воспоминаний столько, что до утра хватит точно. Ещё и на следующий вечер останется.

Госпожа Стенден была сильно измотана. Невысокая, с густой проседью в некогда блестящих и длинных, цвета лесного ореха волосах, она поставила на стол кружку холодного травяного настоя и села напротив обеспокоенного мужа, подперев рукой подбородок. На лице женщины читался очередной тяжёлый день: двое малышей давно сладко сопели в дальней спальне. Проблемами старшего сына она собиралась заняться завтра – характер у того был ершистый, ведь мальчишка всем пошёл в отца. Одно женщина знала точно: мужа посвящать с эти проблемы сейчас не стоит. Иначе сорвётся больше обычного, и наладить привычную домашнюю атмосферу будет в десяток раз сложнее.

– Сядь и успокойся, – устав смотреть на беспокойство мужа, медленно вымолвила женщина.

Но тот, плотно сжав губы, продолжал метаться по тёмной комнатёнке, словно лев в клетке.

– Сядь, – просьба повторилась, а кружка была пододвинута прямо к краю стола.

Проследив взглядом за тем, как Ферран, наконец, опустился на крепкий кованный стул, отхлебнул из кружки, а затем разломал кусок хлеба и принялся его методично жевать, добавила:

– Опять Гверн?

Ферран утвердительно кивнул, взял догорающую свечу и поднес её к новой, ещё незапятнанной талым свечным воском. Вялый огонёк вцепился в свежий фитиль, и спустя секунду тот заколыхал оранжево-жёлтым цветом.

– Уже шесть дней прошло, как ты вернулся, – продолжила женщина. – Он отплыл на остров?

– Прибыл в порт тем же днём, что мы разошлись на развилке, – жадно подхватил тему Ферран, как будто изначально искал повод заговорить о Нольвене, но никак не решался сделать первый шаг. – И вечером был уже у капитана Мортенера. Отплыли вечером следующего дня, груженные водой, провизией и отрядом воинов на борту.

– Это всё Лукас передал?

Ещё один кивок последовал от военного командира и по совместительству мужа.

– Жалею, что не приставил Лукаса следить за Гверном раньше. Возможно, тогда и не произошло бы непонятной нелепости с деревенской лодкой. Теперь же я наказал Лукасу стать невидимой тенью Гверна.

– Корабль в пути уже четверо суток, – перебила Феррана жена, задумчиво уставившись на разыгравшееся пламя свечи. – Должно быть, есть на том острове что-то действительно стоящее, раз милорд не спешит возвращаться.

– Или что-то случилось... Или Гверн просто шляется, неизвестно, в каких водах, как продажная девка по площадям. – Стенден громко и смачно отхлебнул из кружки и потянулся за новым куском хлеба.

– Не клеветчи зазря. Гверн не силён в навигации, но с ним капитан Мортенер. Или ты и в его мастерстве сомневаешься?

Крыть было нечем, и Ферран молча проглотил упрёк жены. Та же разошлась и продолжала:

– Набрался бы смелости и рассказал Гверну всю правду. Не то я сама это сделаю... Сил у меня больше нет смотреть на твои муки.

– И даже думать об этом не смей! – взревел Ферран и с такой силой хрястнул о стол глиняной кружкой, что не выдержала, раскололась, а янтарная жидкость разлилась по столу, размачивая хлебный мякиш и капая на пол.

– Тише, детей разбудишь. Не лезу я больше в твои дела, не лезу. Сам потом одумаешься, но поздно уже будет.

Раздосадованная женщина швырнулась испачканную в пролитом отваре тряпку в угол и выбежала

из комнаты, видимо, опасаясь, что ещё одна лишняя секунда, проведённая в обществе влиятельного супруга, уставившегося в открытое окно, за которым уже давно царила непроглядная темень, может оказаться роковой для их и так уже давно непрочных отношений.

- А что я тебе битый час талдычу? - с тяжёлой отдышкой проворчала низкорослая седоволосая прислужница, выливая во внушительную по размерам купель тёплый отвар из высушенных розовых лепестков. - Опечаленная она сильно ходит. Оно и понятно, от чего. Мало, что не по своей воле сюда прибыла, так ещё и приехала в пустые комнаты, никем не встреченная, никому не нужная. А это, скажу тебе, не лучшая примета для помолвленной девицы, хоть знатной, хоть простой.

- Ну, а ты по-другому что ли за своего выходила? - твякнула собеседница, баба лет на десять моложе, поинтереснее формами и поживее цветом лица.

Процеживая заваренные в кипятке травы, она подавала один за другим настои старшей товарке и терпеливо внимала её причитаниям, про себя считая минуты, когда та, наконец, замолкнет. Вот очередная порция лепестков фиалки и ароматного репейника была выужена из глубокого деревянного ушата и отправлена в жестяное ведро, а благоухающая умиротворением жидкость бултыхнулась в самое сердце наполненной до краёв купели.

- По-другому. Да радости было кот наплакал. Всего два месяца да пять деньков, а после как пошли запои, да как начал он меня бить, вот и счастьем конец.

- Ну, хоть два месяца, а было радости.

- И то верно, - согласилась прислужница и вытерла мокрые руки о влажный передник. - О том и веду речь, что я так хоть с пару месяцев любовь видела, а эта красавица и мига внимания не познала. Сидела по приезду, вся дрожала. И ведь не от усталости иль холода - какой холод в такие славные деньки! А от того, что прибыла в чужой дом да оказалась в этом доме никому ненужной.

- Что ты девице одиночество да грусть пророчишь? Высокие свадьбы они такие... Тут о чистоте крови надо думать, а не в игры сердечные баловаться да у камышей лизаться, - ехидно уколола собеседница, намекая, что у её товарки до камышей хоть и дошло, но те быстро засохли.

Пожилая распорядительница купальни прикусила язык, промычала что-то про себя да продолжила колдовать над водой, над которой вздымался густой, наполненный терпко-сладкими ароматами, пар.

Молодая же не унималась и продолжала бессвязно бормотать себе под нос: то ли про своих бывших ухажеров, то ли про дыхателей своей младшей сестры, более удачливой в любовных делах.

- А всё ж грех в такую красавицу не влюбиться, - после долгих шамканий внезапно громко выдала молодая помощница и обречённо вздохнула.

- Это не полюбить нашего господина грех! - выплеснула ей в противовес седоволосая, раскладывая у купели чистые полотенца. - Главное, чтобы она ему к сердцу пришлась, а уж он ей точно к душе будет. Его нельзя не полюбить.

- Да хранят его боги! - впервые за вечер согласилась с женщиной служанка помоложе и выскользнула из нагретой купальни в прохладные залы замка.

Мягкими волнами струился шёлк. Обволакивая грациозный стан, обхватил тонкую талию, изогнулся на бёдрах и прыгнул на пол, раскрывшись нежным цветком у ног юной девушки. Платье цвета жёлтой горечавки, воздушной пеной лежавшее на нагретых досках, роднило молодую госпожу с солнцем, а густые вьющиеся волосы повторяли оттенки спелых каштанов, что под закат лета щедро завалили подножия деревьев. Уточнённые черты лица высокого цвета слоновой кости, нежный взгляд от природы красиво очерченных ореховых глаз, губы, шелковистостью не уступавшие лепесткам чайной розы - это портрет ожил, ведь земная красота такой обычно не бывает.

Вода встретила гостью со всей присущей ей мягкостью и покорностью. Слегка всколыхнулась, лаская гладкую кожу ног, и заботливо накрыла плечи, позволяя очаровательной пленнице раствориться в безмятежности и покое. Вдохнув расслабляющий аромат трав и цветов, девушка коснулась спиной стенки купели, откинула голову на свёрнутое толстым валиком полотенце и прикрыла уставшие глаза...

...Ранним утром, когда и птицы ещё не зацепили крыльями зелёные ветки и не принялись наперебой за переливчатые трели, её встретил на границе Ферран. Много и назойливо не

расспрашивал, как по обыкновению делали сердобольные служанки, так и сыпавшие вопросами, слово крупной из одного сита в другое, перебивая друг дружку. И ведь вовсе не с целью осведомиться о реальном положении дел, сколько под маской активной беседы выпытать пикантную новость, которую можно смаковать, обсуждая на кухне с товарками. Феррану же по званию полагалось быть кратким, что он и сумел продемонстрировать, а молодая госпожа сумела оценить.

Первым делом Стенден осмотрел сопровождение: не пьян ли кучер, не слипаются ли глаза у охраны, крепко ли привязан багаж, и надёжна ли упряжь. Лишь будучи полностью удовлетворённым от проведённого осмотра, скомандовал трогаться в направлении Торренхолла. Вот так просто, командно, без болтовни.

Мириан, впрочем, и не навязывалась на разговоры. Тем более, с военачальником, командовавшим армиями Стернса на землях родного ей Ллевингора. Именно приказами этого самого командира совершались разгромы крупных городов и пограничных селений. Именно под его командованием одерживались одна за другой победы и брались пленные, чью судьбу решал не только Стернс, но нередко и сам Ферран.

Кровавая слава шла намного впереди зрелого командира, которого знали и боялись все. Мириан не вмешивалась в военную политику брата, но и закрывать ладонями уши при обсуждении военных действий её не просили. А потому имя талантливого военачальника было ей тоже отлично знакомо.

Как пошли бы военные действия, будь в рядах Итора такой же человек? Гадать можно было, сколько угодно – хоть на бобовой гуще, хоть на куриных перьях. Ответ был один: такого воина у Итора никогда не было.

И ждать помощи Ллевингору тоже было неоткуда. Занесённое на отшиб континента, оно граничило лишь с Нолфортом, точнее, с его югом, с чьей стороны и получило агрессию. Маленькая, тихая страна оказалась под сапогом крупного и властного соседа.

Торренхолл же, благодаря своему расположению, был именно тем местом, вокруг которого всегда кипела жизнь. Торговые караваны, державшие путь на юг, запад и восток, не могли пройти мимо этих земель. А, значит, рынки и лавки в округе всегда были забиты самым нужным и качественным товаром. Здесь писались модные книги и игрались по ним спектакли; обменивались опытом алхимики; ковалось оружие; устраивались грандиозные ярмарки. Люди стремились в эту провинцию отовсюду. У некоторых получалось выдержать бешеный ритм юга, другие же возвращались обратно домой, захватив с собой только бурные воспоминания, причем, не всегда позитивные. Но чем в большей роскоши утопал Торренхолл, чем больше блеска и зрелищ требовали жители, тем быстрее пустела казна Стернса, не успевая пополняться даже за счёт высоких торговых пошлин.

От границ до Торренхолла путь неблизкий, и первое время Мириан развлекала себя разглядыванием окрестностей. Непривычно было наблюдать ровную и спокойную жизнь. Перед глазами сразу вырастали другие картины: опустошенные земли Ллевингора, принявшие на себя первый удар и не выстоявшие. Словно две стороны одной монеты, где одна – ржавая, а другая отполирована до блеска, счастливые в мирском быту южные селения Нолфорта составляли резкий контраст близким сердцу Мириан ллевингорским деревням.

А потом показался замок. Величественный, холодный и настолько пустой, что даже эхо не наслаждалось своими позывными в уголках покинутых залов, а торопилось прорваться сквозь небольшую оконную щель на улицу, чтобы не сойти с ума в бездонной пустоте. Словно брошенная любимым хозяином собака, замок готов был скулить от тоски, и даже переступившая его порог Мириан не изменила положения вещей.

И всего этого ей предстояло стать хозяйкой...

Ждала ли Мириан такой участи? Несомненно. Она была рождена королевой; этой мыслью она жила с пелёнок. Каждое её движение было predetermined, каждое слово – тщательно выверено. Она не могла позволить себе фривольностей жизни легкомысленных подданных, как, впрочем, и свободы мысли. А потому брак по расчёту понимался ей как нечто, предписанное и положенное по статусу и происхождению.

Мириан уже сейчас любила своего будущего мужа. Даже ни разу не повидавшись с ним. Не имея шанса услышать его голос или почувствовать дыхание.

Она любила его той высокой любовью, какую должна испытывать королева, неважно, настоящая и будущая, к своему наречённому супругу. При этом, каждый человек в её окружении по-разному относился к племяннику и наследнику нолфортского короля: Итор Гайларда искренне ненавидел, презирал и боялся; придворный лекарь выражался по большей части осторожно, не

углубляясь в детали; прислуга всё чаще охала и причитала, жалея госпожу. Сама же Мириан покорно приняла решение брата и полюбила Гая, как только ей сказали его полюбить. Не ведая и части глубины этого чувства, она была уверена, что уже испытывает его и сможет наполнить взаимностью их с Гайлардом брак. Род Стернсов найдёт продолжение в наследнике Гая, и имя Мириан впишется в его великую многовековую историю.

Внезапный всплеск заставил Мириан вздрогнуть и очнуться от далёких мыслей о ближайшем будущем. Это молодая служанка подлила несколько ковшей горячей воды в остывающую купель. Расслабленно выдохнув, Мириан провела руками по воде и опять закрыла глаза.

Она прибыла в замок несколько часов назад. И везли её не центральными улицами, а окольными путями, не привлекая внимания простого люда и зевак. Ферран и тут всё продумал и просчитал. Торренхолл продолжал бурлить насыщающими день событиями, но узреть самое главное дали лишь избранному десятку душ, и то одетых в воинские доспехи.

Пустой, отдающий мраморным безразличием, замок встретил Мириан холодно. Натянутость улыбок прислуги молодая госпожа смиренно проглотила. К молчаливости Феррана за день привыкла. Но церемонное равнодушие не торопилось сменяться домашним теплом и приветливостью.

Каждый шаг Мириан отдавался громким эхом в уголках пустых, вытянутых коридоров. Двери в большинство залов были закрыты – лишь пара-тройка отозвались благозвучным скрипом и отворились. Обутая в лёгкие, обитые шелковой лентой, туфли нога ступила в одну из затемнённых комнат. Рука медленно провела по плотно задёрнутым портьерам, раздвигая их и пропуская в помещение свет. Бойко прыснув, тот тут же ударил в стену и, отпрыгнув, упал на банкетку, обитую дорогим серым панбархатом. Пёстрые, в лазурно-шафрановую клетку, подушки придавали разнообразия унылому мышинному цвету и, купаясь в лучах закатного солнца, приносили в интерьер уют и тепло.

На противоположной от окон стене висело с десяток портретов. Чужие лица, чужие судьбы, что через несколько дней в одночасье прикажут Мириан называть их семьей, гордиться родством с ними, хоть и косвенным, а через пару лет и вовсе, кроме них, не признавать никого, даже родного брата.

Воспоминания об Иторе придали тепла сердцу Мириан. Уже будучи девушкой на выданье, она понимала, что вместе им жить осталось недолго. Время детских игр давно прошло, и его удел – управлять доставшимся ему на правах старшего брата наследством, а её – составить счастье какого-нибудь лорда, желательно побогаче и повлиятельнее, чтобы тем самым обеспечить Ллевингору протекцию. Кто же мог подумать в то безмятежное время, что «счастье» совсем рядом, по ту сторону границы, а история супружеской жизни начнётся с холодного ветра, вынырнувшего из щели открываемых слугами ворот.

Скользнув взглядом по портретам, Мириан остановилась на одном из них: горделивого вида мужчина с королевской осанкой и правильными чертами лица, и устремлённым в никуда взглядом. Художник успел ухватиться за упавшую на лоб мужчины прядь тёмных волос и перенести столь неофициальный для высокой особы момент на холст. А мужчина, казалось, испытывал колоссальное равнодушие к тому, какие пируэты выделывают его волосы, и был готов к любому результату запечатления своего облика, лишь бы поскорее избавиться от назойливого живописца.

Но Мириан будто не замечала нарочитой холодности представителя рода Стернсов. Напротив. Ей несказанно хотелось, чтобы на портрете оказался её будущий супруг. Столь красив тот был и статен.

Дерзкие мечты? Мириан имела на них право. Её брат Итор был некрасив. За тяжёлыми портьерами их родового замка нередко просвистывал шепоток, что Итор даже уродлив. Вслух таких слов никто не говорил, но правда была, увы, налицо. Точнее, на лице и теле Итора.

Роды первенца проходили тяжело. Изнемогая от разрывающей боли, королева хрипло стонала в потугах выплюнуть из тела уже почти синего ребёнка. Надежд на спасение маленького измученного комочка не было никаких, но в тот момент, когда на руки повитухи, наконец, плюхнулось долгожданное тельце, старуха, остро прищурившись, вдруг смекнула, что шанс ещё есть. А когда комнату огласил громкий резкий крик, то пробудил к жизни выбитую из сил мать сильнее любой живительной воды.

Шли годы, и ребёнок быстро вырос в молодого наследника, научившегося искусно прятать комплексы под королевской тиарой. Какая кому разница, на правую ногу с рождения хромает правитель или на левую, если одного его кивка достаточно, чтобы удовлетворить не к месту разбушевавшееся любопытство эшафотом.

Лицом Итор тоже не вышел. Искривлённый рот и приплюснутый нос шарма не добавляли, а только распалили отвращение. Благо, к народу Итор выходил всего один раз в жизни и то во время коронации, все остальные три года своей власти отсиживаясь в стенах замка и даже не произнеся пафосной речи, чтобы воодушевить людей на борьбу с соседом-захватчиком. Эта ли безрассудность послужила толчком к отсутствию даже малой толики сопротивления, или просто неготовность армии – перетираться можно было, сколько угодно. Результат же был очевиден и выражался в весе увезённого из Ллевингора золота.

Тихонько скрипнула и отворилась дверь, а Мириан вздрогнула, прервав воспоминания.

– Я обходил западное крыло замка, госпожа. И увидел, что дверь приоткрыта. Никак не ожидал, что вы будете тут. Прошу простить.

Ферран согнулся в глубоком извиняющемся поклоне и собрался уйти, но был остановлен тихим голосом, подобном пению птиц ранним весенним утром, когда девственная нежно-зелёного цвета листва на деревьях ещё скручена в начинающие раскрываться почки, и сад усыпан бледно-лиловыми хрупкими крокусами. Никакой фальши, ничего лишнего – только чистота и естественное совершенство.

– Мне хотелось осмотреть замок... Он великолепен.

– Милорду будет приятно это услышать, – учтиво заметил военачальник.

– Вы говорили, он скоро прибудет? – Ферран никогда такого не говорил, но Мириан почему-то хотелось верить, что она слышала нечто подобное, пусть и из уст другого человека.

Ферран замешкался, размышляя, что ответить, чтобы не задеть чувств высочайшей особы.

– Он прибудет на днях. Неотложные дела заставили лорда Стернса в срочном порядке отправиться к южным границам. Все вопросы должны решиться быстро: наш господин не из тех, кто любит затягивать.

– Расскажите о нём, – внезапно попросила будущая хозяйка замка. Попросила так ненавязчиво и одновременно неожиданно, что Ферран, не раздумывая, подчинился и, собравшись с мыслями, начал.

– Вы знаете лорда Стернса как завоевателя, но поверьте, всего одна встреча с ним, и вы откроете его для себя заново. Милорд любим народом, он мудр и великодушен.

– Даже ллевингорцы полюбили его в тот день, когда он отвёл войска, – ироничная улыбка пробежала по губам, отразилась в глазах и тут же растворилась в бескрайней красоте.

Ферран сделал вид, что приятно удивлён, а сам вспомнил, как провёл два дня и бессонную ночь, уговаривая Гайларда свернуть военную кампанию. Стернс упрямылся и тоже не смыкал глаз под стать военачальнику, но отводить войска не хотел. И лишь когда совсем выбитый из сил Ферран заплетаящимся языком в десятый раз «раскинул» перед Гаем «карты», тот, к счастью вымотанного командира, узрел всю выгоду предложения.

Мир – вот чего страстно жаждали ллевингорцы, будучи готовыми заплатить за него любую цену. Затяни Гай войну – обозлились бы и, кто знает, нашли бы себе союзников или вооружились до зубов и сами ломанулись вперёд на захватчика отнимать награбленное обратно. Но пока патриотизм был задавлен глубоко в яму, нужно было пользоваться ситуацией и извлекать из неё выгоду.

– Именно, – отставив мысли в сторону, натянуто улыбнулся Ферран.

Беседа повисла в воздухе, не имея идей для продолжения, хотя по своей сути она и изначально была пуста. Мириан впопыхах перебирала в голове возможные темы для разговора, а Ферран, вытянувшись по струнке, молчал и сверлил взглядом холодный камин, считая про себя секунды, могущие по своей долготе сейчас сравниться с часами.

Не в силах ничего придумать толкового, Мириан в отчаянии закусила нижнюю губу и уже было смирилась с неизбежной участью чуждой для всех «хозяйки», которой не только не с кем поговорить в «своём» доме, но которую и за хозяйку то никто считать не собирался. Спас положение, как ни странно, сам Ферран, до сей поры стоявший каменным истуканом и вдруг выстреливший непривычным для самого себя же всплеском эмоций.

– Портрет и отдаленно не в состоянии передать всего благородства и великодушия лорда Стернса, но если намаственному холсту под силу утолить ваше любопытство...

Военный командир, подступиться к которому Мириан в ближайшие дни и не мыслила, внезапно

осёкся, поймав себя на мысли, что несёт полную околесицу. Зачем-то разглагольствует по поводу портретного сходства, при том, что его мнением особо никто не интересуется. Для Мириан же бурный поток пусть и несвязных несуржиц оказался приятнее ласковых касаний шёлка, пропитанного вязким и тягучим амбровым ароматом, и благозвучнее песней талантливых менестрелей, без гроша в рваных карманах, но с натёртый до блеска лютней.

- Так это и есть мой будущий супруг? - торопливо, глотая слова, перебила Мириан Феррана.

Её сердце наполнилось светлой радостью. Внешняя безобразность Итора и ежедневная надутость вкупе с молчаливостью уже давно стали в тягость, а других собеседников у девушки не было. Разве что придворный лекарь, но и тот слишком стар, чтоб поддержать интересную беседу, или слишком мудр, чтобы увлечься поверхностной темой. Ещё прислуга, но та не в счёт. Ни в отношении широты кругозора, ни внешней миловидности.

- Я могу быть вам как-то ещё полезен? - прозаически вклинился в радужные мечтания Ферран.

Безобидная фраза, абсолютно нейтральная и полная такта. Но такая холодная, пустая и безразличная, возвращающая из сказочной радости в одинокую обыденность. Попытка найти в военачальнике интересного собеседника провалилась, даже не успев начаться. Но Мириан только пожала плечами. Причём, в душе, а не по-настоящему. Перед командиром же она стояла, не шелохнувшись и даже не переведя на него взгляда, который продолжал быть прикованным к портрету хозяина Торренхолла - Гайларду Стернсу.

Ферран понял Мириан правильно. Слегка поклонился и вышел. А когда и шум удаляющихся шагов утонул где-то в конце длинного, по-мраморному холодного, коридора, комната вновь растворилась в пыльной тишине, в которой лишь тихое дыхание ллевингорской принцессы выдавало жизнь...

...Изящная рука вынырнула из воды и потянулась за тёплым отваром, поставленным прислужкой на край купели. Тонкий умиротворяющий аромат, вгоняющий в сон. Так кстати после тяжёлого дня. Первого дня новой жизни. И стоит ли в такой день полностью расслабиться и погрузиться в царство сна? Быть может, лучше взбодриться холодными каплями, брызнуть ими в лицо и на плечи и заново пережить случившееся, вспоминая каждую мелочь? Мириан предпочла первое и, сделав несколько жадных глотков, вновь нырнула в объятия тёплой воды.

Глава 14. С утёса - в море

Кристалльно чистые брызги обожгли спину Рики холодом. Дрогнув, она зажмурилась и отпрыгнула в сторону.

- Далеко не отходи, - голос Гайларда заставил девушку вернуться обратно. - Я велел тебе быть рядом, не более двух шагов от меня.

Рики открыла глаза и заполучила очередную порцию студёных капель на лицо и шею. Ледяные кристаллики умудрились пробраться под воротник, меж пальцев рук и даже к корням засаленных волос.

Гайлард стянул с себя грязную, пропитанную потом и кровью, рубашку, швырнул её на землю, наклонился, зачерпнул руками воду и плеснул себе на охваченное жаром тело. Потом ещё. Рики уже сбилась со счета, какая это была пригоршня. Основательно залитая, она присела на краешек валуна и более глаз не закрывала, даже если водяной холод росой оседал на коротких, словно тесаком обрубленных, ресницах.

Найденный в самой глубине острова ручей волнительно рокотал. Поток ледяной воды был безжалостен: препятствия огибал стремительно, на мелкие камни направлял острые струйки, которые, разбиваясь, превращались в несметное число хрустальных брызг, второпях перепрыгивающих друг через друга и переливающихся в воздухе цветами радуги.

Гайлард поднял с земли ранее скинутую одежду, вывернул её наизнанку, которая была немногим, но всё же чище, и обтёр мокрое тело. Впитав нагретую горячей кожей влагу, пошिताя из тончайшего льна рубашка вмиг превратилась в бесформенную тряпку, солёную и горько пахнущую.

Отбросив её в сторону, Гай опять наклонился к ручью и, зачерпнув воду в последний раз, умыл лицо. Тоненькие змейки побежали по лбу и щекам, спустились на колючую щетину, путаясь в ней, словно в лабиринте, и стекли на шею и уже обсохшую грудь.

- Мы на этом острове уже восьмой день... - вымолвила сидящая на валуне Рики.

- А твоя тварь так и не соизволила больше высунуть нос. - Гай расправил спину, хрустнул позвоночником и осмотрел заживающие на руках раны.

- Может, его уже и нет здесь.

- Есть, - голос Гая звучал твёрдо и уверенно. - Я слышу по ночам, как он скребёт когтями. А он слышит, как я дышу.

Гайлард окинул взглядом широкие деревья, чьи толстые крепкие листья плотно смыкались в неразрывную цепь, словно запирали Стернса в клетку, и добавил:

- Здесь всё ненавидит меня.

- Сэм бы давно выдал себя. Ему нужно где-то скрываться от дождя, есть что-то, в конце концов. Мы бы заметили.

- Есть? - Гай брезгливо фыркнул. - Кровищи ворон напьётся и будет сыт. Их, кстати, заметно поубавилось.

Рики поёжилась. О странных метаморфозах с цветом глаз и телом Сэма, свидетельницей которых ей довелось стать в пещере, она так никому и не сказала. Поведала только то, что узнала о теле и крови юного лучника. А чешуйки и янтарные глаза... Наверняка почудилось.

- Ты слишком далеко ушла, - грубо прервал воспоминания Гай. - Если эта мразь снова нападёт на меня...

- Это вы отошли слишком далеко, - бесцеремонно перебила Стернса Рики. - Я, как сидела на этом камне, так и сижу, а вам почему-то не терпится хвататься за колочек.

Рики махнула рукой в сторону раскидистого кустарника с шипами на ветках. Несколько иголок вцепилось в штанину Гайларда, когда тот прошёл от ручья в сторону зарослей.

Уже который день Рики была тенью Стернса. В полном смысле этого слова. Тенью подневольной, которая всегда рядом со своим хозяином, и слепо повторяет каждый его шаг.

В каждом углу, за каждым камнем Гайларду мерещился Сэм. Стернс почти не спал, а если и закрывал глаза, то требовал, чтобы Рики сидела рядом и следила за входом в пещеру. Никто не мог разубедить его оставить девушку в покое.

Первые часы после того, как Сэм сбежал, Гай только и делал, что допрашивал Рики, какая между ними связь. Его вопросы были жёсткими, грубыми, навязчивыми. Они сводили девушку с ума. А ещё его взгляд: дотошный, пытливый и невыносимый. В какой-то момент она была уже готова признать себя хозяйкой кого угодно, лишь бы допрос прекратился.

Каждый день Сэма упорно искали. Просмотрели все щели, тропинки, норы, но паренёк как в воду канул. А Гайлард не успокаивался. Чувство того, что Сэм за ним следит, превратилось в навязчивую манию, и даже Дагорм не знал лекарства от такого недуга.

- Значит, - Гайлард соизволил вернуться к ручью, плюхнулся на землю напротив валуна, где примостилась Рики, и вытянул ноги, - ты хочешь в Торренхолл...

- Очень хочу, милорд. Могу в караульные пойти. Стоять ночью на башнях замка мне ни капельки не страшно.

- А что ты умеешь?

- Девчонкой дралась с мальчишками на палках. Умею прыгать, бегать. Плавать вот не очень.

- Я это уже понял, - хмыкнул Гай, отломил тоненькую веточку зарождающегося кустарника, прикусил её кончик зубами и начал методично жевать, о чём-то размышляя.

- Когда опыта и навыков наберусь, могу к вам, в ряды вашей охраны, - продолжала тараторить Рики, качаясь на валуне.

Гайлард закашлялся.

- Мне ещё не хватало... - он вовремя прикусил губу, чтобы не вылетело слово, неподобающее его статусу, - девок рядом с собой.

- А сколько человек из вашего... да-да, лично вашего окружения спасло вас от Сэма, когда он напал? - Рики рубила с плеча. - Да они стояли, как вкопанные, когда он удирал! И никто не смог его остановить.

- А ты что же не остановила?

- А я пока ещё не служу вам.

Гай еле заметно улыбнулся уголками губ, словно такая откровенно напористая наглость была ему по вкусу.

- Я подумаю, - наконец, вымолвил Стернс. - Если мы поймаем и убьём тварь, ты будешь мне уже не нужна.

- Но, милорд, - Рики с трудом подбирала слова, - Торренхолл - для меня всё. Это не деревня, это совсем другое. Его башни, стены... - Девушка говорила горячо и искреннее, не задумываясь о возможной реакции со стороны господина и хозяина юга. - Все только и делают, что твердят: «девчонка, девчонка». Ну, а если сердце не знает страха, если руки крепкие, и сельская глушь только наводит смертельную скуку?

- Тихо, - вдруг грубо оборвал девушку Гай. - Ты слышишь?

Оба замолкли и застыли на месте, прислушиваясь и вглядываясь в густую, кишачую змеями листву. Медленно и совсем неслышно Гай сделал несколько шагов к самой воде, вытащил воткнутой в землю меч, второй рукой взял Рики за локоть, поднял её с гладкого валуна и притянул к себе. Та прижалась к его хоть и давно высохшему, но ещё холодному от ключевой воды, телу, нащупала на поясе чехол с ножом и замерла.

Меж деревьев не шли, а ползли. Осторожно, тщательно выбирая, какую ветку обогнуть, на какую взобраться, а с какой сползти на землю, чтобы продолжать двигаться меж камней и зарываться в опавшие листья и высокую траву. Пару раз до Гая и Рики донёлся лёгкий свист. Потом кто-то прыгнул и тяжело приземлился в вязкую жижу. А затем снова шелест и сводящий с ума однообразный шорох.

Гай переступил с ноги на ногу. Несколько камешков выпрыгнули из-под подошвы сапога и осыпались к ручью.

- Пару шагов назад, - еле слышный шёпот прямо над ухом Рики, и ноги сами отступили вслед за тем, кто отдал приказ.

Меч в руке Стернса поймал в густой листве скудный плевок солнца, и металл ярким блеском на секунду ослепил Рики. Та прищурилась и отвернула голову в сторону. Взгляд упал на большой

серый камень всего в нескольких шагах от неё. Сухие листья, опавшие с деревьев и не успевшие сгнить, слегка подрагивали, будто подпрыгивали в такт чьей-то поступи. А прямо над камнем раздвинулся папоротник, чтобы пропустить мимо себя едва заметный блеск янтара. Рики вздрогнула. И тут же была ещё крепче прижата сильной рукой Гая.

- Не шевелись, - прошептал он. - Эта тварь рядом, я чувствую.

В воздухе повисла такая тишина, что можно было услышать, как бьётся сердце лягушки. Монотонное журчание ручья действовало на нервы, и на его фоне любой шелест был подобен раскату грома.

- Бу!

Листья громко хлопнули прямо надо головой девушки, и на настороженных Гая и Рики выскочил взъерошенный Рин. Выскочил и тут же отпрыгнул в сторону, чуть не напоровшись на острие клинка. Споткнулся, покатился кубарём к ручью, собирая на себя клочья земли, сухую траву, муравьев и жуков.

- Дурак, - выплеснула Рики и гневно сверкнула глазами. - Тебе твоя жизнь вообще не важна?

Рин встал на ноги, потирая ушибленные места, и виновато посмотрел на Стернса.

- Простите, милорд. Я вас как-то не разглядел. Хотелось взбодрить эту страшиллу. Она так визжит, когда пугается.

- Паяц, - процедил Гай, опуская меч и отстраняясь от Рики. - Кораблей на горизонте не видно?

- Ни одного, милорд. Я уже и на утёс забирался - оттуда горизонт хорошо проглядывается. Ничего нет.

- Где остальные?

- Рыщут по вашему приказу. Только старикашка ничего не делает. Сидит себе и бубнит под нос.

- Он мне нужен, - обронил Гай и быстрым шагом пошёл вперёд.

На самой вершине крутого утёса была ветрено. Направление ветер постоянно менял, и не угадать было, спиной к нему сесть или лицом. Как ни повернёшься, тот всегда добивался своего: наполнял уши, ноздри и даже глаза сухим, колючим песком.

Дагорм внимания на ветер не обращал. Сгорбившись, он сидел неподалёку от ссохшегося куста и чертил палкой круги на песке. Если налетал ураган и половину кругов сдувал, старик с завидным упорством начинал чертить заново. Он даже не повернул голову, когда рядом плюхнулся Гай. Шаги Рики и Рина тоже услышал, но для него они были что царапанье крысиных лап в подземелье.

- Кораблей всё нет, - выдавил Гай и тоном своего голоса расписался в собственном поражении.

- Их и не будет, милорд, не ждите, - промычал старик. - Нас может спасти только чудо.

- Говори, что знаешь.

- Этот остров - порождение злой силы, лорд Гайлард. И я не уставал доносить это до вас ещё в Торренхолле. Чем больше я размышляю об острове, тем больше прихожу к мысли, что он живёт своей собственной жизнью. Это живой организм, милорд. Это не просто кусок земли, окружённый водой.

Дагорм выдержал длинную паузу и продолжил:

- Остров не стоит на месте. Посмотрите на заходы и восходы солнца, на луну. Остров постоянно меняет своё местоположение в море. Я и сам долго не верил, но факты налицо: звёзды, положение небесных светил... А вспомните, что говорил тот мальчик, - старец кивком указал на Рина. - Дно другое.

- Точно! - вскрикнул Рин. - Я так говорил. Оно и вправду другое. И эти папоротники кругом. Не было их раньше. Два-три куста росли, а сейчас здесь непроходимые джунгли. Не могло же за месяц столько повылазить.

Дагорм выразительно молчал, слушая Рина. Как только тот угомонился, старик вновь развернулся к Стернсу.

- Остров движется, милорд. Он даже дышит и спит, как мы спим по ночам. Сегодня на нём песок и терновники, а завтра сочное разнотравье вырастает прямо на сухих трещинах. А прибрежные скалы, из-за которых мы все чуть не лишились жизни? Доверьтесь моему чутью, на этом острове не было раньше скал. Остров родил их специально, чтобы встретить нас. Это его зубы, задача которых - измельчить нас в мелкую крошку.

- А тварь? - голос Гая дрогнул. - Его никак не найдут.

- Знать бы, кого мы ищем, - осторожно заметил Дагорм. - Человека или зверя.

- Он выглядел как Сэм, когда мы его поймали.

- А когда он на вас напал, как он выглядел?

Гайлард скривился, предаваясь воспоминаниям, а раны сразу заныли.

- Я плохо что помню. Лишь когти и клыки.

- Наш Сэм лежит на берегу мёртвый, без крови и внутренностей. А другой Сэм бегает по острову. И он силён и ловок. Так как прикажете это понимать? Кто же тот мальчишка, что напал на вас? Человек? Наш Сэм? Или чудовище под личиной Сэма? Здесь без книг не обойтись...

- Опять твои книги, - поёжился Гай, но в этот раз голос Стернса звучал уже не так уверенно и жёстко, как раньше.

Дагорм же гнул свою линию.

- Давным-давно я открывал одну старую книгу. В ней говорилось о змеях, способных проглатывать жертву целиком, раздуваться, принимать её размеры и цвет шкуры. Так, змея могла стать серым слоном или пятнистым леопардом. На время. Пока обед не переварится. Потом же снова становилась змеей. Мне бы ту книгу сейчас...

Старик мечтательно прикрыл впалые глаза и начертил новый круг.

- Я не знаю, кто он, но я хочу его смерти, - процедил сквозь зубы Гай, глядя на пустой горизонт. - И я сделаю всё, чтобы он сдох.

- Чудной мальчик назвал нашу девицу хозяйкой. - Дагорм открыл глаза и внимательно посмотрел на Гая. - Я всё думаю, почему. Слишком много непонятного... - Старик покачал головой. - Слишком много.

- Чего проще узнать, почему, - Рин подкрался к Рики и дунул ей в ухо, а после зашептал: - Надо просто поймать зверя на живца. Привяжем тебя к дереву, пустим на тебя змею, и, если тот прыткий на острове, он сразу примчится тебя спасать.

- Ты случайно, когда последний раз в воду прыгал, головой о камни не прикладывался? - обернулась девушка.

- А что? Хороший же план.

- Я с тобой даже рядом стоять после такого не хочу.

Рики сделала шаг в сторону, но Рин шустро схватил её за руку, не давая уйти дальше.

- Эй, отпусти!

- Я как бы про должок хотел напомнить, - Рин растянул губы в мерзкой улыбке, - а то заскучал я сильно тут уже. Раковин в море нет, делать нечего, хоть с тобой развлекусь.

- Ничего я тебе не должна.

- А спор в деревне?

- Чушь, а не спор.

- Вот, значит, как? Завралась, наболтала всего, на всё согласилась, а теперь, как рак, пятишься назад? Хотя, я сам дурак. Мог бы догадаться, что с гарнизонной подстилкой лучше не связываться.

- Что ты сказал?

Из-за спины Рина вырос Дален.

- Я ж просто пошутил.

Рин резко развернулся и отпрыгнул назад от брата Рики.

Но вот Дален шутить был не расположен. Прищурился глазами, он разгневанным взглядом сверлил Рина. Каждый мускул лица напрягся, и молодой человек стал похож на дикого зверя, готовившегося к прыжку.

- Да не бери в голову. Никто твою сестричку обидеть не хотел, - юлил Рин.

- Ещё одно слово про Рики, и я от тебя живого места не оставлю.

- А что ты сделаешь? - вскинулся паренёк, отступая на несколько шагов назад и сжимая правую руку в кулак.

Дален не стал отвечать, а лишь в несколько прыжков нагнал Рина. Подобно вспышке молнии, удар в челюсть свёл зубы, и во рту проступил солоноватый, с оттенком ржавчины, привкус. Рин мотнул головой и сплюнул кровью.

- Ещё?

Рин почувствовал, как одежда, крепко захваченная Даленом у шеи, сдавливает горло и не даёт дышать и говорить. Получалось только хрипеть.

- Бей, сколько хочешь. Правду не изменишь.

- Какую ещё правду? - Дален ослабил хватку, за что тут же поплатился, получив удар коленом в живот, скорчился и согнулся.

Ни секунды не мешкая, Рин отбросил от себя противника, выдохнул, покачал головой, хмыкнул и вытер кровь с уголков губ.

- Хочешь правду, дружище? Так подавись.

От привкуса крови во рту кружилась голова. Рина вело, как пьяного, и сильно хотелось ужалить того, кто стоял напротив, ещё сильнее.

- Твоя сестра - мелкая лгунья. Это мы с ребятами напоили её и забросили сюда вместо Дени. Поржать и разоблачить на месте. Разоблачили. А ещё уже вся деревня знает, с каким письмом она вернулась из Торренхолла. Твоя Аделька всем растрепала. Скрой позор - выдай девчонку замуж и поскорее, а то, кто знает... может, она уже и ребенка среди гарнизона нагуляла. Оно же как... и не то бывает, когда по ночам с дозорными шастаешь.

Новый удар заставил замолчать.

- Вы не остановите этот балаган? - обеспокоился Дагорм, переведя взгляд с сцепившихся моряков на Гайларда.

Стернс лишь равнодушно пожал плечами.

- Пусть петушатся. Пусть хоть поубивают друг друга - мне до них нет никакого дела.

- Посмотрите на девушку, милорд. На ней же лица нет.

Рики действительно была бледнее снега, а и без того большие глаза на узком лице казались ещё больше. Нервно кусая губы, она уже почти ринулась в самое пекло драки и встала между Рином и братом, как вдруг её схватили и потянули назад.

- Я не люблю, когда мне врут, - шею Рики обдали горячим дыханием, а по телу пошли мурашки.

Девушка развернулась и оказалась лицом к лицу со Стернсом.

- Остановите их, милорд, - а сама ещё сильнее закусила губу и краем глаза покосилась в сторону, где, сцепившись, Рин и Дален оба повалились на горячий песок.

Гай же сохранял полное отсутствие интереса к тому, что происходило совсем рядом. Будто между ним и деревенщиной выросла непробиваемая стена.

- Этот шут говорил правду? Ты спишь с моими дозорными?

- Только убираю комнаты капитана Швидоу.

Гай многозначительно присвистнул.

- И спишь с его безмозглыми караульными? Хорош Швидоу! Развёл бордель.

- Да нет и не было ничего! - в сердцах выкрикнула Рики. - Рин врёт всё.

- Как будто, от тебя я слышу только правду. И, знаешь, я не буду останавливать твоих дружка и братца. Пусть задушат друг друга. Твой брат тоже врал мне про твои способности. Там. В лодке.

Это был удар, на который трудно было ответить. Тем более вразумительно. Тем более в тот самый момент, когда барахтающийся в пыли Рин со всей силы врезал Далену кулаком в висок, вскочил на ноги и бросился бежать. В ту же секунду Рики вырвалась из тисков Стернса и кинулась к брату. Дален тряхнул головой, приходя себя, и приподнялся на локте.

- Где Рин? - тяжело дыша, прохрипел он, опираясь на плечо сестры и вставая на ноги.

- Хватит, - та чуть не рыдала, - нашли из-за чего друг друга мутузить.

- Я спросил, где он?

Дален рыкнул с такой злобой, что Рики сжалась, словно вместо незатейливого вопроса прозвучало предупреждение о порке. Но сдаться не сдавалась и ответила в том же духе:

- Да прекратите уже!

А сама вцепилась в руку брата и забегала глазами по сторонам в поисках маломальской поддержки. Но где там... Старик в огонь не полезет, во взгляде и на губах Стернса усмешка и ехидное любопытство. Будто сам лично повернул засов на клетке, впустил льва к тигру и теперь наблюдает, кто возьмёт верх. Того и гляди, ещё кусок мяса подкинет, чтоб совсем разорвали друг друга на части. Или уже подкинул?

Рики поджала губы и отвела взгляд. И даже не заметила, как холодные пальцы, сомкнутые в замок чуть выше локтя брата, сами собой разомкнулись. Разъярённого зверя больше ничто не держало.

- Ну? Слабо оказалось со мной тягаться?

Дален сплюнул кровью на горячий песок и направился к краю утёса. Там, среди камней и колючих кустов, низких и потрёпанных на ветру, стоял Рин. Тяжело дышал и нет-нет да и смотрел вниз, где мятежная волна разбивалась об острые каменные зубы.

- И тебе, я погляжу, мало? - Рин оскалился в ответ.

- Извинись перед Рики.

- Твоя грязная сестрёнка ещё пока не королева... И никогда ей не станет. Эт за ней должок, пусть она на коленях и ползает.

- Ты плохо меня слышал?

- А что ты сделаешь? Опять врежешь?

- Размозжу твою голову об эти камни. Дурь из неё уже ничем не выбьешь.

Рин хитро усмехнулся и голосом, каким обычно заманивают в ловушку, проронил:

- Ты поймай сначала.

И сорвался вниз с утёса прямо в бушующее море.

Рики ахнула, с истеричными криками бросилась к брату, но было поздно - Дален прыгнул следом. В тёмно-синюю пучину, ходившую высокими волнами, что разбивались о прибрежные скалы и шипели пеной.

Он вынырнул быстро, отплевался, повертел головой по сторонам. Рина на поверхности не было. Глубокий вдох - и снова с головой под воду, где только водоросли и вросшие в морское дно камни.

Не мог же этот мерзавец раствориться!

Снова вверх, к той грани, за которой начинается жизнь в виде глотка воздуха. Снова солнце бьёт в глаза, и снова никого нет ни рядом, ни дальше. Рин не мог так просто исчезнуть... И ко дну пойти не мог. Этот сам кого угодно потопит, но на берег выкарабкается. Сидит сейчас, наверно, спрятавшись за скалой, зарыв ноги в песок, и ухмыляется. Трус. Обычный трус. Слабак и балабол.

Прохладная вода остудила пыл. Ветер усилился, всё сильнее будоража и дразня волны. Те в ответ забеспокоились и ударили о берег с такой мощью, что от одной из каменных пик откололся кусок и с громким всплеском рухнул в море.

Нужно снова уходить на глубину. Так легче и проще добраться до суши. В обход опасных скал. И пусть на поверхности бушует буря, а ноги путаются в длинных, в несколько ярдов в высоту, водорослях, но так будет спокойнее.

Внезапно Дален дрогнул. Его крепко обхватили за ноги и резко дёрнули на себя. Только и хватило что одного мига, чтобы сделать рваный вдох, и голова сразу оказалась под водой. Барахтаясь, Дален нащупал на поясе чехол, рванул на себя нож, годный не только, чтобы раковины вскрывать, попытался потянуть ноги на себя, чтобы высвободиться, но противник обладал хваткой недюжинной и не сдавался.

Ещё и ещё ниже, на самое дно, и запас воздуха почти иссяк. Но вдруг тиски ослабли, и в одно мгновение из ниоткуда перед Даленом вырос Рин. Ухмыляющийся, довольный и словно вопрошающий: «И кто из нас слабак?»

Плюнуть бы ему в рожу, но дышать уже немогуту. Из последних сил оттолкнувшись ногами, Дален помчался к свету. Прорезал головой границу между жизнью и смертью, засипел и, жадно глотая воздух, прикрыл глаза, подставив их уходившему за тучи солнцу.

- Ты чуть не сдох, - Рин ржал рядом. - Как я тебя, а?

- Кретин, - прохрипел Дален.

- Сестрёнке передай, что обязан мне жизнью. Пусть ночью приходит должок отдавать. Она знает, как я люблю.

Замах по максимуму, и рука, сжимавшая в кулаке нож, прошлась по лицу Рина. Холодное лезвие больно ужалило загорелую кожу, как ужалило и пальцы. Кулак разжался, кровь проступила и капнула в море, растворяясь в нём.

- Ах ты, гад!

Рин наскочил на Далена и, топя того, ушёл вместе с ним под воду. Оба барахтались, насколько хватало сил, но если у одного они были на исходе, то второй, казалось, подготовился основательно.

Цепкие пальцы обхватили шею Далена и сдавили так, что у того потемнело в глазах. Рука метнулась вверх, чтобы сорвать душащие оковы, но сдалась под натиском судорог, пальцы разжались, нож выскользнул и пошёл на дно, где тут же затерялся среди водорослей, ила и камней. В мутной воде и в бесконечной чехарде крошечных пузырьков велась схватка за жизнь, и победитель был уже ясен.

Последний жалкий рывок, последняя неловкая попытка высвободиться, но Рин не уступал. И пусть воздуха в лёгких хватало ещё на чуть-чуть, но желание дожать Далена было сильнее, чем ломануться вверх, к свету, и тем самым подарить противнику слабую надежду на спасение.

Глаза закрылись сами собой. Тёмную синеву моря замазали сажей. И прежде, чем упала последняя капля, после которой начинается вечная кромешная мгла, черноту прорезала молния. Яркая, мощная, беспощадная.

Сдавливавшие горло пальцы вмиг отпустили жертву, ноша, в виде Рина, была скинута, глаза открылись, Дален обернулся и замер на месте от увиденного.

В нескольких футах от него в собственной крови, перемешанной с солёной морской водой, барахтался Рин. В широко распахнутых глазах читался ужас, руки и ноги дёргались, а грудь была вспорота. Из-за спины Рина показалась голова, узкие янтарные глаза вперились в Далена взглядом, полным ненависти, рот раскрылся, и вместо зубов вперёд проступили острые клыки. Лево́й рукой чудовище обхватило Рина за голову, вытянуло вперёд правую, где вместо ногтей на пальцах были длинные когти. Хищно оскалившись, клыкастый сверкнул глазами и чикнул когтями по шее Рина. Один раз спереди. Один раз сзади. Тело деревенского паренька качнулось и стало медленно оседать на дно, а голова застыла в лапе зверя.

С последней каплей воздуха Дален рванул вверх. Тёмная вода становилась светлее и светлее, и до заветной грани оставалось совсем чуть-чуть, когда молодой человек всё же обернулся и бросил взгляд вниз. Там, в кровавой синеве, уже никого и ничего не было...

Когда ступни коснулись сухого песка, ноги не выдержали и подкосились. Рухнув на колени, Дален тяжело дышал. Во рту стоял неприятный привкус крови: то ли его собственной, то ли... От этой мысли Далена вырвало. Сердце стучало так, словно готовилось выпрыгнуть из груди. По телу прошла дрожь. Молодого человека бросало то в жар, то в холод. Не выдержав, он повалился на бок и тихо застонал.

Песок шелестел - по нему бежали. Быстро. А добежав, набросились на Далена, развернули к себе,

прижались к мокрой груди и выпалили:

- Ты жив.

Рики провела тёплой рукой по мокрому лбу брата. Несколько солёных капель упало с тёмных прядей его волос на песок.

Жив. Он жив. Пока ещё жив.

Эти мысли придали сил. Дален приподнялся на локте и встал на ноги.

Времени нет. Ни одной песчинки времени нет. Ни одного лишнего луча солнца.

- Меч, - пробормотал Дален, шатаясь. - Мне нужен меч.

- Тихо-тихо, - Рики вцепилась в руку брата. - Где Рин? Что между вами произошло? Что ты с ним сделал?

- Что ты сделал с мальчишкой? - суровый голос принадлежал Гайларду, буквально выросшему из-за спины Рики.

- Ничего, - мотнул головой Дален, прогоняя очередную волну слабости, сильно сейчас мешающую.

- Мы видели кровь, юноша, - осторожно вставил подоспевший Дагорм. - Если вы вспороли брюхо акуле, то это замечательно. Но хотелось бы знать, где мальчик?

- Это была не акула, - выдавил Дален. - Это был Рин.

Рики прикрыла рот рукой, чтобы с губ не сорвался крик.

- Соберите вашу охрану, милорд. - Дыхание сбивалось, голова кружилась, но Дален терпел до последнего. - Прикажите достать мечи, рубить и вязать деревья. Нам нужен плот, большой и крепкий, способный достичь берегов Нолфорта и не разбиться. Нужно убираться отсюда скорее, пока он нас всех не сожрал.

Гайлард насторожился.

- Так что с мальчишкой? - повторил он свой вопрос, а голос дрогнул, и Дален понял, что ответ Стернс уже знал.

Дален кивнул.

- Он перерезал ему когтем горло, милорд.

И вновь затошнило столь сильно, что Дален еле сдержался, чтобы не согнуться пополам и не отплеваться.

- Значит, ты его видел... - протянул Гай, многозначительно покосившись в сторону Рики.

- Видел, ваша светлость. И это не человек. Это зверь в человеческом теле.

- Зверь... - Гай думал, наморщив лоб.

- Нам нужно уходить... скорее... - запинался Дален.

- Милорд!

К собравшимся на берегу бежали два лучника. Оба бледные, растерянные и до смерти напуганные.

- Милорд...

Тот, что был повыше, добежал быстрее и, через слово кашляя, начал путано говорить:

- Там... у входа... у входа в пещеру... где большой куст... вы ещё говорили, разросся не на шутку... там...

- Что там? - раздраженно спросил Стернс, уже предчувствуя, что ему скажут.

- Джай и Аллен, милорд... Мёртвые.

Глава 15. Долгая ночь

Дагорм поддел палкой руку одного из мёртвых лучников, покачал головой и прошамкал:

- Та же история. Внутренностей нет, крови тоже. Ни одной капли. Смотрите сами, милорд.

И отступил в сторону, позволяя Стернсу приблизиться.

Гай присел рядом с тем, что осталось от стражника, провёл пальцем по вспоротой груди и бросил:

- Они убиты, а их оружие нетронуто. Ни мечи, ни луки.

- Видимо, не оружие главное, - заметил старик.

Гай повернул голову в сторону советника.

- А что тогда?

- А вы не догадываетесь?

- Опять будешь припоминать мне древние легенды и твердить, что остров проклят?

- Что толку говорить об этом сейчас, если вы не прислушались к советам старого больного слуги, когда это было ценнее всего? Правы были наши предки или нет, сейчас это не имеет никакого значения.

- Вот именно, - пробормотал Стернс, - болтовня бесполезна, и нужно действовать.

Гайлард поднялся, развернулся к стоявшим за спиной.

- Возвращаемся на берег. Будем рубить деревья и вязать их. Нам нужен крепкий плот и поскорее. Ты, - глаза смотрели на Далена, - возьмишь один из мечей и этих двоих на подмогу.

Пальцем было указано на лучников, принёсших печальную весть.

Приказ был понят и принят. Дален наклонился к одному из мертвецов и вцепился руками в холодную рукоять клинка. Дёрнул на себя, и мертвец тоже дёрнулся. Голова перевалилась на бок, и стеклянные глаза посмотрели на моряка так странно, будто говорили: «Ты следующий».

- Ты, - Рики дрогнула, когда Стернс вдруг перевёл цепкий взгляд на неё, - ищешь любой сухостой, любые щепки. Разводишь костёр, самый большой, и бросаешь туда всё, что горит долго. Чем чернее дымить будет, тем лучше. Старик поможет. Я буду рад любому кораблю, который нас заметит...

- Не лучше ли это делать на утёсе? - спросил Дагорм. - Место высокое, шансов, что заметят быстрее, больше.

- Нет, - отрезал Гай. - С этой минуты я хочу, чтобы все держались вместе. По одному эта тварь легко каждого из нас перебьёт.

- Учитывая ночные дожди и сильную влажность, над приличным костром придется колдовать долго.

- Я даже слышать ничего не хочу, - Гайлард был раздражён. - Мне просто нужен столп дыма до небес.

- Ну, что же может быть проще столпа дыма? - проворчал себе под нос старик.

Второй меч и луки со стрелами были подняты с земли. Больше с умерших брать было нечего - разве только грязную одежду и сапоги, но никто не решился.

Стернс шёл впереди, шагал широко и быстро, не обращая внимания ни на колючки, впивавшиеся в ткани его одежд, ни на змеиные головы, свесившиеся с деревьев и разинувшие пасть. Последние он просто рубил, когда видел - меч был всегда наготове.

Рики старалась не отставать. Вначале вцепилась в руку брата и вторила его темпу, но быстро выдохлась. Пришлось даже остановиться на время и перевести дыхание. Но, стоило расстоянию между ней и Стернсом увеличиться, как Гай резко обернулся и недовольно крикнул:

- Я приказал всем держаться вместе!

Рики тяжело дышала.

- Иду, - выдавила она, вытирая пот со лба. - Иду, - уже чуть спокойнее, чувствуя, как недолгая

остановка более менее привела в чувство.

До берега оставалось совсем немного. Прорубленная ранее тропинка вильнула вправо. Перелезть через три дюжины кустов, перешагнуть через каменные завалы, пробраться через непролазные заросли папоротника – и на месте. Там, где бушуют волны и можно поймать краба на ужин. Но воздух такой влажный, и тучи разбежались, и солнце опять палит нещадно, что каждый шаг, хоть и приближающий к цели, даётся с трудом. А ещё по сторонам, не прекращая, всё шуршит, извивается, шипит и... свистит.

Замыкающий процессию рябой стражник прислушался. Свист повторился, и это была не птица. Вне сомнения, свистел человек.

Рябой паренёк напрягся и чуть замедлил шаг, внимательно вглядываясь в сливающиеся в сплошную непроходимую стену зелёные джунгли. Никого. Даже змеи скрылись. И свист почему-то тут же прекратился, зато послышались неторопливые шаги. Как будто кто-то крался там, за стеной из листьев. Крался и не сводил пристального взгляда с молодого лучника.

Дрожь прошла по всему телу. Губы разомкнулись, чтобы окрикнуть остальных, далеко ушедших вперёд, но невидимой рукой внезапно сдавили горло, и наружу вырвался только сдавленный кашель, который никто не услышал. Мясистые листья раздвинулись, и из кишасей кобрами чащи высунулась покрытая чешуей лапа с когтями-лезвиями, а следом за ней янтарём блеснули по-змеиному узкие глаза, и на паренька выскочил получеловек-полужверь. Тот, кто всего неделю назад своей внешностью очень сильно напоминал погибшего Сэма.

Стальной меч выпал из рук молодого воина, звякнул о камни и провалился в высокую траву. А сам парнишка оказался прижатым к толстому и колючему стволу огромного дерева, кривыми ветвями уходящего высоко-высокого в небо. С места не сдвинуться, рукой-ногой не пошевелить – вокруг ствола в несколько колец обернулся жирный удав, намертво пригвоздив жертву к дереву. Чужак приблизился, и его жаркое дыхание опалило рябое лицо, а острый коготь коснулся горла. Одно неосторожное движение – и он прорвёт кожу и вонзится прямо в вену.

Однако убивать «зверь» не спешил. Покрытое чешуёй, словно коростами, лицо, было настолько уродливым, что перепуганный до смерти стражник зажмурился. А когда, сто раз мысленно распрощавшись с жизнью, но так и не дождавшись решающего удара, глаза открыл, то увидел, как чешуя медленно сходила на нет, возвращая уродливой морде человеческие черты. Черты лица Сэма.

– Жить хочешь? – по-змеиному мерзко прошипело чудовище, а раздвоенный на кончике длинный язык высунулся и подцепил пролетающую мимо жирную муху.

Рябой парнишка нервно сглотнул.

– Х-хочу, – заикаясь, выпалил он и облизнул сухие губы.

– Тогда помоги мне, – шёпот и взгляд янтарных глаз продолжали гипнотизировать.

– Сделаю всё, что хочешь, только не убивай меня, – пролепетал несчастный, а по спине прошла холодная струйка пота.

– Мне нужен твой хозяин...

– Лорд Стернс? – дрожа, переспросил парнишка.

– Тот, кому ты служишь и кого оберегаешь от меня...

– Лорд Стернс, – последовало утверждение.

– Один, – отрывисто говорил клыкастый. – Без неё. Здесь. Как можно скорее.

– Лорд Гайлард никуда не ходит один, – пролепетал стражник.

– Жить хочешь? – вновь задал вопрос «зверь» и надавил когтем на шею.

Паренёк кивнул, и клыкастый опустил руку.

– Твой хозяин. Один. Сегодня ночью, – повторил он и сделал несколько шагов назад, теряясь среди мясистой зелени и ярких цветов.

Удав, немного помедлив, ослабил хватку и не спеша зашелестел прочь.

Болело всё так, будто его не просто сдавили, что кишки наружу, а порезали тупым ножом в разных местах и раны посыпали солью. Одной рукой нашарив в высокой траве упавший меч, паренёк не с

первого раза, но поднял его. Хватаясь за тонкие ветви деревьев, шатаясь из стороны в сторону, словно пьяный, мальчишка доковылял до берега и уже почти вынырнул из кишасших голодными тварями зарослей на горячий песок, как, стоило раздвинуть последнюю стену из листьев папоротника, к поцарапанному горлу тут же приставили острый меч.

Клинок паренёк узнал. Такой ни с каким другим не спутаешь. Серебристая сталь, закалённая специально для одного-единственного человека, выдернутая из дорогих ножен. Благородная, как и её хозяин, которому она была преподнесена чуть ли ни к колыбели. Острая, как и его взгляд. Безжалостная, как и его рука, одним росчерком пера подписывающая роковой указ. Запятнана ли кровью? Паренёк покосился на острие и засохших бурых пятен не заметил. А всех прочих подробностей он, конечно же, не знал.

- М-милорд, - начал заикаться стражник, опуская руки. - Это же я... Виллен...

Рука Гая не дрогнула ни на мгновение. Не опустилась, не повелась в сторону, не подалась назад. Лишь потрескавшиеся губы на напряженном лице разомкнулись, чтобы сухо выплюнуть:

- Ты отстал. И не позвал на помощь. Мы думали, ты уже сдох.

- Я... я... - Виллен лихорадочно соображал, - уронил меч, тот покатился на осыпи вниз. Пришлось бежать.

Вид у стражника и правда был такой, будто он проехал не один склон ногами вперёд, обдирая в кровь о колючую растительность все незащищенные ткани участки тела.

- Это точно ты? - Гайлард подозрительно осматривал паренька.

- Ваша мания начинает меня пугать. - К Стернсу шагнул Дагорм и осторожно отвёл клинок от горла Виллена. - Мальчонка блее снега, а вы ещё пуще на него давите.

- Если это тварь в его шкуре, и к закату от нас всех останутся только глазные яблоки и пара обсосанных костей, то я лично придушу тебя, - бросил Гай старику, опуская меч.

Сквозь седую бороду проступила ехидная улыбка.

- Как вы это сделаете, если будете сами мертвы?

- Встану из мёртвых и придушу.

- Милорду известны секреты воскрешения усопших?

Стернс поморщился.

- Ступай-ка лучше помоги пигалице. Она тащит большое бревно, и сейчас, кажется, оно её придавит.

- Очень дальновидно посылать таскать брёвна юных хрупких созданий и стариков.

- Благодарите, что не заставляю вас те брёвна рубить, - процедил Гай. - А девчонка пусть привыкает, если хочет у меня служить.

Дагорм растерянно посмотрел на Стернса.

- Когда вы поведали мне, о чём просила наша юная воительница, я было подумал, вы изволили неудачно шутить. Даже посмеялся. Помните?

- Скорее это была кривая усмешка, чем искренний смех.

Старик развёл руками.

- Увы, по-другому не умею. Годы не те. Кожа на лице обвисла, и выходит только оскал. - И перескочив на прежнюю тему: - Так вы и правда решили взять к себе пигалицу!

- Я ещё ничего не решил, - сухо отрезал Гай и, желая покончить с докучавшим ему разговором, пошёл в ту сторону, где Дален и двое помощников не щадили мечей, обливались потом под знойным солнцем и морщились от обжигающей боли.

Сочные плевки летели прямо на ничем незащищенную кожу. Зелёный яд, высыхая, впитывался, и щипало, и чесалось так, что хотелось разодрать тело до крови - лишь бы прекратились мучения. А ещё сизый дым, валивший со стороны огромного костра неподалёку, подпитанный остатками настойки на шишках, разъедал глаза, и те слезились и болели.

Деревья валились одно за другим, наспех обтёсывались и складывались рядышком. Беспощадное солнце высасывало из их стволов жизненный сок, а канаты, свитые из прочных лиан, обвивали бревно за бревном, соединяя их в идеальный, пусть и на скорую руку сбитый, плот.

Мечи тупились нещадно. Свой Гай из ножен не вынимал, довольствовался тем, что захватили от убитых стражников. Но даже тот скоро стал тесать хуже, а кисть руки, не привыкшая к слишком широкой рукояти, начала ныть, и рука начала болеть в плече. Но останавливаться было нельзя. Наравне с остальными, Гай продолжал без устали рубить толстые стволы, перетаскивать их на берег, обтёсывать и вязать.

Близилась ночь, и все четверо уже еле дышали, за весь день отхватив только несколько глотков воды и даже ни разу не взглянув в сторону остывшего краба, которого приготовил Дагорм. И только, когда змеи, выползшие из джунглей, в глазах начали не только двоиться, но уже и трояться, когда солнце зашло за горизонт настолько, что без факела разглядеть что-либо впереди было совершенно невозможно, все подтянулись к большому костру, сложили испачканные липким соком и древесными щепками мечи и вытянули ноги.

- И всё же лучше бы ночевали в пещере, - бубнил Дагорм, протягивая куски краба Стернсу и остальным. - Безопаснее там.

- А плот? - жуя, вставил Дален. - С рассветом сюда пришли бы и обнаружили, что все труды насмарку...

Гай потянул спину и откусил мягкого белого мяса.

- Я распорядился остаться здесь, - медленно и беспристрастно ответил он на ворчания на старика, - с меня и спрашивай.

Дагорм поджал губы, понимая, что спрашивать со своего господина он никогда не осмелится. Не в этой жизни. Может, только в следующей. И тема умерла столь же быстро, как и нежное мясо исчезло в голодных желудках. Тёплая еда и мерное потрескивание поленьев успокаивали.

Разморенный и донельзя уставший Дален стянул сапоги и вытянул ноги. Как же хорошо! Может, ещё сунуть их в холодную морскую воду? До накатывающих на берег волн шагов с дюжину. Если широких, то меньше. Но перед глазами вдруг резко всплыло лицо мертвого Рина. Воспоминания о случившемся на глубине заставили вздрогнуть и поёжиться. Стало внезапно так холодно, будто к берегам приблизился айсберг, и ледяной ветер сковал всё вокруг. Или будто небо затянуло тучами, полными снега и готовыми вот-вот разверзнуться над островом и завалить землю белоснежными хлопьями. Но нет. Ни айсберга, ни снежных туч не было, и костёр продолжал убаюкивать монотонным треском. Море успокоилось и покорно лизало берег, а ночные птицы неустанно шумели в густых зарослях.

Выдохнув и мотнув головой, чтобы прогнать неприятные воспоминания, Дален лёг на песок и уставился в чёрное небо.

- Ты как? - Рики присела рядом с братом.

Тот повернул голову в сторону сестры и медленно ответил:

- Честно? По сравнению с Рином и теми двумя у пещеры - неплохо.

- А тех двоих... тоже... он?

В ответ Дален промолчал.

- Но зачем?

- Не знаю...

Глаза закрылись сами собой. Дыхание стало ровным, но, стоило Рики закопошиться рядом, как Дален сразу дёрнулся и приподнялся на локте.

- Спи-спи, - тихонько шепнула девушка, стараясь заодно не разбудить и старика, клевавшего носом в двух шагах от брата.

- Я уснул?

- Ты устал. Так что спи. Я посижу.

- А лорд Стернс?

Рики покосилась в сторону Гая.

- Не спит. И те двое... тоже не спят. О чём болтают, не слышу.

- Нельзя спать, - выдохнул Дален.

- По очереди можно и нужно, - парировала сестра. - Я разбужу тебя, когда у меня глаза совсем начнут слипаться.

Спорить было бессмысленно. Хотелось хоть на секунду забыть обо всём, с чем пришлось столкнуться. Дален ещё раз прикрыл глаза, и через минуту Рики уже слышала его ровное дыхание.

Рики осмотрелась. Не спала только она да двое стражников, уставших не менее, чем остальные. Воткнув затупленные мечи в песок, они уселись на бревно и чём-то тихо беседовали, уставившись в черноту стены из непролазных джунглей. Подойти, может, к ним? И что дальше? Сесть рядом и просто молчать? Разговаривать с ней они уж точно не будут. Никто не будет. Она и сама-то в себе окончательно запуталась. Чего хочется? К чему стремится душа? Непонятно...

Слева громко треснули дрова в костре - пламя взметнулось, и в чёрное небо полетели пепельные мотыльки. Рики обернулась. Гайлард уже не спал - сидел у огня и шевелил поленья длинной палкой.

- Вы не спите? - неожиданно для самой себя выпалила девушка.

- Нет, - сухо бросил Стернс, смотря, как пляшет разыгравшееся пламя.

- Не хотите?

- Нет, - снова так же равнодушно и холодно.

- Но вы устали...

Гай повернул голову в сторону девушки и раздраженно спросил:

- Тебе-то что?

Рики втянула голову в плечи, в мыслях коря себя на неуместную заботу. Нужна та забота кому-то от такой, как она, что ли? Угловатая, на мальчишку похожая, и даже волос длинных нет, пусть и жидких. Разве только глаза большие... А так шея длинная, руки и ноги тонкие, все в царапинах и мозолях. Такую самому надо из передрыг вытаскивать.

И уж подавно её забота не нужна Стернсу. Чем она может помочь? Вытащить его с этого треклятого острова? Одним взмахом руки воскресить лодку и всех умерших? Она даже деревья срубить не в состоянии. Можно, конечно, и душу продать ради того, чтобы всех спасти, да только и в этом надуют: душу заберут, а магической силы дадут с голубиную лапу. Сгодится разве что в носу поковырять. Ну, или комок спутанных волос разодрать.

В сотый раз упрекая себя за длинный язык, Рики обхватила руками колени, положила на них голову и затаилась бы, спрятавшись за разбушевавшимся пламенем, как вдруг Гай разомкнул губы и бросил:

- Подойди ко мне.

Может, он не к ней обращается?

Девушка приподняла голову, покрутила ей по сторонам, как сорока на заборе, и, убедившись, что приказ предназначался именно ей и более никому, вскочила на ноги, прошла к Стернсу и замерла перед ним, не зная, что делать дальше.

- Сядь.

Рики присела на корточки, но и этого оказалось недостаточно хозяину юга. Устав ждать, когда девчонка, наконец, начнёт понимать его с полуслова и делать так, как он только что подумал, но еще не успел произнести, Гай вытянул руку и схватил Рики за плечо. Нажал с такой силой, что девушка тут же шлепнулась на песок и, потирая поясницу и ниже, ждала первых слов.

Гай подкинул в костёр пару поленьев.

- Теперь я хочу знать всё.

Рики чуть не подавилась слюной.

- О чём, милорд?

- О тебе.

Рики недоуменно пожала плечами.

- Я вам всё уже рассказала. Простая деревенская девчонка... Родители умерли рано, а брат с замужеством не докучал, всё позволял. Вот и выросла из меня не прилежная жена для друга-соседа, а пацанёнок. - Рики поймала на себе вопросительный взгляд Стернса и уточнила: - Ну, который только яблоки с яблонь таскать умеет и трескать.

- Это я уже слышал.

Рики боязливо поёжилась.

- А что же ещё вы хотите знать?

- Почему он назвал тебя своей хозяйкой?

- Я не знаю.

Но Гайлард смотрел так, что хочешь-не хочешь, а вспомнишь всё, что требуется, или, если память упорно отказывается подчиняться, просто поверишь в то, чего не было, и тут же осознаешь. Рики держалась, но, лихорадочно вспоминая, что говорил Сэм в пещере, никак, к своему сожалению, не могла найти той самой зацепки, в которой крылась бы разгадка к тайне.

- Дай нож, - распорядился Гай.

Дрожащими руками Рики потянулась к поясу, вытащила нож и протянула Стернсу.

Холодная сталь оказалась в сильных пальцах, и серебряная змейка загадочно подмигнула нефритовым глазом.

- Сэм замер, как вкопанный, когда я поднесла это к его лицу. - Рики кивком указала на изящное оружие.

Гай поморщился, продолжая вертеть в руках нож и разглядывать рукоять.

- Сэм... - Рики могла поклясться, что в голосе хозяина юга к ноткам брезгливости и ненависти внезапно добавились ещё одни: очень странные, непонятные, такие, которые Рики до сих пор были незнакомы. - Перестань называть его так. Это тварь, а не человек. Жаль, я его тогда не убил.

- Ваш советник хотел, как лучше...

- Тысячу раз зарекался его не слушать.

- Почему?

Гай не ответил. Только протянул нож обратно Рики.

- Бери.

- Зачем он мне? - Девушка спрятала руки за спину.

- Бери. Когда-нибудь ещё пригодится. - И, увидев, что Рики колеблется, добавил уже сурово и холодно: - Это приказ.

Руки не посмели ослушаться и тут же вынырнули из-за спины, и схватили блестящий металл.

- Лучше бы себе оставили, - тихонько вымолвила девушка. - Если секрет в ноже, и это единственный способ остановить Сэма... - Рики тут же осеклась, опять заметив странное раздражение на лице Стернса, но, к собственному удивлению, поправлять себя не стала, а продолжила, сделав вид, что ничего не случилось: - то кому, как не вам, он нужнее всего.

- У меня есть меч, - сухо бросил Гай, - а у тебя нет ничего. Не забывай, что по этому острову бродит тварь, и неизвестно, что у него на уме. Сегодня он называет тебя своей, а завтра перегрызет тебе горло.

- Вам страшно?

Гайлард пошевелил палкой дрова в костре, подкинул веток. Подкормленное пламя лентами взметнулось вверх, и шальной танец продолжился. Он был весьма кстати: Рики начинала дрожать от холода, и протянуть ладони к разбушевавшемуся огню оказалось очень приятно.

- Я давно забыл, что такое страх.

- И всё же вам страшно. Всем страшно. Никто не знает, проснёмся ли мы утром и доживём ли до следующего заката. Корабли не приходят. Ни свои, ни чужие. И даже костёр не помогает. Мы здесь одни, а вокруг только дикий мир.

- Дикий... - эхом повторил Гай, опираясь спиной на большое бревно и вытягивая ноги. - С застывшим золотом под горой.

- Кому нужно то золото, когда каждый день как последний?

Скрестив руки за головой, Гайлард тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Довольная, что набралась смелости сказать столь умные слова самому наследнику королевского престола, Рики расцвела и приподняла острый подбородок, гордясь собой. Однако на землю пришлось вернуться быстро. Медленно, даже немного лениво, язвительным тоном и с долей пренебрежения Гай вымолвил:

- Ответ в духе деревенской наивной простоты. Ни на что большее, впрочем, я и не рассчитывал. - А затем открыл глаза, чуть подался в сторону Рики и добавил: - Вас, обывателей, интересует только ваш узкий мирок с никому, кроме вас, ненужными заботами.

- А вас?

Столь искренний вопрос, смелый и без доли сарказма, заставил Гая посерьёзнеть и снова прислониться спиной к шероховатому стволу срубленного дерева.

- Молчите, - протянула Рики. - Можете не говорить, все и так всё прекрасно понимают. Вы наследник трона. О чём же ещё могут быть ваши мысли, кроме как не о процветании государства, так ведь?

Стернс поморщился, словно на большую мозоль наступили. Но вместо штампованного и ожидаемого ответа окинул Рики оценивающим взглядом и процедил:

- Сядь ближе.

Девушка послушно передвинулась с насиженного места на холодный песок.

- Я сказал ближе, а не туда, куда тебе вздумается.

- Ближе начинаются ваши ноги. Вы же не хотите, чтобы я их вам отдала?

Гай усмехнулся, снял с себя дублет, ранее накинутый на плечи и за прошедшие дни прилично потрепанный и заляпанный грязью, и протянул его Рики.

- Если предпочитаешь дрожать в одиночку, то надень хотя бы это.

- Я не дрожу, - замотала головой девушка, с трудом сдерживая себя, чтобы не растереть руками плечи. Костёр, конечно, помогал, но этой ночью сила была на стороне пробирающего до костей ледяного ветра.

- Впервые вижу такую упрямицу. Ну, если всё так сложно, то мёрзни. - Дублет был положен рядом с Гаем. - Задубеешь - возьмёшь, - подытожил Стернс, снова закрыл глаза и ровно задышал.

Рики подкинула дров в огонь и вытянула вперёд руки. Ладоням стало тепло, но спину пробирало холодом. Тоненькая туника колыхалась на ветру. Толку от неё не было никакого - что голышом, что в ней. Девушка чуть повернула голову влево. Гай крепко спал. Плотный дублет валялся рядом и манил сильнее, чем засахаренные груши на палочках, которые Рики видела на выходных ярмарках в Торренхолле, однако никогда в жизни не пробовала. Но если груши были совсем недосыгаемы, и за них требовалось платить, то тут достаточно только руку протянуть...

Брр... Спина совсем озябла. Рики ещё раз обернулась в сторону Стернса, а потом сделала три быстрых и широких шага, нагнулась и схватила дублет. Гайлард не пошевелился. Его веки во сне слегка подрагивали, а неглубокие морщины на лбу почти разгладились. Холодный ветер, покрутившись вокруг закутавшейся в тёплые одежды девушки, недовольно рванул вверх, а затем столь же резко нырнул вниз и промчался по земле, играя песком и прядями волос спящего Гая.

От обволакивающего тела тепла слипались глаза, и через пару минут Рики разморило так, что держаться более на ногах девушка не могла. Чувство страха притупилось. Не в силах больше противостоять сну, Рики осела на песок, придвинулась к крепкому бревну, положила на него руку, а на руку - голову, и сомкнула веки. Сон тут же накрыл девушку ласковой волной, и вокруг стало совсем тихо - только дрова продолжали уютно трещать, да неспящий Виллен время от времени ёрзал на своём месте и ловил надоедливых ночных насекомых.

Прихлопнув очередную букашку, паренёк снял с ног сапоги, вытряхнул попавший внутрь песок и надел обратно. Встал с бревна, потянулся, хрустнул костями и осмотрелся. Все спали. И старик, и

Дален, и Стернс с девчонкой-пигалицей, и даже напарник, с которым Виллен договорился смениться, когда луна перейдёт в созвездие ночного кота. Костёр продолжал потихоньку гореть – дров было подброшено достаточно, чтобы огонь мог не гаснуть ещё долгое время, а потом можно ещё докинуть или греться возле раскаленного донельзя угля.

Виллен вытащил из песка меч и, крепко обхватив рукоять, подкрался к Стернсу. Гай спал крепко. Даже не поморщился и не заворочался, когда на лоб вдруг попало несколько песчинок, так некстати посыпавшихся с клинка стражника. Виллен тут же поспешил убрать оружие за спину и выдохнул. Тихонько отступил назад и, крадучись, направился к зелёным зарослям, а когда подошёл, остановился перед стеной из мясистых листьев и вслушался в лесной шум. Неподалеку нетерпеливо заскреблись.

По спине Виллена прошёл неприятный холодок. Ладони мигом вспотели. Паренёк вытер одну о штаны, затем переложил меч в другую руку и опять же о штаны вытер вторую ладонь. Помогло плохо. А уж когда легонько присвистнули прямо за спиной, то у Виллена и вовсе сердце упало.

Вновь крепко сжав меч, стражник медленно обернулся на свист и тут же выругался, ослабляя хватку. На него, протирая глаза ото сна, смотрел его напарник.

– Вилл, ты куда? – сонным голосом протянул тот и встал.

– Уже и отлить нельзя, что ли? – раздраженно бросил Виллен.

– С каких пор тебе для этого кусты нужны? Девки стесняешься? – хмыкнул второй стражник и, скользнув взглядом по спящим неподалёку, уже снисходительным тоном добавил: – Милорд запретил ходить в лес. Мочись тут. Никому ты не нужен.

Но Виллен так и стоял у дурно пахнувшей ночными ядовитыми цветами стены и никуда не двигался.

– Ну, чего застыл-то? – второй воин шагнул в Виллу. – Нечего тут стоять. Ещё зверь лапу вытянет и – цап тебя за ногу! – Парнишка скорчил гримасу, которой только непослушных детишек пугать, и тут же расхохотался.

Вилл поёжился.

– Тише ты, Айр.

Перед глазами всплыли острые клыки, с которых капала кровь. Виллена передёрнуло. Сильно зажмурившись, он тряхнул головой, прогоняя леденящее душу видение, и, чуть успокоившись, решился на отчаянный шаг.

– Слышь, Айр, ты жить хочешь?

– А ты будто нет?

– Брось паясничать. Я серьёзно.

– Я тоже.

Виллен с пару ударов сердца беззвучно пошевелил губами, а затем выпалил на одном дыхании:

– Я видел его. Того парня. Ту тварь, что всех наших, словно свиней, вспорола.

У напарника округлились глаза.

– И ты не убил его?

– Видел бы ты это чудовище...

– Ты должен был его убить!

– Лучше ответь мне: ты жить хочешь?

Айр судорожно сглотнул.

– Ему нужен лорд Стернс, – продолжал Виллен. – Меня он пообещал оставить в покое. Уверен, остальных тоже пощадит, если мы приведём того, кого он просит.

– Ты цветочной вони перенюхал? – Айр покрутил пальцем у виска. – Лорд Стернс – наследник престола. Да я даже думать о нём боюсь, не то чтобы пальцем коснуться.

– Айр, – Виллен злобно шипел и тяжело дышал в лицо второму стражнику, – этим королям нет

никакого дела до наших жизней. Скольких таких, как мы, он уже послал на войну? Сколько сложило головы за него? Сколько ещё сложит? Мы для него просто мясо. Зуб даю, если бы зверь пожелал наши жизни в обмен на его, Стернс, не колеблясь, сдал бы нас всех.

- Ты бредишь, Вилл.

- Так ты со мной или нет?

- Я подумаю...

- Некогда думать. Тварь требует Стернса сегодня.

Айр покосился в сторону Гайларда.

- Он же спит.

- И спит как убитый... Я каких только вариантов в голове сегодня не перебрал, но подступиться к нему так и не решился. Мне один раз его клинка у горла хватило.

Виллен провёл пальцами по коже шеи, словно на ней остался шрам от утреннего недоразумения.

- А со спящим справишься?

- Со спящим проще. Вырублю его рукоятью меча. И сразу хватаем за плечи и ноги, и швыряем зверю в лес. А тот сам разберётся.

Айр пристально смотрел на приятеля, во взгляде которого плясало настоящее безумие.

- Ты сошёл с ума, Вилл. Мы же на верность присягали...

- Жить захочешь - не одну клятву пересмотришь. А я жить хочу. Жениться хочу и детишек завести.

- Он наследник короля, а ты, идиот, если и выберешься отсюда живым, при первом же прибытии в Нолфорт тебя вздёрнут на виселице. И плакали твои жена и дети.

- Ноги моей больше не будет в Нолфорте. В Берлау сбегу. Старуха Морвенна с нашим хозяином не ладит и любого пригре... - Виллен замолк на полуслове. - Тсс, проснулся он, что ли?

Оба притихли, наострили уши и уставились в сторону Стернса. Но Гай спал сном крепким, глаз не размыкал, дышал глубоко и ровно, будто не на песке лежал, а на удобной мягкой кровати в своей спальне в замке.

Лёгкое шуршание, однако, не отступало.

Прищурившись, оба стражника уставились в сторону шума и оба тут же облегченно выдохнули: заснувшая неподалёку от хозяина Торренхолла Рики ворочалась на песке, шевелила губами и водила носом. Перевернувшись на правый бок, тут же перебралась на левый, потом вообще легла на спину и, в конце концов, опять крутанулась на левый и замерла только, когда прижалась к Гаю. Горячее тело Стернса тут же подарило долгожданные спокойствие и уверенность; не просыпаясь и уж совсем не отдавая отчёта своим действиям, девушка вдруг положила правую руку на грудь Гайларду, робко и по-детски нежно того обнимая.

Виллен тихо выругался.

- Девка точно подскочит, - вымолвил Айр, прикидывая в уме, насколько крепко тоненькие пальцы могли вцепиться в одежду хозяина.

- Жалкими червями будем, если с девкой не справимся, - процедил Вилл.

- А если заорёт и братца разбудит?

- Значит, надо сделать так, чтобы не заорала.

Айр покачал головой.

- Так ты не со мной? - Виллен напряг кисть, сжимая меч.

- С тобой, - промямлил Айр, весь бледный от страха.

И непонятно было, что пугало его больше: риск ли попасться или страх перед зверем, когда тому отдадут желаемое и тем самым избавятся от последнего на руках козыря.

- Тогда вперёд. - Глаза Виллена блестели ярче, чем оранжевые всполохи костра.

Оба двигались поступью тише, чем кошачья. Носами сапог песок не поднимали и даже с шёпота перешли на язык жестов. Подкравшись к спящим, Виллен ткнул пальцем сначала в себя, затем в Рики, а после присел на корточки и осторожно коснулся руки девушки. Плотная ткань одежд Гайларда легко высвободилась, рука Рики была медленно отведена в сторону, а сама девчонка вдруг тяжело вздохнула, но глаз не разомкнула. Виллен на мгновение замер, а затем, когда Рики успокоилась и вновь погрузилась в глубокий ровный сон, облегчённо выдохнул, поднялся на ноги, покрепче схватил меч, готовясь рукоятью оглушить Стернса, и махнул рукой Айру, приказывая тому быть наготове и либо добить того, кто обоим был в ту ночь столь нужен, либо остановить любого другого, кто вдруг ненароком подскочит, разбуженный странным шумом, и на свою голову решит вмешаться.

Но Айр медлил и меч свой не вытаскивал. Его руку, замершую на рукояти, словно парализовало, и та не могла ни двинуться в нужную сторону, чтобы обнажить клинок, ни противостоять уговорам Виллена и отказаться участвовать в деле, которое может взбрести в голову лишь под покровом самой тёмной ночи в году.

Виллен нахмурился, и этого хватило, чтобы Айр смог решиться. Смелым движением он вынул меч и затаил дыхание.

Из-за мрачных туч показалась бледная луна, и где-то вдалеке раздался леденящий душу вой. Виллен дёрнулся и оступился. Каблук сапога задел крохотный камешек, который, шустро откатившись, стукнулся о бревно. Зашелестел песок и подул ветер, растрепав упавшие на лоб Стернса тёмные пряди. Сердце в груди стражника глухо стукнуло, отдавая решающий приказ, а Гай вдруг вздрогнул и открыл глаза.

Виллен застыл на месте. Во взгляде его глаз навывкате в одно мгновение смешалось всё: боль, страх, удивление и... облегчение. Пальцы разжались сами собой и выронили меч. Правая рука скользнула вниз, к животу, и от вида ладоней Вилла, перепачканных в его собственной же крови, Айра повело.

Королевский клинок хорошо знал своё дело. Выскользнувший из ножен, незатупленный о дерева, не знавший никаких других ударов, кроме несущих смерть, он беспрекословно слушался своего хозяина и молнией чиркал по живой ткани, вызывая реку крови, или просто колот гвоздём и прямо в сердце.

Гай подался в сторону и вскочил на ноги. На сапоги упало несколько капель крови. Той крови, что брызнула на Стернса, стоило ему в один выдох вспороть Виллена насмерть, не дав предателю нанести роковой удар. Покачавшись с пару ударов сердца из стороны в сторону, стражник рухнул на колени, а затем и вовсе распластался по земле, навеки закрыв глаза.

- Подойди, - прохрипел Гай, направляя острие клинка на дрожавшего от страха Айра.

- М-милорд, - начал оправдываться тот, заикаясь, - вы в-всё н-не так поняли.

- Я слышал вас, - отрезал Гай. - Слышал каждое ваше слово.

- Я н-не хотел... П-правда, не хотел... Я был против.

- Милорд? - Открывшая глаза Рики переводила взгляд с Гайларда на мёртвого Виллена и обратно и недоумевала. Вместе с ней обомлел от увиденного и Дагорм, вначале потиравший слипшиеся от крепкого сна глаза, а после вскочивший на ноги, как ошпаренный.

- Не лезьте, - оборвал Стернс девушку и старика, хотя последний ещё ничего не сказал, а только открыл рот.

- Сир. - Айр бросился к ногам Гайларда. - Я пытался его остановить, но он как обезумел. Всё твердил про того зверя...

- Которому вы оба собрались закинуть меня в обмен на ваши жалкие жизни.

- Это всё Вилл, милорд. Я тут совсем не при чём.

- Кто-нибудь объяснит мне, что всё это значит? - прошамкал Дагорм, подходя к Рики. - Может, ты?

Но Рики только втянула голову в плечи и прижалась к проснувшемуся брату. Оба отвели взгляды от плавающего в собственной крови Вилла и, ничего не понимая, затаив дыхание, смотрели на Стернса - тяжело дышавшего и едва стоявшего на ногах.

- Этот мерзавец заключил сделку с тварью. - Гай кивнул в сторону Виллена, отвечая на многочисленные немые вопросы, муравьиным роем кишевшие в головах Дагорма, Далена и его сестры. - Подначил и этого. - Свирепый взгляд упёрся в лицо Айра.

- Но, если вы всё слышали, сир, - паренёк хватался за последнюю надежду выжить, - то знаете, что я пытался остановить безумие.

Гай ткнул мечом в сторону джунглей и процедил сквозь зубы:

- Пошёл отсюда.

На лбу Айра выступила испарина.

- К-как, милорд? Я же столько времени служил в-вам... Я же не хотел...

- Вот поэтому я тебя и не прирежу, как твоего дружка, - слова летели, словно плевки. - Ступай. А не уйдёшь - разделишь участь этого мёртвого идиота.

- Но там же... - Айр сглотнул накопившуюся во рту слюну. - Там же... зверь.

- И что? - Брови Гая насмешливо и удивлённо взметнулись вверх. - Раньше его присутствие не мешало вам обоим предать меня. Так я жду и считаю до трёх. Раз, два...

До трёх досчитать Стернс не успел. Айр ринулся в сторону высоких деревьев и густой травы. Куст с широкими, влажными от морского воздуха, листьями немного покачался, а после замер, как и раньше. Удаляющиеся шаги смолкли, и вновь стало тихо и жутко, и только слышно было, как трещали дрова в костре и шумело море.

Гай вытер пот со лба и опустил на песок. Перепачканный в крови меч брякнулся рядом. Далеко-далеко, на горизонте, из-за линии моря робко высунулся первый луч солнца. Рассвета ждать оставалось совсем чуть-чуть.

Дален протянул руку в сторону. Нашупав только палку, странным чудом не попавшую в костёр, выругался и зашарил взглядом по сторонам. Поодаль валялись лишь отстегнутый лук и колчан со стрелами. То ли Виллена, то ли Айра, то ли тех двоих, что оставили свои жизни там, наверху, у входа в пещеру. Но в этот момент молодому рыбаку было откровенно плевать, кому могло всё это принадлежать.

- Я разможу ему голову, если он посмеет хоть шаг сделать в нашу сторону, - прошипел Дален, не сводя взгляда со Стернса.

- Здесь что-то не так, - прошептала Рики. - Они говорили о предательстве. Ты же слышал...

- Сиди тихо, - вместо ответа приказал Дален. - У тебя есть нож? Есть. Вот и держи его наготове.

Произошедшее не укладывалось в голове. Хотелось наброситься с расспросами, но от одного только вида распоротого Виллена, мимо которого никак не пройти, тошнило и норовило вырвать. Рики прикрыла рот ладонью и тут же перевела взгляд на догорающий костёр. Стало легче.

Однако слишком долго смотреть на угасающее пламя глаза не смогли. Уши ловили каждый шорох, особенно в той стороне, где сидел Стернс. Вот шум шагов. Но не милорда, нет. Иначе Дален уже давно бы напрягся. То шёл старик. Удаляясь от брата и сестры, он приближался к господину, которого хорошо знал и которого ни в каком облике уже давно не боялся. Дагорм заговорил первым, и Рики и Дален жадно ловили каждое слово.

- Как же это всё произошло? - пробормотал старик, всё ещё перемалывая в голове слова Гайларда. - Чтобы два таких храбреца...

- Храбрецы они только на словах, видимо, - перебил Гай. - А как почуяли, что пахнет собственной паленой шкурой, так сразу обратку дали.

- Вам, конечно, повезло, что вы не спали, милорд, и действий ваших я ни капли не осуждаю, но... нас осталось четверо.

- Вот и прекрасно, - грубо бросил Гай. - Вчера вечером мы гадали, насколько ещё увеличить плот, чтобы все вместились. Теперь эта надобность отпала. Поместимся все.

- Но я хотел сказать, что из тех четверых крепкие руки только у вас да у паренька из деревни. Девочка и старик не смогут помочь вам так, как те, от кого вы избавились.

Гай развернул пылающее гневом лицо к советнику.

- Мне следовало пощадить изменников? Они клялись защищать меня и во всём мне служить. Тот, кто нарушает клятву, заслуживает смерти. И я ещё слишком мягко обошёлся с Айром.

- Но теперь вы остались совсем одни... Если Айр надумает вернуться, примите его обратно.

Простите и примите. Хотя бы до возвращения домой, если судьбой, конечно, нам уготовано вернуться. А в Торренхолле уже делайте с ним, что душа изволит. Вмешиваться с глупыми советами не стану. Знаю, что они вам поперёк горла давно стоят.

Гай быстро не ответил. Вновь уставившись на горизонт, из-за которого солнце выкарабкивалось уже смелее, тяжело вздохнул и только потом вымолвил:

- Хорошо.

И сразу, не дав никому переварить услышанное, рассветную тишину прорезал душераздирающий крик. Все повернули головы в сторону леса. И каждый сразу понял, чей то был крик, и холодная струйка пота побежала по спине каждого.

- Теперь нас точно четверо, - обречённо выдохнул Дагорм и, повернувшись в сторону утёса, выхваченного из темноты первыми розовыми полосками света, сделал шаг назад, коснулся рукой плеча Стернса и пробормотал: - Он там, милорд. Наверху.

Гай тут же обернулся.

На самом краю обрыва, под которым шумело море и скалились чёрные каменные зубы, стоял Сэм. Набывшись, он смотрел на Гая в упор, глаза налились кровью, и кровь же была на уголках губ и подбородке.

- Что вы намерены делать? - всполошился старик, глядя, как Гай подскочил с места.

- Я убью его прямо здесь и сейчас.

- Стойте-стойте, не пойдёте же вы один... туда...

Но Гайлард и не собирался никуда идти. В несколько шагов оказавшись около оставленных на земле луков, поднял один и наложил стрелу на тетиву. Натянул последнюю, несколько раз выдохнул, заставляя сердце успокоиться, и, процедив полное неприкрытой злобы «ненавижу», выстрелил.

Глава 16. Выстрел

Стрела просвистела в паре футов от Сэма. Злобно оскалившись, тот вцепился пальцами в край утёса, надавил, и мелкая каменная крошка посыпалась вниз.

Гай тяжело дышал и ставил вторую стрелу. Прицелившись, заставил сердце замереть на мгновение и отпустил тетиву. Стрела щёлкнула по валуну справа от цели.

Сувив глаза, Сэм на миг их прикрыл, а когда распахнул, то те были уже не серо-зелёные, а янтарные, словно по телу паренька пролилась лава и, охладившись в морской волне, застыла, заковав в себе навеки чью-то жизнь.

Ещё одна остроконечная пика готовилась сорваться с натянутой нити. Но в этот раз Гай медлил. Его противник не сбежал после первых двух, не скрылся в зарослях и не спрятался за камнем. Напротив. Он замер на месте и смотрел в упор, а лицо перекосило от ненависти, и... язык облизнул сухие губы. Длинный язык. Язык огромной ящерицы.

Гай дрогнул от увиденного, и стрела сорвалась с места. Шустрая, она настигла цели в считанные удары сердца и впилась в плечо, больно жала. Сэм взвизгнул, обхватил стрелу рукой и, выдернув её, легко переломил пальцами посередине, а после швырнул вниз на камни. Всё тело пульсировало, кровь закипала внутри, будто была и не кровью вовсе, а жидким пламенем, до этой поры дремавшим в недрах вулкана. По рукам и ногам разливалась немыслимая сила, что стремилась вырваться наружу и резала кожу, словно ножом, идеально заточенным и предназначенным только для одного: открыть клетку и выпустить на волю дикого зверя, жаждущего разорвать и уничтожить всё живое на своём пути.

Сжатые в кулак пальцы разжались. Сэм поднёс правую руку к лицу и зачарованно уставился на неё, любуясь острыми когтями, что росли без остановки в то время, как ладонь увеличивалась и превращалась в уродливую лапу. Со второй рукой происходило то же самое. Одновременно и по ногам пошла нестерпимая боль, и паренёк не выдержал, и упал на четвереньки, а когда поднял голову, то во взгляде янтарных глаз с узкими, как у змеи, зрачками уж не было более ничего человеческого.

Гай опустил лук. По спине пробежал холодок. Ноги онемели, а в голове царил полный хаос. Не отрываясь, Стернс смотрел на утёс, на вершине которого его враг из щуплого мальчишки превращался в страшную тварь с когтями, клыками и рокочущим пламенем в груди, готовым вот-вот вырваться наружу.

Первым опомнился Дагорм.

– Скорее! К горе! – крикнул бледный старик, хватая с песка длинную палку и отчаянно тыча ей в сторону леса, а заодно и колошматя голодных змей по головам.

Два раза повторять не пришлось: Дален и Рики вскочили с земли и ринулись к зарослям, каждый успев схватить либо затупившийся меч, либо лук и стрелы, в общем, то, что первым попало под руку.

Вертя головой то в сторону плотного ряда деревьев, то в направлении скалистого обрыва, Рики споткнулась о недоделанный плот и тут же распласталась на деревяшках. Охнув, обхватила коленку одной рукой; пальцами второй уцепилась за широкую ладонь брата, подоспевшего на помощь. Попробовала встать, но в ногу кольнуло так, что девушка снова упала. Щепка, по странной причине не снятая с наскоро обструганной деревяшки, остриём впилась в кожу, вспарывая её.

– Быстрее! – не унимался старик. – Иначе будет совсем поздно!

Его голос был пропитан страхом. Непонятным никому, кроме него самого, леденящим кровь и заставляющим бросить всё и помчаться вперёд сломя голову к тому единственному убежищу, где, возможно, получилось бы отыскать спасение.

Высвободив руку из тоненьких пальцев сестры, Дален обхватил Рики, приподнял и потащил в сторону леса. Шаг, второй. Уже и мясистые листья почти раздвинулись, готовясь проглотить перепуганных до смерти девушку и её брата, как из-за огромного, в человеческий рост, лопуха вынырнула голова старика, сухие губы разомкнулись и прошелестели:

– Где Стернс?

Дален бросил взгляд в сторону моря.

Гайлард стоял на том же месте, где и был раньше, не двинувшись в сторону укрытия ни на дюйм. Задыхаясь от волнения, холодными и почти онемевшими от страха и отчаяния пальцами он ставил

очередную стрелу на древко лука.

– Бросьте всё и бегите! – давясь налетевшим из ниоткуда ураганным ветром, выкрикнул Дагорм, но ветер перехватил слова и разбросал их в разные стороны, не позволяя ни одному долететь до Стернса.

– Я за ним.

Рики рывком было проскочить к Гаю, но Дален перехватил её руку и крепко прижал сестру к себе – не вырваться.

– Пусти же, – брыкалась девчонка.

– Ни шагу от меня. Поняла?

– Глупый! Там же Стернс! – От отчаяния Рики кусала губы в кровь.

– Плевать я хотел, кто там. Вляпались в этот ужас из-за него. Умереть из-за него не позволю ни тебе, ни себе.

– Пусти меня!

Рики впилась зубами в руку брата. Больно впилась. Так, что Дален только дёрнулся и руку отдернул, а заодно и схватку ослабил – самое время удрать.

Сделав рывок, Рики перескочила через поваленное прошлым днём и ещё не присоединённое к плоту дерево. Ступни ударились о песок, коленка снова дала о себе знать, но Рики стиснула зубы и выпрямилась. Да Гая было всего ничего, каких-то прыжков десять, но леденящий душу вой заставил девушку замереть на месте и повернуть голову в сторону утёса. И в то самое мгновение сердце остановилось, переживая увиденный ужас, а после забило в груди, словно желало вырваться и скрыться. Скрыться в любом месте, в любой пещере или канаве, но только никогда больше не встретиться лицом к лицу с тем, кто смотрел с высоты скалы взглядом, не сулящим ничего, кроме самой настоящей смерти.

Огромный камень сорвался вниз и раскололся на два почти равных.

Один из них тут же покатился в направлении костра и замер, шмякнувшись в угасающее пламя. Ворох пепла, сопровождаемый лёгким потрескиванием ещё не остывших дров, а после тихим шипением затухающего огня, взметнулся в небо.

Второй, сделав несколько оборотов, пошёл дальше, давя на своём пути всех мошек и крабов, и остановился лишь в паре футов от Гаю.

Рики выдохнула. Прыжок, другой. Снова взгляд на утёс, на котором творилось нечто страшное.

Не человек более, но ещё и не зверь, Сэм выпрямился, окинул властным взглядом береговую линию и начинающуюся за ней непролазную лесную чащу, растянул губы в предвкушающей удовольствии улыбке и, оторвавшись от земли, сиганул вниз, в море, прямо на острые скалы.

Рики сама не поняла, как вскрикнула. Гай тут же обернулся на её крик, а Сэм вдруг раскинул в стороны руки, на которых уже всю лопалась кожа, выпуская на волю огромные крылья. Взмах, другой – зверь тряхнул мордой, окончательно сбрасывая с себя последнее, что могло бы выдавать в нём человека, и пронзительно закричал, проносясь над морем.

За спиной истошно завопил старик:

– Бегите! Он рядом!

Прямо над головой захлопали крыльями и просвистели – Рики только и успела, что пригнуться, чтобы ни острая чешуя, ни когти-лезвия её не задела. Но она и не была целью. Удар пришёлся на стоявшего поодаль Гаю: одежда на спине и по бокам была испорчена, и оставленные когтями глубокие царапины начали неистово кровоточить. Удар второй лапой, в этот раз в висок, и Стернс рухнул на землю. Зверь сделал небольшой круг в небе и тут же бухнулся четырьмя лапами на песок, вытянул вперёд уродливую шею и страшную, покрытую чешуей, словно коростами, морду и приоткрыл пасть, высунув раздвоенный язык и пробуя воздух на вкус. Воздух был пропитан кровью.

Гай не двигался. Глаза были закрыты, голова повернута на бок. Лево́й щекой Стернс вдавился в мелкий песок и не шевелился, но дышал.

Крылатая тварь подняла лапу и сделала неуклюжий шаг вперёд. Раздался хруст. То надломилась одна из стрел, выпавшая из колчана и в одно мгновение раздавленная весом наступившего на неё

зверя. Увидев стрелу, тварь недовольно оскалилась, словно вспоминала всю ту боль, которую успела испытать, ещё будучи в человеческой шкуре, раскрыла пасть и внезапно оглушила всех невыносимым визгом. Лапы и хвост заходили по песку, то сгребая его, то разбрасывая обратно по сторонам.

Несколько песчинок попало в волосы, за шиворот и на лицо Рики. Девушка инстинктивно зажмурилась, но тут же заставила себя смахнуть песок с лица и открыть глаза. Зверь стоял прямо перед ней: огромный, с телом, покрытым сверкающей изумрудной непробиваемой чешуей, и янтарными глазами с вертикальными зрачками. Это был настоящий дракон, из пасти которого в любой момент могло вырваться пламя. Его лапы были настолько мощны, что одним ударом могли снести любую из высотных башен Торренхола, даже не почувствовав боли. Его когти резали лучше любой стали. А его клыки впивались намертво, и в живых не оставался никто. И хотя хлопающие громче пушечных выстрелов крылья сейчас были сложены и плотно прижаты к туловищу, легче от этого не становилось. Горячий пар, валивший из широких ноздрей, только добавлял ужаса и без того кошмарной картинке, да и сердце в груди твари билось так сильно, что барабанные перепонки норовили вот-вот лопнуть, и хотелось лишь одного: врезать ножом прямо в это сердце, повернуть и вдавить рукоять так, чтоб нож было уж более не вытащить. И пусть то сердце навеки умолкнет и оставит всех в покое. И пусть сил больше ни на что никогда будет. И даже пусть тот удар будет последним в жизни. Только бы... только бы никогда больше не слышать... не слышать, как бьётся это треклятое сердце в огромной драконьей груди. Слово и не сердце вовсе, а гробовщик, заколачивающий последний гвоздь в...

Негнушимися пальцами Рики нащупала на поясе нож. Один раз он уже пригодился. Может, и сейчас? Вытащила, направила остриём в сторону дракона и сделала робкий шаг к лежавшему без сознания Гаю.

- Только тронь его, - бормотала Рики почти про себя. - Только посмей его тронуть, и я...

И что она сможет сделать? Глупая. Нашла, кому угрожать. Он размажет тебя лапой, как муху... назойливую и бесполезную.

Рики крепче сжала рукоять ножа. Нефритовый глаз маленькой серебряной змейки впился в нежную кожу внутренней стороны ладони и отпечатался на ней.

Дракон в ответ тряхнул мордой. Громко фыркнул, сузил зрачки до узких мстительных щелочек, поднял было лапу, но приближаться к Стернсу не стал, а опустил лапу обратно на песок. Буравя хрупкую девчужку недовольным взглядом, попытался назад, а затем резко раскинул крылья и взметнулся в небо. Это был шанс для Рики.

Не раздумывая, девушка бросилась к Гаю, приподняла его голову и провела рукой по лицу.

- Вставайте же, - девушка чуть не плакала. - Да, очнитесь же, наконец.

Всё было бесполезно. Стернс не приходил в себя. Только песок под и рядом с ним окрашивался в уже знакомый Рики и до тошноты противный бордовый цвет.

- Возьми.

Пелена из внезапно накативших на глаза слёз спала, и Рики поднялась с колен на ноги. В руках у неё были меч и лук, сунутые Даленом. И пока девушка соображала, как лучше перехватить тяжёлое оружие, брат, бросив взгляд на хмурое небо, в котором отчётливо маячила раскинутая крылья точка, приподнял Стернса и потащил в сторону стены из деревьев. Парившая высоко-высоко под облаками точка недовольно взвизгнула и обдала тучи оранжевым пламенем.

- Поторопитесь же. - Дагорм кусал губы в кровь.

Тащить Стернса у Далена быстро не получалось, да и Рики прытью не славилась. Неуклюже обхватив всё, на что хватило рук, совсем не бежала в укрытие, как от неё ждали, а медленно ворочала ноги, словно к тем был привязан груз, совладать с тяжестью которого девушке было едва-едва по силам.

- Берегись! - только и успел выкрикнуть старик, а исполинская чёрная тень уже накрыла землю, и хлопанье крыльев вновь чуть не оглушило всех тех, кто до сих пор чудом оставался в живых.

Рики бросила меч и лук со стрелами там, где стояла, и подскочила к брату. Худенькая ладонь была наготове, а вместе с ней и заветный нож. Но целью дракона в этот раз был не Гайлард.

Скользнув по воздуху, словно по водной глади, тварь снова поднялась к облакам и, спустившись, закружила над непролазным лесом, в котором убежище стремились найти не только звери. Горевшие огнём глаза хитро сузились, а лапы начали хватать деревья за их макушки, вырывать с корнем и швырять в разные стороны. Пытаясь прорваться к старику, зверь был готов уничтожить

всё на своём пути. И пусть это всё раньше давало ему и кров, и пищу, сейчас же оно было не более чем очередная помеха, отделявшая голодного охотника от жертвы.

Дален толкнул Рики в сторону леса.

- Спасай старикашку. Скорей.

Девушка растерялась.

- Я не брошу тебя, - начала бессвязно лепетать она, но была резко остановлена братом.

- Он слушается только тебя! Понимаешь? Только тебя! Только ты можешь его остановить!

Дален кричал, а Рики стояла как вкопанная, не решаясь на решающий шаг. Где-то в глубине души она уже давно догадывалась, что имеет на зверем некое, ни ей, ни кому-либо другому не понятное преимущество, но в чём оно заключалось и заключалось ли, сообразить никак не могла.

- А ты? - только и смогла проронить девушка.

- Попытаюсь перетащить его в надёжное место. Если только сам не сдохну раньше времени. Ты ещё здесь?

Дален рывкнул так, что у Рики по телу побежали мурашки. Не смешно вовсе, но странно, почему от голоса брата коленки подкашиваются, а от выхода один-на-один с драконом только мысли все из головы вылетели и по спине пробежал неприятный, но терпимый, холодок.

Рики рванула в сторону ещё живого Дагорма.

Всё было в те секунды безразлично: змеи, коряги, ядовитые цветы, хищные бабочки и огромные липкие мухи. На всё было откровенно плевать. Главное - нестись вперёд и аккуратно огибать высоченные стволы, а заодно смотреть, чтобы вырванное с корнями и сброшенное с высоты дерево не покалечило и не прибило прежде, чем удастся добраться до старика.

Но, оказалось, и дракон смотрел, куда швырял деревяшки. Парочка грохнулась за спиной Рики - путь назад по этой дороге был теперь отрезан. Ещё одно дерево чуть не оглушило девушку, падая с левой стороны. Но не задело ни капельки.

До старика было рукой подать. Выдохшийся, он повалился на землю и приготовился к решающему удару с неба. Но с ударом медлили, и воспользовавшись моментом Рики выпрыгнула рысью из чащи, упала рядом со стариком и подняла голову. Дракон пронёсся прямо над ними.

- Держитесь за меня. - Рики подставила плечо Дагорму, помогая подняться. - Пока я с вами, он нас не тронет.

- А Стернс? - пролепетали обезвоженные губы.

- С ним брат.

- Но не ты!

Рики замерла на месте, пытаясь осознать услышанное. Прошла отрешенным взглядом по стене из поваленных деревьев и вздрогнула. Это была ловушка, и Рики попала на крючок легко и без особых хлопот, словно рыбка-несмышлёныш или певунья-канарейка, что купилась на яркое золото, оказавшееся не более чем клеткой.

Взгляд не сходил с выкорчеванных с корнями деревьев, поломанных веток и вороха листьев. С какой стороны шумело море, было трудно понять. Его и не разглядеть было сквозь поваленный лес, а если и разглядишь, к нему было не пробраться.

Дракон в небе хлопал крыльями, разворачиваясь. Теперь достичь цели было проще простого: единственный человек, кто мог бы его остановить, оказался в западне, из которой выбраться было невозможно. Почти невозможно.

Рики стиснула зубы и злобно посмотрела в небо, где среди хмурых облаков маячил длинный чешуйчатый хвост.

- Ах ты, гад, - прошептала девушка и поднялась на ноги.

Мерзкая тварь. Старик ему понадобился не для того, чтобы налакаться крови новой жертвы, пусть и дряхлой, и той кровью бесполезной. И не для того, чтобы избавиться от очередного никчемного человечешки, забредшего на запретный остров. Нет, зверь был сыт и о древних проклятиях ничего не слышал. Но сожранных человеческих мозгов ему хватило, чтобы догадаться, что к старику

поспешат на помощь. Это зверь понял, и это же он и увидел с высоты. Увидел, как получается загнать девушку в лесную чащу, как удаётся завалить границу между песком и папоротниками камнями и выдранными деревьями и тем самым затруднить обратный путь к морю, и как на берегу продолжают оставаться Дален и почти бездыханный Стернс, медленно истекающий кровью.

- Послушайте! - Рики склонилась над измученным Дагормом. - Вы можете идти?

Старик сделал вторую попытку встать, но тут же осел на землю и покачал головой.

- Я не могу вас здесь бросить! - глотая слёзы, кричала Рики, глядя, как хищник делает разворот в небе. - Вы должны быть рядом со мной, тогда он вас не тронет. А я должна быть рядом с братом... Иначе. Иначе он убьёт их обоих.

Старик еле выдавливал из себя слова:

- При всем моём желании я не смогу перешагнуть и через самое крохотное деревце...

- Он подстроил эту западню...

- И я в неё попался. Мне и расплачиваться.

Рики дрогнула.

- Вы пойдёте со мной.

- Ты пойдёшь, а я останусь. И не смей возвращаться за мной. Будь, что будет. Поняла. И поделом мне.

Рики дрожала. Не от холода и уже не от страха, а от отчаяния. От того, что, возможно, могла бы сделать так много, а, в итоге, не сделала ничего.

- Беги. - Старик смотрел в упор. - И не оглядывайся. Брату и Стернсу ты нужна больше, чем старому дурню, не сумевшему отговорить хозяина от этого безумного мероприятия. Ну, же. Беги.

Рики кивнула.

Прыжок. Ещё один. Каблуками сапог стукнулась о крупный камень. Опять прыжок - в этот раз перескочила через крохотный овражек. Вскарabalкалась по груди поваленных деревьев, выпрямилась и снова устремилась вперёд.

Руки в кровь - ну и ладно. Плевать, что расцарапано лицо. Плевать, что в волосах застряли дохлые мухи и комья земли. Главное - бежать. Сломая голову, обгоняя ветер, но бежать. Не оглядываясь, не сворачивая, лишь изредка посматривая вверх, где продолжал наматывать круги дракон. До брата ещё совсем немного. Лишь обогнуть поваленный сухостой, а там футов тридцать - и песок.

Залитые янтарём глаза высмотрели хрупкую девчужку, сдирающую кожу о колючие ветви и упорно продирающуюся по направлению к морю. Покрытая чешуей морда скривилась, зрачки коварно сузились, крылья громко хлопнули, и зверь устремился вниз.

Сухая ветка надломилась, и иглы впились в плечо, прорывая тонкую ткань туники. В другой раз Рики бы ойкнула, но сейчас только зубы стиснула и бросилась в самую чащу. Плотные переплетённые между собой ветви вскоре начали заходиться дырами, через которые можно было рассмотреть горизонт.

- Дален! - Рики выкрикнула имя брата.

Никто не ответил.

- Дален! - ещё раз крикнула девушка, надрывая голос.

- Рики! - ответили ей с левой стороны, и от сердца отлегло. Он был жив. Они были живы. И брат, и Стернс. В том, что Дален рядом с Гаем, Рики ни секунды не сомневалась.

Перебраться на берег сейчас или поискать путь левее? По левую руку света больше, а, значит, и навалено меньше, и протиснуться будет проще. Рики тряхнула головой, вытерла запачканные древесной корой и вязким соком ладони о штаны и сделала шаг в сторону.

Над головой пронеслись со свистом. Девушка инстинктивно пригнулась и выпрямилась лишь спустя десяток шальных ударов сердца. Дракон кружил прямо над ней, не выпуская её из вида ни на мгновение.

Рики бросило в холод. Она не успеет домчаться до Дагорма, если целью зверя снова станет старик.

Точно не успеет. Но зато успеет перескочить через уродливую громаду мёртвых веток, за которой начинается берег. Ноги и руки обдерёт все в кровь окончательно, а заодно и шею, и лицо, и, без сомнения, грохнется в самое сердце колючек, ведь коленка всё ещё болит, но всё равно выкарабкается. Надо только прыгнуть. Прыгнуть. И Рики, крепко зажмурившись, оторвалась ногами от земли, чтобы... резко отпрыгнуть назад и повалиться на землю.

Жаркое пламя вырвалось из пасти дракона, поджигая сухостой. Горячей волной обдало так, что ресницы почти все обуглились и часть торчавших в разные стороны волос тоже. Отползая, Рики с ужасом в глазах смотрела, как вся лесная полоса перед ней занималась огнём, окончательно отрезая девушку от брата. А когда правую руку ещё и обвила тоненькая, жёлтая, в коричневую крапинку, змейка, Рики, сама того не осознавая, истошно завопила и вскочила на ноги, изо всех сил пытаясь сбросить с себе ползучую тварь.

Ей в ответ с берега закричал Дален. В его голосе царил паника. Выкрикивая имя сестры, он всматривался в пляшущие языки пламени, пытаясь разглядеть сквозь паузы их бешеного танца родной силуэт. И Рики делала то же самое.

Жадным взглядом выискивала она людей на берегу. Боялась ступить к огню ближе, но и отходить ни на шаг не собиралась, чтобы ненароком не упустить возможности обхитрить стихию и прорваться к брату. Но стоило одному столпу пламени начать сходить на нет, как рядом с ним тут же выросла вторая, а за ним и третья, ещё жарче и страшнее. Огонь бушевал уже в полную силу. Из леса на берег стало не пройти.

Залитые янтарём глаза смотрели в упор. В чёрных зрачках отражалось бушующее пламя. Огромные ноздри раздувались и выпускали пар, сродни тому чёрному дыму, который валил со стороны полыхающих деревьев. Дышать было тяжело – горло как цепями повязали; смотреть было невыносимо – глаза слезились и только через раз могли что-либо разглядеть. Дален вытер рукой пот со лба. Без толку. Один рваный вдох – и кожа вновь стала влажной. Жар, вонь и чад, идущие со всех сторон, норовили сломать моряка, как тоненькую тростинку. Но они ошиблись.

Стиснув зубы, Дален сделал несколько шагов к воде. Каждый шаг давался с невероятным трудом, словно к ногам был привязан якорь. Но под натиском свежего морского ветра вонь отступила, и дышать стало немного легче. Чёрный же дым не проходил. Изо всех сил он рвался выше облаков, и даже ветер не мог его рассеять. Только дракон пару раз прорезал, беспорядочно кружа над островом. Прорвавшись сквозь плотную завесу дыма в третий раз, зверь устремился к земле и оглушил Далена мерзким визгом.

– Тебе ведь не я нужен, да, мразь ты этакая? – шептал про себя Дален, словно читал молитву. – Тебе нужен Стернс... И ты знаешь, что можешь заполучить его в любой момент, просто превратив нас обоих в пепел. Но почему же ты этого не делаешь?..

В ответ дракон только разинул пасть и крикнул так пронзительно, что под ногами задрожала земля.

– Ну? – Дален не сдавался и продолжал шептать, не сводя взгляда со зверя. – Тебе же нужен он, да? Да?

Каким-то краешком своего сердца молодой человек чувствовал, что дракон его слышит. Даже несмотря на то, что слова произносились еле слышно под нос. Даже несмотря на то, что сам зверь парил высоко в облаках. Он слышит. Не иначе. И всё понимает.

Тихонько, шаг за шагом, Дален подкрался к брошенным сестрой луку и стрелам, медленно нагнулся, обхватил влажной от пота ладонью перепачканное в мокром песке древко, выпрямился и так же едва различимо, как произносил все свои слова прежде, с дрожью в голосе и явным безумием в голове произнёс:

– Так приди и возьми его.

И зверь услышал.

Могучий хвост прошёлся по верхушкам деревьев – порезы от острых макушек для изумрудной чешуи были не более, чем крохотные царапины, оставленные на коже котёнком, едва научившимся самостоятельно лакать.

Дрожащие руки сделали попытку поставить стрелу и натянуть тетиву. Ничего не получилось даже отдаленно: острый наконечник только резанул по ладони, оставляя за собой кровавый след, а сам лук чуть не выпал из рук. До того, чтобы элементарно прицелиться, дело совсем не дошло. Руки с непривычки тряслись, немели от страха, да и сам страх жил в каждом уголке тела. Всё внутри било тревогу, что нужно всё бросить и бежать...

Но что-то ещё упорно твердило, что никому на этом острове в итоге не выжить, даже Рики. И можно

смириться и тихо ждать своей смерти, а можно попытаться с ней побороться. За право жить... Дурак! Убить зверя не получится никогда. Только раздражить.

Дален тряхнул головой, прогоняя прочь ворох ненужных противоречивых мыслей. Выдохнул, поднял стрелу и сделал вторую попытку поставить её на место. Встала она в итоге криво: наконечник был направлен непонятно куда, а задубевшие пальцы в это время пытались справиться с тетивой.

Дракон пролетел мимо. Дален не выдержал и выстрелил. Стрела пропорола носом песок.

Вдох – выдох. Новая стрела легла на древко лука. Легла уже увереннее и более прямо.

– Что же тебе нужно, тварь ты этакая? – процедил сквозь зубы Дален, натягивая тетиву и целясь.

Выстрел, и совсем мимо. Даже долететь не смогла.

– Сразись мы с тобой на морской глубине, неизвестно, кто бы взял верх... Но я тебя и на твоей территории достану.

Тетива ослабилась, стрела взмыла со свистом в небо и тут же пошла вниз, чтобы быть с концами проглоченной морем.

– Сейчас будет ещё, – весь на нервах и в предсмертном адреналине хмыкнул Дален, наклоняясь за новой стрелой. Песок заструился сквозь пальцы – стрелы в ладони не оказалось.

Взгляд растерянно блуждал по песку. Стрел больше не было. Ни одной. Рядом.

Но одна – возможно, последняя надежда немного потянуть минуты жизни, прежде чем достойно умереть, – валялась в нескольких футах от костра. Та, что попробовала на вкус песок, вместо крови. Решение было принято – Дален рванул к стреле.

Дракон не дремал. Увидев, что шутовская помеха, наконец, дала сбой и отступила, камнем бросился с высоты вниз, пронёсся над успевшим упасть Даленом и просвистел над Стернсом, подхватывая того когтями с земли.словно ножи, острые, те впились в бока Гая, но даже крика не сорвалось с его почти бескровных губ. Глаза по-прежнему были закрыты, дыхание было редким, а кожа – бледной, словно известняк на Белых скалах Имил Даара.

Хлопок крыльями – дракон почти взметнулся в небо, как вытащенная Даленом из костра обугленная развалюха-деревяшка, перекувырнувшись в воздухе с пяток раз, больно дала зверю по лапе. Дыхнув огнём в никуда, дракон разжал когти и бросил Стернса обратно на песок. Развернулся в воздухе и застыл над Даленом, злобно шурясь и хищно скалясь. В длинном чешуйчатом горле закипала лапа, и разгневанный вулкан готовился к извержению.

Дален смотрел на дракона не отрываясь. Ладонью левой руки лихорадочно шарил по песку, пытаясь отыскать хотя бы камень. Что-то холодное, острое тыкнулось в палец, и рука крепко обхватила находку. Она. Стрела. Последняя.

На древко лука стрела опять легла криво. Тетива натянулась с трудом. Прищурился один глаз, Дален хаотично водил луком из стороны в сторону, пытаясь сообразить, куда же лучше стрелять. О том, что выстрел в который раз будет смазан и все попытки целиться бесполезны, он и не думал. Он вообще ни о чём не думал, только тяжело дышал и искал момент.

Дракон был прямо над ним: жуткий, неуязвимый, с непробиваемой чешуей и ни разу не ранеными лапами. Силы в нём было достаточно, чтобы спалить дотла ещё с сотню таких же островков, но вначале зверь хотел разобраться с тем, кто упорно не хотел уходить, пусть шанс ему и был дан, а мешался под когтями и зубами и дрался за предназначенную лишь дракону добычу.

Дален продолжал целиться.

В морду? Нет, там чешуя слишком крепкая.

В глаз? Слишком тонко, не потянуть.

В лапу? А смысл?

В сердце?

И вдруг Дален на мгновение замер. Замер от того, ему внезапно показалось, что он не только слышит, но и видит это сердце. Огромное, спрятанное за толстенным слоем кожи, оно гулко и медленно стучало, словно вело понятный лишь ему отсчёт.

Сам не понимая, что делает, Дален вдруг навёл лук на источник звука, раздражающего своим

стуком так, как раздражают дятлы, усевшиеся на старый дуб, под которым решил прикорнуть путник, и ослабил тетиву. Стрела вырвалась, просвистела в небе и на всей скорости врезалась в пульсирующую грудь. Дракон взвизгнул и беспорядочно замахал крыльями. Его горло распирало от невыпущенного на волю огня. Одно мгновение – и лава прожгла насквозь и чешую, и кожу, и даже янтарь полуприкрытых глаз. Рухнув на землю, дракон с пару раз дрыгнул лапами и хвостом и взорвался мириадами изумрудных пылинок, которые, взметнувшись к серым тучам в небе, ударились о них, вызывая проливной дождь, и растворились в ледяной воде, обрушившейся на полыхающее пламя.

Дален приподнялся на локте и сплюнул кровью. Он был жив. Поднял перепачканное сажей лицо навстречу живительным дождевым каплям и закрыл глаза. Он и сам до сих пор не верил, что сделал это. Не верил ни во что, только в любимую воду, льющуюся с неба, с которой в любом её проявлении он был всегда на «ты». И только всё тело ныло и болело, и дышалось ещё тяжело, и сердце немного покалывало в груди, будто это его, а не дракона, ужалила острая пика...

Ещё один плевок кровью на песок, и Дален поднялся на одно колено. Нужно было срочно отыскать Рики.

Глава 17. Папоротниковая впадина

Солнце стояло высоко над одной из покрытых густой травой просек леса, которая, постепенно расширяясь, вливалась в утоптаный тракт, ведущий с севера Нолфорта на его юг. Развесистые дубы, к которым местами подмешивались бук и разнообразные кустарники, переплетались друг с другом своими изогнутыми ветвями, заслоня зелёный ковёр от тёплого света и создавая вокруг и далеко вперёд атмосферу вечной таинственности. Тишина в лесу царила почти мёртвая. Если раз и ухнет птица или выскочит из дупла белка, то шум этот ещё долго разносится эхом во все стороны. Любой шорох был слышен издали. Любой шёпот казался криком. Любая мысль – ударом в колокол.

Конский топот, налетевший штормовым ветром, этот покой не просто нарушил, а взбаламутил до безобразия. Поднял к макушкам тысячелетних деревьев пыль и опавшие листья, заставил последние кружиться в лишенном ритма танце и умчался дальше, ещё долго напоминая о себе.

Процессия летела по лесному тракту немалая. Во главе мчалась четвёрка всадников, державших наготове рожки, куда требовалось дуть, посмей преградить им путь какой-нибудь собиравший хворост крестьянин или просто путник, или даже повозка. Одеты всадники были в длинные плащи, под которыми прятались искусно сделанные кольчуги, плотно и упруго прилегающие к телу. Колени всадников были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры – металлическими кольчужными чулками. С поясов свисали дорогие мечи, а у одного всадника в руке было древко, на конце которого развевался небольшой флаг с изображением крепости, охраняемой большим бурым медведем.

Вслед за четвёрткой ехали ещё шестеро; тоже с мечами у пояса, на великолепных скакунах и одетые не по-простому. Замыкала процессию дюжина военных, а в самой её середине из стороны в сторону качался элегантный экипаж, украшенный золотыми розами и нагруженный тремя увесистыми саквояжами, которые были основательно прикреплены к крыше толстыми ремнями.

Впереди экипажа на белой в серых яблоках лошади ехал недовольного вида господин. На вид ему было около шестидесяти лет, одет он был по-походному просто, но внимательный взгляд смог бы легко определить, что качество сукна его одежд шло в колоссальный разрез с тем, что было у одежд его спутников. А если солнечный луч преломится и с секунду-другую задержится на руках того господина, затянутых в кожаные перчатки и крепко державших поводья, то нет-нет да и сверкнёт гранатовым блеском рубин на указательном пальце или сапфир – глубоководной синевой на безымянном.

Выражение лица статного господина всю дорогу оставалось хмурым: густые, некогда чёрные, а сейчас сильно с проседью, брови чуть ли не срослись на переносице, под глазами были мешки, а подбородок и скулы настолько напряжены, что, казалось, вот-вот и губы разомкнутся, и господин разверзнется такой несусветной бранью, которая распугает всё вокруг, и даже солнце от страха нырнёт за облака.

Но брани не следовало, как и других слов, впрочем, тоже. Лишь резкий жест левой рукой, понятный только одному человеку, что шёл на своей лошади следом и ловил каждый вздох и движение хозяина. Получив команду, стражник пришпорил своего скакуна, обогнал всю процессию и прикрикнул всадникам, что поспешали впереди:

– Стой, кому говорю!

Лошади громко заржали, распугивая не успевших спрятаться в ветвях деревьев птиц и, попеременно фыркая, застыли на месте.

– Проехали поворот. Разворачиваемся.

Державший в руке флаг оруженосец уверенно заметил:

– Дорога на юг одна. Мы не могли сбиться с пути.

– Позади нас осталась Папоротниковая впадина. Его величество желает повернуть на запад.

– Но впадина была добрых двадцать миль назад... А то и больше.

– Сам выпендришься перед королём и скажешь ему об этом или будешь исполнять приказ?

Перечить его величеству, королю Риккарду Стернсу, не смела даже муха. Пришлось толкаться на узком пяточке, поросшем клевером. Лошади перестроились быстро, а вот с экипажем пришлось повозиться. Даже дверцу открыли, чтобы высадить из кареты двух дам: одну – лет двадцати, скромно одетую, с вечно опущенным, понурым взглядом; другую – постарше, хоть и в богатом дорожном платье, но на лицо замученную и невесёлую. Сразу было понятно, что в путь она

отправилась против своего желания и в дороге только и делала что считала минуты до отправления обратно домой. Но считать нужно было не минуты, а дни, поэтому дама быстро утомилась и предпочла просто дремать, пока экипаж болтает из стороны в сторону, словно пудинг на подносе, который быстро несут из кухни на праздничный стол.

На двадцати с лишним милях назад путь не закончился. Свернув на дорогу поуже, процессия загремела по камням вперемешку с обломленными ветками и только спустя приличное время вынырнула на твёрдый дёрн, по которому пошла быстрее.

До Папоротниковой впадины добрались, когда солнце уже стояло ниже макушек самых высоких деревьев. Эти плодородные земли вошли в состав Нолфорта очень давно: в те времена, когда количество домов на них можно было пересчитать по пальцам, а замок нынешнего хозяина – лорда Альгервильда – ещё и закладывать не начали. Теперь же, стоило лесу расступиться и всадникам и экипажу выйти на простирающиеся далеко вперёд темно-зелёные долины, по обе стороны дороги сразу начали попадаться разной величины деревеньки, какая душ на сто, а какая – и на все двести.

Замок лорда Альгервильда стоял на самом вершине. Выложенный из серого камня, в западном крыле он начал заходиться трещинами, из-за чего хозяин спешно приказал всем домашним и прислуге перебраться в крыло восточное, а в западной стороне затеял восстановительные работы, которые шли уже десятый год и никак к завершению не подходили.

Прямо за замком начинался поросший сочной зеленью лог, в котором и пасли бы коров и коз, да только к траве там было не подобраться: всё поросло папоротником, который никак не могли вывести. Сколько ни косили и ни рубили, по весне он поднимался вновь и заполнял собой всё вокруг. Потому и прозвали впадину папоротниковой, и окончательно перестали наведываться вниз.

В скудно протопленной спальне на третьем этаже было сыро и пахло анисом. Старый Рей Альгервильд сидел на краю кровати, громко и сдавленно кашлял и потирал свои больные ноги, вены на которых были невыносимо раздуты. Он уже давно передвигался с трудом и закатному солнцу радовался больше, чем рассветному: можно было спокойно отправиться в кровать, зная, что ни один слуга не посмеет его более потревожить. Днём же дел всегда было невпроворот.

Из наследников у лорда Альгервильда была только дочь; первый сын умер, заболев одной из тех болезней, которые валят нищету в трущобах, а второй упал с лошади в возрасте пяти лет. Старик Альгервильд и рад был бы передать дела в более крепкие руки, но где их было найти? Одна надежда была на будущего зятя, поэтому Рей с нетерпением ждал, когда дочке стукнет шестнадцать и можно будет выдать её замуж с умом и расчётом на спокойную старость.

Устало вздохнув, Альгервильд поднял ноги на кровать, откинулся на подушки и закрыл глаза. Готовый погрузиться в долгожданный сон, измученный болезнями лорд уже почти захрапел, как вдруг в дверь постучали так, как обычно робкая служка скребётся в покои того господина, которого боится больше всего на свете. Вроде и надо срочно сообщить важную весть, а страшно. Хоть «Пожар!» кричи, а господин всё равно будет недоволен, что его потревожили.

– Лорд Альгервильд... – позвали со стороны холодного коридора. – Лорд Альгервильд. Вы ещё не спите?

– Что там? – раздраженно бросил слуге старый хозяин и, скривившись от боли в спине, приподнялся на кровати. – Река вышла из берегов, или лиса прокралась в курятник?

– Ни то и ни другое, милорд.

– Тогда какого василиска ты мешаешь мне отдыхать? А ну, брысь, балбес ты этакий, не то велю тебя завтра поутру выпороть.

– Уж лучше выпорите, милорд, только вставайте. Том Быстроногий примчался с колокольни. Он видел, как они повернули на Папоротниковую впадину, милорд.

– Да кто «они»? – недовольно всплеснул руками старик, так и не решив, спускать ли ногу с кровати или ещё подождать.

– Король, милорд. Со стражей. Дюжины две человек скачут по направлению к замку... И ещё карета с ними.

– Ох, – только и смог выдохнуть ошарашенный лорд Альгервильд и свалился с кровати.

Служка за дверью всполошился, услышав грохот.

– С вами всё ладно, милорд?

Но ему не ответили.

Дверь заходила – служка пытался её открыть, но засов был крепок. А когда распахнулась, то конопатый паренёк чуть было не налетел на выпяченный вперёд живот хозяина, возникшего в дверном проёме в халате и ночном колпаке. Лицо лорда Альгервильда было бледным, как мука, а слова вылетали изо рта рвано и звучали путано:

– Скорей... туда... камин... дрова пихай!

Осознав, что слуга напротив ничего не понимает, старый господин перевёл дыхание и уже более ровно рыкнул:

– Камин внизу уже залили? – Служка кивнул. – Кретины! Быстро топить заново! Зажечь везде свечи! Неси куропатку на стол и вяленое мясо! Вино вели принести. То, что в бочках в погребе, которые паутиной поросли. Я их специально ни для кого не открывал. Только для его милости берёг.

Кивая и соглашаясь со всем подряд – и с паутиной на бочках, и с прилично обглоданной куропаткой, которую на стол ставить забоялись и полезли в погреб за копчёной кабанятиной, – служка бежал вниз, перепрыгивая через ступеньки. Грохот и крики переполошили весь дом: прислуга подскочила, развела огонь, и всё восточное крыло замка преобразилось, засверкало в свете десятков зажжённых свечей, согрелось и пропиталось запахами говяжьего бульона с растёртой с чесноком петрушкой.

На улице тоже было шумно: топот копыт смешался с восторженными криками и приветствиями. Все, кто успел перехватить новость, хотели видеть короля. Толпа собралась огромная, и даже риск быть затоптанным никого не страшил.

– А ну, расступись! – гаркнул помощник лорда Альгервильда, поджарый мужчина сорока лет, крайне хозяйственный и резкий на словцо. – Дорогу милорду.

Народ заволновался, отпихивая тех, кто стоял за спинами, назад, задвигался, пропуская больного хозяина, на скорую руку и безвкусно одетого, и тут же сомкнулся плотными рядами, стояло лорду Альгервильду пройти мимо.

– В-ваша милость... – хозяин Папоротниковой впадины заикался от волнения, неистово кланялся и сыпал заискивающими любезностями. – К-какое счастье для в-всех н-нас видеть в-вас у нас...

– Вижу, что ты безмерно рад.

Одной фразой король обрубил бессвязную речь и спешил. Осмотрелся, хмыкнул, окинув взглядом тряпки, в которые успел облачиться лорд Альгервильд, и, дружески хлопнув того по плечу, низким голосом добавил:

– Ну, веди скорее, где там у тебя столы накрыты. Я так голоден, что и кабана целиком заглочу.

Рей Альгервильд облегчённо выдохнул: король был в прекрасном расположении духа, и обмен приветствиями, несмотря на позднее время, прошёл бодро и просто. Значит, наведаясь в Папоротниковую впадину его величество не за тем, чтобы выдергать из жидкой бородёнки хозяина этих земель последние волоски за то, что налогов в казну в прошлом месяце было уплачено на десять золотых меньше, чем положено... Зачем же тогда? И чтобы без предупреждения... Лорд Альгервильд терялся в догадках. Но, благо, кабанятины в погребах было предостаточно, а вкусная и сытная еда, как известно, помогает заручиться расположением кого угодно, даже короля, а король Риккард, в свою очередь, был известным на весь мир гурманом и легко миловал самых отъявленных негодяев, стояло королевскому повару угодить в тот день с обедом.

С этими мыслями, а ещё с тем, что хорошо бы к первой бочке вина открыть и вторую, лорд Альгервильд покорно толкался рядом с королём, попутно разгоняя в стороны любопытствующих зевак, которые, хоть и ничем не мешали и жизни его величества ни коим образом не угрожали, но всё равно своим любопытством не радовали, а только раздражали.

Пропустив важного гостя в ещё не утративший дневное тепло замок, Рей спешно шепнул помощнику на ухо о второй бочке и, убедившись, что тот всё правильно понял, поспешил догонять короля, чтобы первым отодвинуть для него самое мягкое и удобное кресло, в котором все заботы и усталость сразу отходят на второй план.

– Как я тебя удивил, а? – довольно хмыкнул Риккард, стягивая с рук запылённые в дороге перчатки и небрежно швыряя их на свободный стул. Туда же полетели и плащ, и отстёгнутый меч.

– Удивили не то слово, в-ваша милость, – продолжал заикаться Альгервильд. – Такая честь для меня. Последний раз вы были в наших краях года три назад.

- Неужели так давно? – нахмурился король.

Альгервильд закивал и зачастил:

- Помните, ещё дочка моя тогда к столу выходила. Вы ещё заметили, что волосы у неё слишком жидкие. Ваша правда, у неё и её покойной матери они всегда были такими. Я всё думал, девчонка со временем похорошеет, но нет. Как была куцей на косу, так и осталась.

- Хм... – протянул король, отрезая острым ножом с бриллиантом на рукояти кусок ветчины, – действительно давно я к тебе не заворачивал. И сейчас ведь опять мимо проскочил, а потом опомнился. Дай, думаю, заеду к старику Рею на ночь-другую, узнаю, чем дышит. Ну, говори, борода лысая, какие новости?

Альгервильд пригладил редкую бородёнку и ответил:

- Какие могут быть новости, ваша милость?! Скука одна смертная. Только вот на днях лис хороших подстрелили. Шкуры отменные. Роскошные накидки вашим дочерям выйдут.

Медленно жуя ветчину, Риккард протянул руку за кубком, полным вина, и пригубил. Несколько капель упало королю на грудь, но он даже внимания на это не обратил.

- Накидок у них столько, что моль жрать не успевает, – в голосе проскользнули такие нотки недовольства, что Альгервильд решил более о накидках не говорить: если короля их растущее количество гнетёт, то лучше помолчать.

Поэтому, недолго думая, старый лорд брякнул:

- А остальное всё по мелочи. Папоротник, зараза, вот только всё вокруг заполонил, уж скоро на каменные стены полезет. Его и косили, и выдирали, а он всё прёт и прёт. Но папоротник что... наименьшая из проблем.

- А наибольшая? – пробормотал король, отломив кусок серого хлеба и обмакнув его в соус из чеснока и петрушки.

Лорд Альгервильд тяжело вздохнул.

- Всё та же, ваша милость, как будто вы не знаете.

- Дочка, что ль?

- Она самая. Чтоб её...

- Где она, кстати?

Король медленно и деланно повернул голову вправо и влево, сделав вид, что не сразу заметил, что в огромной зале, кроме них двоих, никого больше не было. Даже прислуге шикнули, чтоб убиралась вон и появлялась в дверях только, когда зазвонят в колокольчик. Ни помощника лорда Алгервильда, ни спутниц короля к столу не пригласили. Последним вообще тут же отвели комнаты на верхнем этаже, куда принесли и кушанья, и горячие угли, чтобы согреться, и свечи, и тёплые полотенца с кувшином такой же тёплой воды.

- Ай, – лорд Альгервильд махнул рукой так, словно не о дочери шёл разговор, а о назойливой мухе, которую никак не удавалось прогнать или прихлопнуть. – Отправил её в Торренхолл. Приглашение пришло на две персоны, но куда мне с моими ногами... Да и за хозяйством надо присматривать...

- Девчонку и одну? – король искренне недоумевал.

- Да кто на неё там позарится? Сами видели, смотреть не на что. И в голове тоже пусто. Сына бы мне, да оба моих давно на заднем дворе в сырой земле лежат, а нового заделать ни сил, ни возможностей нет...

Старик обречённо махнул рукой.

- Да... – король задумчиво протянул, а пальцы на руке разжались и выпустили кубок.

Ударившись о пол, тот покатился, разбрызгивая вокруг недопитое вино, багряное и пахучее, и застыл у ножки стола.

Риккард отбросил в сторону недоеденный хлеб и откинулся на спинку кресла. Ослабил воротник на шее и вытянул ноги. По нахмуренному лбу короля было видно, что на душе у него было беспокойно, но говорить король не спешил, а боязливый по натуре лорд Альгервильд не спешил расспрашивать. Дрожавшей рукой тренькнул он в колокольчик и приказал слуге принести новый кубок для его

милости, а оброненный немедленно убрать.

- Так и живу, - подытоживая грустную речь, развёл руками Альгервильд. - Жду, когда Росанне исполнится шестнадцать, тогда и вздохну спокойно. Выдам её за своего помощника. Он хоть и безродный, но смекалистый и не транжира. А там, глядишь, она сыновей нарожает, и будут мне наследники.

Его величество задумчиво ковырял в зубах тоненькой костью.

- А если и у неё сыновей не будет? - неожиданно спросил он и перевёл взгляд с потолка, с которого уже давно надо было соскрести копоть, на побледневшего лорда.

- Как-как это не будет? - снова принялся заикаться Альгервильд. Такого варианта развития событий он не просчитывал, а потому сказанное застало его врасплох.

Король Риккард повертел на пальце перстень с сапфиром, полюбовался глубокой синевой камня и пояснил:

- У меня тоже дочери, а какой мне от них прок? Обоих вытолкал замуж, обе нарожали детей, а всё ни одного мальчишки. Настоящее проклятие на мою седую голову. Вокруг одни девки. И хоть бы среди бастардов был пацан... Так нет же! И там сплошные неудачи. Конец династии Стернсов.

- У вашей милости есть племянник, - робко вставил Рей. - Он молод и полон сил. Я уверен, что у него всё сложится.

- А если однажды племянника не станет? - вдруг резко спросил король, и во взгляде тёмных глаз промелькнули непонятные искорки. Или то просто были отблески свечей - ночью ведь не разберёшь.

Лорд Альгервильд усиленно замахал руками, будто не короля перед собой видел, а пупырчатую гидру, всю зелёную и в коростах, которой в землях Папоротниковой впадины так любили пугать шаловливых детей. Но лицо его величества оставалось серьёзным: уголки губ не растянулись с намёком на шутку; в глазах не проскользнуло озорного блеска. Нет, слова Риккарда не были проверкой лорда Альгервильда на верность дому Стернсов, но понять всю тонкость королевского намёка старому человеку, увы, было не под силу.

- Я от всего сердца пожелал молодому Стернсу долголетия и сыновей побольше, а Росанне наказал передать мои слова точь-в-точь. Пусть только попробует исковеркать, - лорд Альгервильд пригрозил пальцем, - запру в башне. Пусть сидит и перебирает горох.

Его величество насадил на тоненькую кость крупную печёную сливу и, брызгая соком, принялся смачно её жевать.

- А я, - произнёс он, когда слива была проглочена и запита вином, - приказал своей младшей сидеть дома и рожать.

- Всё же есть шанс? - радостно всплеснул руками Альгервильд.

Король поморщился, хотя ни вино, ни слива кислыми не были.

- Ей ещё не так много лет, как старшей. Родить сможет. Только бы не снова девку.

- А у Кхиры совсем со здоровьем плохо? - сочувственно поинтересовался Рей.

Риккард кивнул.

- Болезнь она сумела побороть, но ты же видел её сегодня... Стала похожа на ободранную осину. Тонкая и бледная, словно мукой обсыпанная. Она и ехать-то никуда не хотела - я настоял.

- Мой помощник распорядился, чтобы её высочество и её помощницу снабдили всем самым лучшим. Глядишь, завтра и повеселеет.

- Плевать, - равнодушно бросил Риккард, шаря ненасытным взглядом по столу в надежде отхватить то, во что ещё не впивались за вечер его пожелтевшие с возрастом зубы. Нашлась холодная индюшати́на и размякшие груши. - Главное, чтобы в Торренхолле хотя бы на день сменила кислую мину на улыбку, пусть даже кривую. Гости должны верить, что у нас всё хорошо.

- У вас и так всё хорошо, - поспешил заверить его величество Рей Альгервильд. В правой ноге резко стрельнуло, и на последнем слове вышел такой поросячий визг, что король чуть не поперхнулся грушей и добрую часть даже выплюнул.

Вытерев губы и смахнув с груди ошмётки спелого фрукта, Риккард выругался про себя, а вслух

лишь проворчал:

- Гайлард меня беспокоит.

- А что случилось? - Альгервильд тут же позабыл о боли и наострил уши. В Нолфорте не было ни одного лорда, которому настроение и самочувствие наследника престола были бы безразличны. Многие Гаю завидовали; многие хотели оказаться на его месте. Были и те, кто его любил, но больше было тех, кто его побаивался.

- Последнее время он ведёт себя крайне опрометчиво, - выдохнул король. - При взятии Ллевингора мы отделались малой кровью, а то, что победа будет столь лёгкой, было понятно ещё до пересечения пограничной реки. Так зачем было рисковать своей жизнью и лезть под обстрел? К чему вся эта бравада? Я не раз высказывал Гайларду своё королевское «нет» в ответ на все его опрометчивые решения, но он упрям, как осёл. Сейчас война стихла, и Гай женится на ллевингорской девке, и я этому безмерно рад, но иногда мне кажется, что при всём его характере он сдохнет раньше, чем успеет обзавестись наследником.

Последние слова выплёвывались с такой досадой и злостью одновременно, что, будь они стрелами, давно бы поразили всех противников насмерть.

- И самое страшное во всём этом, - продолжал Риккард, сверля взглядом серебряный кубок, стоявший на самом краю стола, - что я ничего не могу изменить, хоть и король. К чему мне тогда корона на голове, если решить проблему престолонаследия я один не в состоянии? Плешь прикрывать? Скоро и отлить не смогу, пока не получу на сие великое и благое для организма дело одобрения этих четверых ходячих трупов!

- Так вы о Совете Мудрейших...

- О ком же ещё? Я пятнадцать раз собирал их в Хрустальной зале у себя во дворце. Пятнадцать! И что ты думаешь? Каждый раз один из четверых просто-напросто не приходил. То спину прихватит, то кошка руку раздерёт, то табак закончится...

- Да как они только смеют! - Альгервильд был вне себя от такого неприкрытого хамства в отношении столь важной особы.

- Они, видишь ли, считают, что традиции, заложенные основателем ещё в эпоху Первого камня, рушить нельзя. А что если традиция рушит всё, что росло и крепло веками? - Король перевёл дыхание. - А они твердят, что проблемы не видят. Говорят, что пока все живы и здоровы, не стоит по пустякам беспокоить Камень богов. Мол, есть дела посерьёзнее. Мол, спасение мира от засилья в лесу мухоморов для них важнее спасения великой династии. Тьфу! - Риккард в сердцах плюнул на пол. - Мои лошади сегодня прекрасно все те мухоморы повитоптали, и для этого им не понадобилось ни проеденной червями книги, ни бороды до колен.

- Ваша милость, - старик Альгервильд почти дрожал от страха, - вам бы не всю четвёрку собирать, а вначале поговорить с каждым из той четвёрки с глазу на глаз. И каждого по отдельности на свою сторону склонить...

Король отмахнулся.

- И это я пробовал. Думал, что с Дагормом это будет обставить проще простого. Так что ты думаешь? Он весь покраснел, словно клюква на болотах, и прошелестел губами, что я хороню племянника раньше времени. С Майриндом совсем бесполезно говорить: он покровительствует ллевингорской девке и зашевелит пальцем лишь в том случае, если та не сумеет родить Гаю ни одного сына. Кто там у них ещё? Вечно забываю, как зовут третьего с мешками под глазами... Не помнишь?

Но лорд Альгервильд не помнил, и на то у него была вполне уважительная причина: возраст.

- А ещё я боюсь четвёртого... - неожиданно тихо произнёс Риккард и замолчал. Его небритое лицо вдруг посерело, брови нахмурились, а руки сцепились в замок, и пальцы мигом поледенели. - Того горбуна, - сдавленным голосом добавил король и снова замолчал.

- Но ведь именно он вылечил вашу дочь, - вкрадчиво заметил Рей, трясущейся рукой подливая вина в кубок короля и свой.

- Вот именно. - Риккард сделал жадный глоток. - Я видел, как он сновал от своих грязных склянок с пиявками к кровати Кхиры и обратно, и как его тень плясала на стене. Огромная тень. Когда он читал исцеляющий стих, то губы его не шевелились, зато у горба выросла голова и двигала губами вместо него.

Альгервильд содрогнулся. Хозяйина Папоротниковой впадины и так уже давно мучила бессонница, а

сегодня ночью и снотворные капли принимать бесполезно. Померещится горбатая тень в лунном свете, просачивающемся сквозь портьеры, как тут уснёшь?

Рей вытер испачканным в сливовом соусе рукавом вспотевший лоб и сказал:

- Говорят, он даже знает рецепт оживления мёртвых...

- Чушь, - отрезал король. - Мёртвого уж никому не воскресить.

- А вдруг он действительно может?

- Может-не может, не знаю. Но одно знаю точно, как он решит, так обычно и бывает.

Рей Альгервильд сомнительно покачал головой. Впервые за весь вечер он осмелился не поддакнуть королю.

- Что такое? - насторожился Риккард.

- Двадцать пять лет назад он был против, сами знаете, чего... Единственный, кто был против. Но его не послушали. Может, и в этот раз получится надавить на оставшихся трёх и убедить мудрейших пересмотреть правило?

Король вздохнул.

- Может, ты и прав и стоит попробовать ещё раз. А там, чем кикиморы не шутят, престол перейдёт к моей дочери, и я смогу спокойно умереть. Только вот она тупая, как ржавый нож, пролежавший всё дождливое лето во дворе. С её мозгами не Нолфортом управлять, а только с курицами общаться. Что же мне теперь? Опять новую делать?

- Это как вашей милости будет угодно, - хихикнул Альгервильд. - Кстати, вот о том горбатом... Что-то я давненько ничего о нём не слышал. С Дагормом прошлым летом беседовал. От Майринда письмо на зимнее солнцестояние получил. О мешках под глазами на ярмарке ближней говорили. А о горбатом ни слова. Может, умер?

Король хмыкнул.

- Сидит, наверно, в каком-нибудь одном из своих любимых болот, весь в иле и мхе, обложился пиявками и чешет свой горб.

- А хоть бы и правда умер, - успокаивающим тоном пропел Альгервильд и подлил ещё вина.

- Согласен. - Король громко хлопнул ладонью по столу и встал. Альгервильд соскочил с места следом. - Ночь в самом разгаре, и не мешало бы выспаться перед дорогой завтра.

- Ох, ваша милость, так поздно ложитесь и с первыми лучами снова в путь? Отлежались бы у меня, выспались. У меня тут тишина, птицы поют, и никто вас не потревожит.

- Тишина, говоришь?

- И какая! Сколько раз я вас звал ко мне поохотиться. А вы всё на юг да на юг, к племяннику. И всё минуя впадину и вашего покорного слугу.

- Твоя правда, - крикнул король и потёр начинавшие слипаться глаза. - Задержусь у тебя с недельку.

Теперь пришла очередь старика Альгервильда кричать. Удивлённо и про себя, чтобы не прогневать его величество. Но всё же старик не устоял, и вопрос сорвался с его давно потерявших блеск и цвет губ:

- А свадьба Гайларда?

- Подождёт... В конце концов, король я или нет?

Глава 18. Что скрывает трюм

В капитанской каюте королевского фрегата было тепло, сильно пахло воском и лекарственными травами. Лёгкое побрякивание металла сменялось журчанием воды, стекающей в глубокую глиняную миску с основательно промоченных повязок. Монотонный скрежет песта в деревянной ступе затихал лишь тогда, когда морщинистые руки тянулись к столу, с которого несколькими часами ранее были безжалостно смахнуты на пол судовой журнал и карты, и дотрагивались до рассыпающихся на мелкую пыль сухих листьев кровавника, чтобы добавить немного ценной бледно-зелёной пыли к уже готовой смеси.

Качало. Поначалу было терпимо, но потом к горлу начала подкатывать тошнота. Помог глоток непонятного коричневатого отвара, приготовленного теми же морщинистыми руками и сунутого под нос. Было велено выпить залпом, отплеваться за борт и немедленно вернуться обратно в каюту, куда более никого не впускали. Даже капитана.

Бледно-зелёную кашлицу зачерпнули тоненькой деревянной палочкой, нанесли на влажную повязку и начали размазывать по ткани. Смесь приятной на вид не была, и Рики снова затошнило. Наверно, в десятый раз с тех пор, как с палубы её позвали сюда.

- Подержи! - Дагорм сунул ступу в правую руку девушки и взял повязку. - Помогите мне, Арно. Придержите пальцами тут и тут.

Последние слова предназначались корабельному лекарю - среднего роста пожилому мужчине с сильно выпяченным лбом и глазами навывкате. Волосы на голове лекаря уже давно были редки и продолжали выпадать с той же скоростью, с какой Арно успевал осматривать матросов, служащих королю, каждый осмотр заканчивая словами, что на лимонную траву следует всё же налегать, а не плевать ей.

Корабль снова качнуло. Рики повело, свободная ладонь упёрлась в край кушетки, застеленной серой мешковиной, но грубая ткань не оцарапала руку: пальцы угодили во что-то тёплое и липкое, и Рики, не глядя, догадалась, что это было.

Выпрямившись, девушка поднесла руку к лицу. Кровь. Его кровь. К горлу в который раз подкатила неприятная волна, и, чтобы сдержать рвоту, Рики зажала было ладонью рот, но тут же опомнилась и отдернула руку. Теперь в крови были ещё и губы. Тошнить стало с удвоенной силой. От финального позора спас только Дагорм, который, подняв голову, вдруг прикрикнул:

- А ну, держи крепко. Эта мазь стоит дороже всего золота на свете, а ты сейчас разбрызгаешь её по доскам.

Рики вздрогнула и поняла, что чуть не выронила ступку. Вытерев вымазанную в крови ладонь о штаны, девушка крепче обхватила ценную вещь с вонючей кашлицей, сделала глубокий вдох и повернулась спиной к кушетке, чтобы не смотреть...

...Пробирающий до костей ливень ещё долго шёл на острове. Страшное пламя стремительно угасало, серый дым поднимался высоко в небо и прятался за низкие облака.

Лишь только ноги смогли перепрыгнуть через теплящиеся деревья, Рики бросилась на берег. Её брат медленно шёл по песку, загребая тот ногами и шатаясь, словно пьяный. Даже сейчас, растворив страхи в тепле, царившем в корабельной каюте, и уютном потрескивании свечей в канделябрах, Рики помнила, как дрожали руки Далена, когда он обнял её, прижал к себе и долго не отпускал. Стоял на месте, задрав голову в небо и наслаждаясь дождем, заливавшим лицо и постепенно смывавшим грязь и пепел вкупе с воспоминаниями о пережитом ужасе.

Брат дёрнулся только, когда из тлеющей чащи вышел бледный Дагорм. Хромая и тяжело дыша, он тотчас рухнул бы на землю, если бы его вовремя не подхватила Рики.

- Он жив? - Старик с трудом разлепил губы. - Стернс жив?

Больше старого мудреца ничто не интересовало.

Рики помнила, как в несколько прыжков она оказалась возле Гайларда. Шмякнулась на колени и осторожно коснулась рукой его разодранной, перепачканной в крови, одежды. Гай был мёртв. Его глаза были закрыты, грудь не поднималась, а пальцы на руках напоминали о холодах зимы.

Губы так и не смогли разомкнуться, чтобы вслух сказать о смерти того, кто мог бы в одно мгновение изменить её жизнь, вырвать из череды скучных деревенских будней и раскрасить дни красками Торренхолла. Лишь на глаза навернулись слёзы, и девушка тихонько всхлинула.

Как за спиной вырос Дагорм, Рики и не заметила. А старик склонился над телом Гая и облегчённо

выдохнул:

- Он жив. Хвала небесам.

Жив? Рики смахнула слёзы с глаз. Только бы старик не ошибся! Только бы не ошибся...

- Он дышит. - Дагорм суетился вокруг Гая. - Сердце бьётся, но слабо. Сейчас бы воды тёплой да полотенце... Травы кой-какие у меня есть, но нам нужно тепло и огонь.

Рики поёжилась - огня хотелось меньше всего на свете. Ещё раз поёжившись, девушка посмотрела на брата, словно искала у того помощи. Дален, прищурившись, смотрел на горизонт. Смотрел так, как вглядываются моряки, пытающиеся сквозь туман распознать долгожданный берег: сосредоточившись, зажав дыхание, боясь ошибиться и подать неверный сигнал капитану. Рики хорошо помнила, как повернула голову в сторону, куда уставился брат, и радостный крик сорвался с её бледных губ:

- Корабль!

Но девушка и хорошо помнила, как спустя мгновение её взгляд вдруг скользнул вправо, и от увиденного начинающие розоветь щёки вновь побледнели, и по спине опять прошёл тот самый неприятный холодок, который в последние дни стал столь привычным. Тихонько тронув Дагорма за руку, Рики кивком указала в нужную сторону. Лицо старика перекопилось от страха...

...Ступка с остатками целебной кашицы выскользнула из расслабленных пальцев и ударилась о доски.

- Опять витаешь в облаках. - Ворвался в мысли Рики недовольный голос Дагорма. Старик стоял у кушетки и вытирал выпачканные руки полотенцем. - Твоё счастье, что мы уже закончили. Сейчас только мелкие царапины обработаю, и можно будет выдохнуть.

- В который раз удивляюсь вашему мастерству. - На этот раз говорил судовой лекарь. - Признаюсь, я думал, мы его потеряем. А вам удалось сделать чудо - вырвать милорда из лап смерти.

- Ну, что вы, Арно, - смущенно отвечал Дагорм, в глубине души соглашаясь, что действительно превзошёл самого себя, но внешне стараясь о своих умениях не хвастать, - Стернсы сами по себе ужасно живучи, а я просто чуток ему помог.

- Буду с вами предельно честен: я никогда раньше не видел столь глубокие и рваные раны. Кто на него напал? Лев?

В каюте воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом волн за бортом и небольшим покашливанием Дагорма, словно тот подавился. Вот только чем?

- Будь тем зверем лев, - вымолвил старик, когда откашлялся, - Стернс съёс бы ему голову одним ударом меча.

- Тогда я тем более удивлен.

Арно вынул из глаза запотевшее пенсне и аккуратно протёр его тряпочкой, выуженной из кармана тёплого жилета.

Дагорм вновь склонился над Гаем.

- Мазь вот-вот начнёт действовать...

- Вы не дадите ему нюхательной соли?

- Что вы, что вы! - спешно отмахнулся Дагорм. - Я не для того поднимаю милорда на ноги, чтобы тут же свести его в могилу. Нам сильно на руку, что он до сих пор не пришёл в себя, иначе боль от действия мази свела бы его с ума.

- Полагаю, что сильнее той боли, которую он уже испытал, ничего быть не может.

- Уж поверьте мне, старому человеку, это средство в своём действии жжёт так, что смерти будешь рад больше всего на свете. К утру затихнет, там и приведём милорда в чувство, а пока пусть спит. Пользы и покоя всем от этого будет несоизмеримо больше.

Взяв в руки большое тёплое покрывало, Дагорм поманил крючковатым пальцем Рики к себе и, когда там приблизилась, прокаркал:

- Помоги мне его укрыть. Да не закрывай глаза! Ничего особенного ты там не увидишь!

Легко было сказать «не закрывай глаза», но вот сделать это было, ой, как сложно. И дело даже не в лужицах крови, которые ещё не были вытерты с досок и которые уже ни за что в жизни не ототрёшь с кушетки – к ним за несколько часов Рики успела привыкнуть, хоть тошнота всё равно время от времени и подступала к горлу. Нет, причина девичей робости была в другом. И щёки продолжали стыдливо алеть, а ресницы – дрожать, ведь даже целый ворох повязок, наложенных в основном на грудь и спину Стернса, не помогал скрыть красивое мужское тело, полностью обнажённое и основательно истерзанное.

Рики взмахнула руками, вместе со стариком расправляя покрывало. Когда белая ткань коснулась Гайларда, румянец на лице стал спадать, а жар – отступать.

Дагорм ещё раз склонился над Гаем, ещё раз проверил сердцебиение и дыхание, довольно хмыкнул, отошёл к столу, помешал палочкой воду в кувшине и достал из небольшого шкафа в углу чистый серебряный кубок и большие песочные часы. Песчинки в последних было столько, что, наверно, полдня пройдёт, а песок всё будет сыпать и сыпать... Поставив кубок и часы на стол, старик буркнул в сторону молчаливой Рики:

– Сиди здесь, и если его светлость придёт в себя, срочно дай ему выпить это. – Дагорм указал пальцем на кувшин. – И сразу зови меня. Как только песок пересыплется наполовину, смочишь тряпку вот этим раствором и обработаешь каждую царапину. – К кувшину, кубку и часам добавилось полотенце и небольшая склянка. – Поняла?

Рики послушно кивнула.

– Вот и молодец. И никуда отсюда не отходи. Слышишь? Я велю принести тебе поесть, но чтобы из этой каюты ни шагу!

Рики прекрасно всё поняла и не перечила.

Убедившись, что все наставления даны, Дагорм довольно потянулся и произнёс:

– А мне сейчас не мешало бы перекинуться парой слов с капитаном Мортенером. Вы составите мне компанию, Арно?

Судовой лекарь не возражал.

Стоило двери закрыться, как время потекло медленно. Складывалось ощущение, что песчинки специально не торопились пересыпаться из одной чаши весов в другую, спорили между собой, кому упасть первой, а кому – следом, мухлевали и перебежали в конец очереди, лишь бы не падать.

Корабль качался на волнах. Убаюкивающая качка и мерное потрескивание свечей вместе со страшной усталостью напомнили о необходимом сне. Глаза закрывались сами собой, но Рики терпела и не поддавалась искушению. Вскидывала голову, стоило только почувствовать, как та тяжелеет, тёрла руками глаза, хлопала себя ладонями по щекам и даже прыгала на месте, только бы не уснуть.

Гай не шевелился. Он ровно дышал, лицо порозовело, а губы были слегка приоткрыты, и пальцы на руках стали тёплыми, ведь к ним возвращалась жизнь...

...Никогда ещё Рики не было столь страшно. И хоть на мачте приближающегося к берегам Вороньего острова девушка легко распознала флаг Нолфорта, сердце не унималось, билось, как птица в клетке, а мозг повторял одно и то же, одно и то же: «А вдруг не успеют... не успеют... не успеют!»

Стоило спущенной на воду шлюпке прорезать носом рыхлый песок, как Дагорм уже был тут как тут. Крича и тыча пальцем в Стернса, он чётко руководил действиями моряков, среди которых был и Гверн. С трудом понимая, что к чему, и глядя по сторонам с неописуемым ужасом, застывшем во взгляде, Нольвен со стариком не спорил, лишних вопросов не задавал, делал всё быстро и даже не поинтересовался, где лучники. Каждым участком кожи Гверн чувствовал, что расспросы потом – сейчас же нужно было выбраться с острова и как можно скорее.

На помощь первой шлюпке пришла вторая. До корабля обе добрались быстро, вот только в шлюпке, где сидела Рики, было не так жизнерадостно и оживлённо, как в другой. И причиной тому было вовсе не измазанное гарью лицо девушки, не нахмуренный лоб боцмана, отправившегося с командой, а сосредоточенные взгляды трёх матросов, в руках которые были острые пики, направленные прямо на дно лодки...

...За маленьким круглым окном вспыхнул яркий свет. Это был вахтенный, обходивший судно с фонарем в руке. И Рики это знала, но всё равно вздрогнула, подняла голову и распрямила спину.

Она всё-таки не стерпела. Дала слабину и задремала прямо тут, у кушетки, положив голову на её край, уже не обращая внимания ни на засохшие пятна крови вокруг, ни на громкие удары волн о борт корабля.

Хотелось пить. Но на столе – только кувшин с целебным отваром для Стернса. Ни воды, ни даже вина, пусть и самого кислого, ни миски с едой, обещанной Дагормом. Или приходили, но она спала? Рики осмотрелась. Нет, в каюте за последние пару часов ничего не изменилось, ничего нового не появилось, даже куска хлеба, заплесневелого и прогрызенного корабельными крысами.

Часы отсыпали песка ровно половину – Рики вздохнула, взяла тряпку, смочила её раствором из склянки, отвела часть покрывала в сторону и медленно и робко провела тряпкой по царапинам на теле Гайларда.

С плечами и руками справилась легко, но дальше пришлось отвести покрывало чуть больше, чтоб подобраться к груди. Царапина за царапиной, каждая клеточка тела за клеточкой тела – Рики и не заметила, как израненной кожи вместе с влажной тканью касались и подушечки её пальцев. Касались нежно, воздушно, едва уловимо и с трепетом.

Ещё немного зеленоватого раствора на тряпку, и покрывало вновь поползло в сторону, а Рики опять ощутила прилив крови к щекам. Хвала богам, тут из царапин с трудом десяток набрался, и можно было с облегчением выдохнуть, и приложить к лицу оставленные на столе металлические аптекарские щипцы, чтобы спасительный холод сделал своё дело и прогнал стыдливый жар прочь.

Белая ткань заняла прежнее место. Тряпка со склянкой были возвращены на стол, а песчинки в часах продолжили перескакивать из одной чаши в другую, отмеряя новый отрезок времени.

Гай по-прежнему не приходил в себя. Мелкие капельки пота выступили на его лбу, и Рики засуетилась, выискивая что-нибудь, чтобы их вытереть. Нашлась неиспользованная повязка, и девушка аккуратно, боясь неловким движением нарушить сон Стернса, промокнула его лицо, отводя слипшиеся пряди волос в сторону и невольно разглаживая морщинки на переносице.

Впервые его лицо было столько близко, что можно было разглядеть каждую ресничку, тоже влажную и слегка подрагивающую. От загорелой кожи и жёсткой щетины пахло гарью вперемешку с травами Дагорма, и запах был настолько резкий, что Рики опять повело.

В каюте становилось душно. Всё сильнее хотелось пить, а ещё – глотнуть свежего воздуха, пусть и пропитанного солью и водорослями.

Не выдержав и дав себе обещание вернуться не позднее, чем сосчитает до ста, Рики осторожно отворила деревянную дверь и вышла на тускло освещаемую палубу.

Вокруг было тихо, и только море шумело за бортом.

Рики удивленно пожала плечами. Разве не полагается пара стражников возле капитанской каюты? Нет, не капитана, конечно, охранять, а милорда... Или все посчитали, что в этом мире уж нет силы, более страшной, чем та, с которой они столкнулись на острове, и что защитить наследника короля может только хрупкая деревенская девчушка – остальным не под силу? Так, наверно, и подумали. Но даже если так, то всё равно где все? Где советники милорда, где капитан, где команда, в конце концов?

Неподалеку закашляли. Кому-то было плохо, или кто-то просто подавился рыбной костью.

– Кто здесь? – набравшись храбрости, выкрикнула Рики.

– Я. – Сквозь сдавленный кашель Рики распознала голос брата.

Прищурившись, девушка вгляделась в темноту, но вряд ли смогла бы хоть что-то рассмотреть, если бы не бледная луна, высунувшаяся в этот момент из-за туч и осветившая палубу и паруса.

Дален стоял, на полкорпуса свесившись за борт. Отплевавшись, разогнулся и повернулся к сестре. Лицо его было бледным, как и небесный диск, губы скривились от неприятного привкуса во рту, глаза были красными, словно в них набросали мелкого песка.

– Я думала, ты внизу и давно спишь, – прошептала Рики, прижимаясь к брату и греясь в его объятиях... или грея его.

– Я тоже думал, ты видишь уже третий сон, – пробормотал Дален, не переставая кашлять.

– Там жарко и душно, и... эти пятна крови везде.

– Тут не лучше, – ответил брат, снова сплевывая кровью за борт.

- Так и не прошло?

Далее покачал головой.

- Вначале затихло - теперь опять.

- Тебя смотрел лекарь?

- Я сам себя исцелю быстрее, чем этот шарлатан в пенсне.

- Дален!

- Рики, из-за царапин не умирают, руки-ноги у меня целы, шея тоже не переломлена. Подумаешь, немного ноет в груди, и комок к горлу подкатывает. От того, что мы пережили и видели, даже бывалого вывернет наружу.

- Было б чем, - криво усмехнулась девушка.

- Ты ела?

- Только ломоть хлеба, когда нас подняли на борт. Потом меня позвали к милорду, и с тех пор...

Дален стиснул зубы.

- Стой тут, - распорядился он. - Я спущусь и принесу тебе всё, что осталось.

- Советник лорда Стернса обещал позаботиться о еде...

- Советник, - громкие титулы Далену были глубоко безразличны. - Этот советник сам слупил трёх омаров и сейчас сидит сытый и в тепле. О себе эти советники думают в первую очередь, а о нас вспоминают только, когда нужно выполнить за них чёрную работу.

- Дален! - возмутилась Рики, но брата несло.

- Мне интересно, вспомнят ли о нас, когда мы вернёмся в порт? О разбитой лодке, о мёртвом Рине... Или швырнут под ноги медяк и прикажут убираться?

- Прекрати! - Рики начинала закипать. - Милорд благороден, и близкие ему люди тоже. Я верю им. Ты бы видел, какое чудо старик сотворил в каюте!

- Чудо... - Дален задумался. - Знаешь, сестрёнка, я думал, я сотворил чудо там, на острове, когда попал в дракона. Но когда я увидел... его... на песке, то понял, что ничего не понимаю в чудесах. Так-то.

Рики молчала. Брат был прав: увиденное не укладывалось в голове. И сколь страшно не было бы от принятого Дагормом решения, старик всё же был прав: лишь разобравшись, следует выносить смертельный приговор. Только вот милорд будет злиться. Рики была уверена, что будет. И пусть злится, пусть кричит на всех подряд, даже на неё, хотя её мнение никому не было нужно, лишь бы пришёл в себя, и всё было хорошо.

- О чём думаешь? - Дален вклинился в девичьи мысли.

- О горячей картошке, - соврала Рики.

- Оставайся здесь, я принесу.

- Я с тобой.

- Тебе было велено сидеть рядом с милордом, так? Вот и делай, что велели. А я мигом.

Дален разомкнул сестринские объятия и скоро скрылся в темноте. Лишь спустя пару ударов сердца Рики услышала, как он загромыхал сапогами вниз по лестнице, ведущей на вторую палубу.

- И я мигом, - набравшись храбрости, вслух решила Рики.

Крадучись, девушка последовала к лестнице и тихонько спустилась вниз. Но не на вторую палубу и даже не на третью, а ниже. В трюм. Туда, где кроме мешков с мукой и бочек с порохом было кое-что ещё.

- Фух, уморился.

Грузный стражник опустил арбалет, поставил его рядом с бочкой, на которой сидел, вытянул руки вперёд, разминая, и встал. Сидевший на второй бочке юноша своё такое же оружие из рук не выпустил и даже не бросил в сторону напарника осуждающего взгляда, лишь медленно и сквозь зубы процедил:

- Нам было велено глаз с него не спускать.

- Так глаз же - не арбалета, - фыркнул грузный.

- Скоро смена придёт - тогда и отдохнёшь. А сейчас возьми хотя бы пику в руки и седи, где сидел.

- Чего ты тут раскомандовался? - Бывалому стражнику тон молодого щегла пришёлся явно не по нраву.

- Если командир Нольвен узнает, что ты его приказа ослушался, несдобровать нам обоим. Я из-за твоего упрямства в темницу попасть не хочу.

-Тьфу, - сплюнул на пол грузный и разразился высококлассной бранью. - Я двадцать лет служу Стернсам. Ты бы видел, сколько глоток я перегрыз вот этими зубами и скольких задушил вот этими руками! Надо слона уложить - выйду с ним один на один и уделаю. Надо льва - и льва ногами забью. А тут... сторожу задохлика! Да ещё и с арбалетом в руках. Не много ли чести ему одному? Да вырвись этот червяк на волю, я его тут же скручу морским узлом, приверчу на якорь и отправлю на дно к акулам.

- Нольвен зря говорить не будет, - не сдавался юноша.

- Нольвен боится гнева Стернса, что плыл за ним так долго.

- В том не командира вина, - огрызнулись в ответ. - А с этого крысёныша не только Нольвен велел глаз не спускать. Слова старикашки помнишь? Чуть шевельнётся - стрелять, не раздумывая. Из этого делаю вывод, что пацанёнок опасен, хоть с виду и заморыш.

- И что же ты выстрелишь даже, если он ухо себе почешет?

- Выстрелю.

- Не смей меня.

- Мне не до смеха.

Грузный скользнул взглядом по лицу напарника, надеясь разоблачить тщательно скрываемую издёвку, но он ошибся. Второй стражник и не думал шутить. Всё, что он делал и говорил, делалось и произносилось на полном серьёзе, хоть про ухо, хоть про арбалет. Грузный недовольно поводит носом, протянул руку к отставленному оружию и уже взял его, как вдруг насторожился и прислушался. Его молодой помощник тоже дрогнул и даже чуть было не повернулся в сторону странного скрипа, но вспомнил о приказе и продолжил, не моргая, пялиться в том направлении, куда был направлен его арбалет.

- Крыса? - шёпотом спросил грузный.

- Может, и крыса, - отвечали ему.

- Большая, видимо, крыса, если доски скрипят... - И громким голосом в темноту: - Эй, кто здесь?

Ответом была тишина.

- Наверняка, крыса, - выдохнул второй.

- Ага. - Грузный, прищурившись, взгляделся в темноту и вдруг громко и даже довольно гаркнул: - Крыса-крыса! Да в сапогах и лохматая!

И тут же сунул руку в черноту, и выволок на тусклый свет, исходящий от пары фонарей, совсем не готовую к такому повороту Рики.

- Ай! - вскрикнула девушка и попыталась разнять пальцы грузного, вцепившегося в вихор на её голове. - Отпустите, дяденька.

- Чего шастаешь по ночам, чего вынюхиваешь?

- Я просто так... - начала испуганно лепетать девушка. - Проверить, всё ли в порядке.

- Проверить, - проворчал грузный. - Ты кто такая, чтобы проверки устраивать? Или ещё скажешь,

что мы тебе отчитываться должны?

- Не должны, не должны. - Рики корчилась от боли. - Да пустите же! - В сердцах прикрикнула она и покосилась в сторону железных прутьев, отделявших тёмную камеру от арбалетов.

За прутьями было темно, и только на полу поверх укрытых соломой досок валялось несколько мешков. Со стороны могло казаться, что пустых, но стоило приглядеться, как становилось ясно: в мешках что-то есть...

С одного края мешки были повязаны в несколько слоёв толстой верёвкой - такую с первого раза не разрежешь, даже если нож острый; с другого края из мешка торчал клок светлых волос. Чуть ниже опять шли верёвки одна за другой, только хват был уже в два раза шире. Шевеления среди мешков не было, но привыкший к темноте цепкий взгляд без труда мог высмотреть, как мерно поднималась и опускалась плотная ткань, будто вторила чьему-то ровному и спокойному дыханию.

- Бабы на корабле - к беде, а в трюме - и к беде, и к голоду, и к вшам, - буркнул грузный и тут же шикнул на девушку: - А ну, брысь отсюда!

- А он... - Рики переминалась с ноги на ногу, прежде чем рвануть вверх по лестнице. - Он так и не проснулся?

Грузный стражник расхохотался.

- Жених твой, что ли, что так волнуешься?

- Может, и жених, - и глазом не моргнув, соврала Рики. В конце концов, если хочешь что-то разузнать, то все средства хороши.

Грузный хмыкнул.

- Тощ больно жених. Хотя и ты далеко не красавица. Оба друг друга стоите.

Трюк сработал - грузный проникся жалостью и уже готов был разболтать всё на свете.

- Так, значит, так и не проснулся, - протянула девушка.

- Дрыхнет, как убитый. Чего он натворил, что его сразу в мешок и за решётку? Да ещё и охранять приставили. Первый раз вижу, чтобы задохликам, как этот, столько внимания оказывалось.

Рики пожала плечами вместо того, чтобы вдаваться в подробности и начать откровенничать с недалёкого ума стражником. По правде, она и сама знала немногим больше, чем её ворчливый собеседник. Хотя нет. Намного больше, конечно же. Но, всё равно, молоть языком перед жадными до баек мужиками было сродни распусканию сплетен, а Рики сплетен боялась.

- Вот ты где!

Знакомое карканье заставило обоих стражников вытянуться по струнке, а Рики испуганно охнуть. Теперь гневных речей было не избежать. И ведь сама виновата! Обещала же сама себе, что только одним глазком глянет, всё ли спокойно внизу, а что в результате? Была вытащена на свет, и долго бы ещё тут стояла, разглядывала, как замороженная, лежавшие на соломе мешки, надеясь рассмотреть хоть чёрточку ранее знакомого лица.

- П-простите, - мгновенно икнула Рики и, воспользовавшись замешательством грузного, высвободила волосы из его захвата и дёрнулась к лестнице.

- Я что тебе велел? - прикрикнул вдогонку девушке вынырнувший из темноты Дагорм и пригрозил кулаком. - Быстро наверх, и чтобы я тебя больше тут не видел! А вы, - старик бросил полный гнева взгляд на стражников, - хороши, балаболы! Вам было приказано глаз с него не спускать! - Дагорм тыкнул пальцем в сторону мешков. - А вы в первый же подвернувшийся момент принялись петушиться перед бабой!

- Мы не... - начались было оправдания, но старик пресёк их быстро и болезненно.

- Сидеть на страже ещё четыре склянки! А чтобы на баб больше были не падки, после смены оба получите плетей дюжину!

Когда шаркающие шаги старого советника стихли на уровне первой палубы, грузный стражник обречённо вздохнул и осторожно заметил:

- Да... Видимо, опасен всё же этот задохлик, раз с ним так все носятся...

- Видимо, да, - столь же тяжело вздохнул его напарник и шмыгнул носом.

Глава 19. Его тень

- Кто ты такой, чтобы решать?!

Слова прогремели над головой, словно раскат грома в грозу. Рики вздрогнула, но глаз не открыла - не привыкать спать под сильный дождь.

Но не успело сердце стукнуть и раза, рядом с головой жажнули со всего размаха. Дали так, что мёртвый воскреснет. Рики мёртвой не была, только сонной, но глаза открыла в тот же миг. Ни молота, ни дубинки рядом не было - только кулак прямо перед её носом на кушетке. Его кулак. Да и голос был тоже его.

Сколько же она проспала, что милорд очнулся, а она не заметила? Ночь? Ночь и всё утро? Или две ночи и день между ними? Рики совсем не помнила. Но времени явно прошло достаточно - успели затечь не только руки, но и ноги. Хотя чего ещё можно ждать, если спишь, сидя на полу у кушетки и положив на мягкую бархатистую поверхность лишь голову да локоть под неё?

В каюте не затихали запахи трав и мазей, но теперь здесь было ещё светло и шумно. Краешком глаза Рики заприметила серые одежды Дагорма. Старик стоял ближе всех к кушетке и время от времени теребил пальцами край бездонного кармана своего балахона. Чуть дальше от стола были видны ещё две пары сапог, но, чтобы разглядеть лица их владельцев, требовалось сильнее приподнять голову и тем самым себя выдать. К такому шагу Рики была ещё неготова, поэтому только прижала голову к локтю и сделала вид, что спит крепче прежнего.

- Милорд, - заговорил старик, и Рики напряглась, приготовившись ловить каждое слово, - окончательное решение, бесспорно, за вами, но послушайте меня ещё раз. Я лишь прошу не рубить сгоряча - кто знает, чем это всё в итоге обернётся.

Кулак перед самым носом девушки разжался, и пальцы Стернса вцепились в покрывало с такой силой, что вот-вот порвут.

- На том острове я лишился пятерых лучников. Меня самого пытались не раз сожрать, предать и перерезать мне горло. О каком милосердии ты просишь? Ты сам только что признался, что вытащил меня чуть ли ни с того света... И я должен пощадить того, кто чудом меня не добил?

- Я не прошу отпустить его на волю...

- Его следовало разрубить пополам прямо на том самом месте, где вы его нашли!

- Поймите меня правильно, милорд, - взмолился старик, - будь это просто дурак, решившийся покуситься на вашу жизнь, я заколол бы его в тот же миг. Рука бы не дрогнула, хотя, сами знаете, тремор у меня не прекращается уже лет двадцать. Но этот юноша...

- Эта тварь сейчас на одном корабле со мной! - взревел Гай. - Я давно знал, что ты спятил, но чтобы настолько...

- Держать его на другом корабле - ещё большее безрассудство, милорд. Чудовище не тронуло девочку на острове и не смогло подступиться к вам, пока она была рядом. Вряд ли оно уничтожит и судно, на котором та плывет.

Рики почувствовала, как горят её уши и щёки. В тот миг она была готова поспорить, что все взоры только на неё и устремлены. Боясь ненароком проколоться, девушка посильнее зажмурилась и мысленно молилась, чтобы присутствующие поскорее нашли тему поинтереснее, чем странная связь между ней и пленником в трюме, который удивлял с каждым днём всё больше, и от тех удивлений становилось очень страшно, но одновременно и любопытно, и сердце замирало от одной только мысли, скольких жизней им то любопытство может стоить.

Плюющееся огнём когтистое чудовище было убито, но на земле, куда рухнул зверь и где он взорвался мириадами изумрудных кристаллов, лежали не кровавые ошметки, не разорванные пополам лапы и хвост, не выбитые взрывной волной зубы и даже не когти-лезвия, не способные сгореть ни в одном, даже самом страшном, огне. Нет. На покрывале из рыхлого песка лежал русоволосый юноша, бледный и абсолютно голый. Ни под ним, ни вокруг крови не было, лишь на руках и ногах - небольшие ссадины. И на груди, в том месте, где стучало сердце, едва виднелась крохотная царапина, будто наконечником стрелы отметку сделали. И то не серьезно, а играючи.

Подойти к юноше Рики не позволили; прибывшие в шлюпке стражники окружили паренька и наставили на него пики, а Дагорм осторожно ткнул мальчишку палкой. Тот даже не шевельнулся и глаз не открыл, только продолжал ровно сопеть. Не рыпнулся юнец даже тогда, когда ему принялись вязать руки и ноги, а потом, приподняв, потащили в лодку и перевезли на корабль, где тут же завернули в мешок и бросили в трюм, за решётку, приставив в клетке охрану с арбалетами.

Воспоминания прожигали мозг Рики с той же силой, с какой драконье пламя уничтожало на острове всё живое. Перед глазами вспыхивало лицо Сэма: вначале этот странный, полный благоговения и нежности, светлый взгляд; потом вулканическая лава, сожравшая юношу изнутри, сбросившая со скалы и разорвавшая на части. В тот миг, когда пробудился дракон, Сэм для Рики умер. И как же громко она охнула, когда вместо чудовищной туши увидела на земле того самого, кто так странно говорил с ней в пещере, кто называл её хозяйкой, и над кем она имела непонятную для самой себя власть, в природе которой безумно хотела разобраться, хоть и страшно боялась.

- Сколько кораблей идут за нами? - На вопросе Стернса сникли все воспоминания.

- Три, милорд, - ответили голосом, закалённым на морском ветру.

Рики без труда узнала говорившего. Им был капитан Мортенер - невысокого роста мужчина, с загорелым лицом и шрамом во всю левую щеку. Капитан был первым и единственным на корабле, кто протянул девушке руку, помогая забраться на борт, и даже шутливо назвал Рики «леди».

- Этот фрегат вышел в море сразу, как ко мне явился Нольвен, - продолжал Мортенер. - Ещё один и два брига были отправлены Стенденом спустя неделю. Все корабли ушли в сторону Вороньего острова, но потом разошлись в разные стороны - так было проще вас искать. И встретились снова только вчера.

- Я окружён болванами? - Измятое покрывало в который раз испытало на себе силу пальцев Стернса. - Я добрался до острова на простой рыбацкой лодке за один день, а четыре быстроходных королевских судна ползли медленнее черепах? Я не верю, что вы нас искали. Скорее, бездумно болтались по морю и жрали крабов.

- Вы много лет меня знаете, милорд, - оправдывался капитан, - я слов на ветер не бросаю. Решения принимаю быстро и порой болезненные, но у нас иначе нельзя. В том, что произошло, я готов винить во всём себя, если вашей светлости так будет угодно.

- Ну-ну, Мортенер, - вмешался Дагорм, - немедленно прекратите. Вашей вины в том нет. Я предупреждал милорда, что остров опасен, а случившееся и то, что вы мне рассказали, только лишнее тому доказательство.

- Остров был бы менее опасен, если бы корабли поспешили, - отрезал Гай.

- Капитан, - вновь встрял в разговор старик, - поведайте милорду то, что мы обсуждали этой ночью.

В стороне зашуршали бумагами. Сгорая от любопытства, Рики приоткрыла один глаз и увидела, как пара сапог подошла к столу. Это был капитан. Его лицо, столь приветливое при первой встрече, сейчас было хмурым и сосредоточенным, а руки, отодвинув в сторону сменные повязки и баночки с мазями, переворачивали карту за картой, подыскивая нужную.

- Вот, милорд. - Мортенер выпрямился и с нужной картой в руках шагнул к кушетке. Краешком глаза Рики заметила, что его руки дрожали. - Взгляните сами. Это подробнейшая карта Хмурого моря. Вот Вороний остров. Как видите, ходу до него всего ничего, и, выйдя в море с рассветом, мы домчались бы до заката.

- Но вы не домчались, - ледяным тоном прервал капитана Гай.

- Верно, милорд. Потому что по нужным координатам острова не было.

В каюте повисло неловкое молчание. Пальцы Гая нервно теребили край покрывала, а капитан, про себя насладившись замешательством господина, добавил:

- Мы перепроверили всё сотни раз. Координаты на всех картах одинаковы - ошибки быть не могло, однако ни один из четырёх кораблей на нужном месте не нашёл острова. Он словно растворился или даже... - капитан замешкался, не решаясь произнести подходящее слово, столь глупо оно прозвучало бы.

На помощь Мортенеру пришёл Дагорм.

- ...или даже уплыл, - закончил он за моряка. - Я давно начал подозревать неладное. Я говорил вам, что звёзды и луна меняют своё местоположение. Остров не стоял на месте - он дрейфовал в открытом море, плыл по волнам, уходил то на юг, то на восток, то обратно. Вот почему мы так долго не видели кораблей.

- Без вас возвратиться в Нолфорт мы не могли, - подхватил каптан. - И мы принялись прочёсывать Хмурое море миля за милей. Мы уходили дальше и дальше от наших границ, но ничего и близко не находили. Если бы марсовые не разглядели дым, мы бы ещё долго плутали.

- Дым? От наших костров?

- Дракон поджѐг добрую половину острова, милорд, - мягко пояснил Дагорм. - Наши костры не шли ни в какое сравнение с тем пламенем, которое бушевало по вине той твари.

- И после этого ты продолжаешь настаивать, чтобы я сохранил ему жизнь? И терпел его на своём корабле?

- Про судно я вам уже объяснил. У нас нет выбора. Пока девчонка рядом с вами, и вы, и корабль в полной безопасности.

Рики вновь ощутила на себе любопытные взгляды.

- Она нас слышит? - Вопрос был задан голосом молодым и звонким, в котором Рики узнала молодого советника лорда Стернса, что приезжал в деревню.

- Она спит, - спокойно ответил Гай, и сердце девушки вновь забилося ровно.

- Девочка совсем вымоталась, милорд, - отозвался старик. - Как и её брат. Вам бы поговорить с ним, когда вам станет чуть лучше.

- О чём с ним говорить? - поморщился Гай. - За свои старания он получит приличную сумму золотом. То, что я обещал, будет удвоено. Деревенщине этого хватит на всю оставшуюся жизнь.

- Юноша уничтожил дракона... - как бы невзначай заметил Дагорм.

- Да? - насмешливо бросил Гай. - А кто тогда у меня в трюме в цепи закован?

- Чтобы ответить вам, мне нужен мальчик. Живой, а не перерубленный пополам, как вы того жаждете. Я покажу его на Совете Мудрейших, и тогда, возможно, смогу сказать вам больше, чем поведал сейчас.

- И что вы будете с ним делать? - Стернс открыто издевался. - Воткнете в него иглы, чтобы пустить кровь и выяснить правду, или просто будете, стоя на коленях, умолять излить душу?

Дагорм скромно пожал плечами.

- Что из этой затеи получится, я сейчас загадывать не смею, но если мы вдруг поймѐм, что он по-прежнему представляет опасность - пусть и просто для крыс - мы тут же от него избавимся.

В стороне осторожно кашлянули.

- Позвольте, милорд... - встрял в разговор Гверн. - Если в пацанѐнке осталась хоть капля той мощи, о который тут говорили, то, представьте себе, какой силы оружие вы можете заполучить, научись вы тем мальчишкой управлять!

- Нет, нет и нет! - вскричал Дагорм. - Я пощадил мальчика не для того, чтобы позволить после науськать его на наших врагов и соседей. Да, здесь и сейчас я осмеливаюсь перечить вашей воле, сир, но лишь потому, что хочу узнать причину, почему этот странный юноша был одержим вашей смертью, и как он сумел выжить, получив стрелу в самое сердце. Древние предания говорят нам держаться подальше от Вороньего острова, а мы их не послушали. И то, что мы видели, должно быть изучено и зафиксировано в книгах для блага наших же потомков.

- И сколько городов он сожжѐт, прежде чем ты поймѐшь, что совершил самую большую глупость в своей жизни? - Гай смотрел на советника в упор.

- Ни одного, ваша светлость, - уверенно ответил старик.

- Неужели?

- Если правильно сыграть на его слабости, то ни одного.

- А тебе известна его слабость?

- Вы её тоже прекрасно знаете.

Щѐки и уши опять запылали. А Дагорм невозмутимо продолжал:

- Мальчишка закован в цепи. Ему приносят еду, но за вчера и сегодня он так ни к чему и не притронулся. Он открыл глаза, но смотрит только в пол и ничего не говорит. Я велел усилить охрану, и теперь вместо двух человек за ним наблюдают десять. Как только мы сойдѐм на берег, я тут же соберу Совет. А девочка поможет мальчонку разговорить и выяснить, что за чудо на самом

деле прячется под личиной паренька по имени Сэм.

- И на это ты просишь моего согласия?

- Да, милорд.

В каюте стало тихо. Лишь изредка слышалось лёгкое шуршание - это капитан Мортенер сворачивал карты и скрипели плохо разношенные сапоги Нольвена. А Стернс всё молчал и решение озвучивать не торопился. Вначале Рики досчитала про себя до двадцати - ответа не было. Потом до ста - всё та же скрипуче-шуршащая тишина. Когда счёт перевалил за третью сотню, Гай вдруг спросил:

- Как быстро я встану на ноги?

- Уже завтра попробуем, милорд, - встрепенулся Дагорм. - Но потихоньку и с большими перерывами на отдых.

- Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу показаться на людях на носилках.

- Все мази сильные, ваша светлость, но я бы пока остерегся ездить верхом. Мы подготовим для вас удобный эки...

- Плевать, - перебил Стернс. - В замок я должен явиться на лошади, и всё должно выглядеть так, будто ничего не случилось. Никто не должен ничего знать. И если слухи обо мне просочатся в народ, и виной тому будет болтливая деревенщина или матросня, то я лично вырву им языки.

Дагорму судьба простых людей была же глубоко безразлична.

- А с мальчишкой-то что вы решили? - с волнением в голосе спросил он.

- Выясни всё о его способностях. Мне нужна его мощь, его огонь и его сила. Если он откажется признать во мне своего хозяина, то убей его.

- А девчонка? Может, отвести её в трюм, и пусть разговорит пацаненка?

- Она останется со мной.

- Но, милорд, время идёт, толку от этой девчушки уже никакого нет, а так, глядишь, мы бы уже были на полпути к истине.

- Пошёл прочь со своей истиной, - устало выругался Гай и медленно опустился на сваленные за спиной подушки. - Девчонка останется здесь и не выйдет отсюда, пока я не позволю. Пока мы не сойдём на берег, она будет моей тенью. А дальше я решу, что с ней делать.

Дверь каюты легонько скрипнула - все трое вышли.

Опять стало тихо, и только море шумело за бортом. Кто-то пронзительно закричал: то тяжёлый крюк упал на ногу. Потом раздались голоса за окном: двое матросов сошлись в пошлом споре о женской красоте. И снова стало тихо - хоть опять глаза закрывай и впадай в дрему. А так хотелось уже потянуться, похрустеть шеей и распрямить спину. Но нельзя. Лучше дождаться, когда милорд уснёт, и только тогда медленно и осторожно подняться.

- Ну, хватит. - От громкого и властного голоса по телу побежали мурашки. - Я знаю, что ты не спишь. И я знаю, что ты слышала весь наш разговор.

Рики медленно отняла голову от мягкой кушетки, моргнула ресницами и пролепетала:

- Простите.

Взгляд Стернса скользнул по заспанному лицу девушки, и Рики смутилась, тут же отвернулась, провела ладонью по измятой щеке, затем коснулась волос. Топорщившиеся в разные стороны, жёсткие и давно нечесанные, те придавали лисьему личику совсем непривлекательный вид. А добавить сюда короткие блеклые ресницы и царапины на подбородке, так зрелище представлялось совсем печальным.

- Принеси мне пить, - приказ был отдан сухо и равнодушно и до блеклых ресниц, и до неухоженных волос, и до помятого лица.

Рики поднялась. До стола - несколько шагов, но с каким же трудом они дались! То ли от качки, то ли от слабости, но Рики вначале повело в сторону, а потом и вовсе помутнело в глазах. Помог всё тот же стол, за край которого успели ухватиться руки. Рики перевела дыхание.

- В чём дело? - Гай был требователен.

- Простите, милорд, - проронила девушка едва слышно, - мне что-то нехорошо.

- На столе - кувшин, а рядом - кружка. Ну?

- Эта ведь ваша кружка, и в кувшине - целебный отвар для вас.

Гай фыркнул.

- Молчи и пей. У этого старика от всех бед одно снадобье: и от лихорадки, и от гонореи. Полную налила? - Рики кивнула. - Вот и выпей всё и за раз. На вкус - настоящая моча.

Рики чуть не поперхнулась. Впервые она слышала подобную речь от человека, чей статус был так высок и недостижим, что простой люд давно приравнял могущественного племянника короля чуть ни к богу. Впрочем, та же участь коснулась и самого короля.

Отвар был и правда гадким. Солонуватый и пахнувший вытоптанном полем после долгого выгула на нём вонючих коров, он так сильно вязал, что тошнить начало сильнее. Но один стук сердца - и всё прошло. Неприятная горечь во рту и тяжесть в груди отступили, а на губах и языке осталась лишь соль, которая совсем не раздражала.

- Лучше?

Рики кивнула, долила отвара в чашку и подала Стернсу. Откинувшийся на грудь подушек за спиной Гайлард попробовал приподняться, но пронзительная боль исказила его лицо, пальцы сжали покрывало, и Стернс упал обратно, так и не сумев сесть.

Спешно отставив кружку в сторону, Рики нависла над Гаем. Паника нарастала в её взгляде. Не зная, что делать, куда бежать, она одной рукой держалась за спинку кушетки, другой - теребила воротник своей туники. Надумав уже кричать Дагорма, девушка бросила быстрый взгляд в сторону двери, но Стернс её остановил.

- Одежду принеси, - процедил он сквозь зубы и снова поморщился от боли.

Рики послушно зашарила взглядом по каюте. Должен же был старик хоть что-то оставить! Всё старое, порванное в клочья и перепачканное кровью и землёй, было сложено в мешок и упрятано в трюм. А замена?

- В углу, на кресле, - словно прочитав мысли девушки, вдруг произнёс Гай.

К сложенной стопке чистой, пусть и далеко не роскошной и не аккуратно шитой, одежды Рики не подошла, а подлетела. Схватила всё, что там лежало, и бегом обратно. Но сложенная втрое штанина из стопки выскользнула, распрямилась и обвилась вокруг девичьей ноги. Рики пошатнулась и тут же грохнулась со всем, что несла, на ровные и крепкие доски.

Дверь каюты тут же распахнулась. Внутрь запрыгнул стражник с пикой в руке, готовый тем остриём проколоть любого насквозь во имя и славу короля.

- С вами всё в порядке, милорд? - задыхаясь от волнения, выпалил паренёк, продолжая держать оружие наготове и целиться в невидимого врага.

- Убирайся, - прошипел Гай.

Гневный взгляд Стернса был страшнее любой пики, и перепуганный стражник, не понимая, за что ему досталось, спешно выскочил из каюты и плотно прикрыл за собой дверь.

- Лучше б позвали его помочь, - мягко заметила Рики, поднимаясь с пола и подбирая одежду.

- Чтобы каждый плебей видел мою слабость, а потом трещал об этом на каждом углу и в каждой канаве?

- В вашей слабости нет ничего зазорного, и один вы пока не справитесь. Вот полежите ещё денька два-три, или сколько там старик скажет, тогда другое дело.

- У меня нет двух-трёх дней, - простонал Гай, вновь пытаясь кое-как сесть. - Этот бородатый шарлатан должен поставить меня на ноги к вечеру, иначе я за себя не ручаюсь.

- Лучше вот, выпейте.

Прямо перед носом Стернса оказалась тоненькая рука, местами в царапинах. В руке была кружка, наполненная целебным отваром. Когда Рики успела закинуть одежду на спинку кушетки и упорхнуть за лекарством, Гайлард так и не понял, но кружку взял и, морщась, выпил почти всё, при этом несколько капель осело на безобразно-колкой щетине.

- Нет, - настаивала Рики, - до дна.

Но Гай только сунул девушке кружку с остатками снадобья обратно в руку и, расслабившись, прикрыл глаза. Тошнотворная жидкость растеклась по телу, боль тут же притупилась, и сердце забилося ровнее.

- Руки сможете повыше приподнять?

Рики снова мельтешила перед Стернсом. Недовольное выражение его лица она умудрялась смело игнорировать, злобную ворчливость умело пропускала мимо ушей, с причитаниями не лезла и в этот раз держала наготове чистую тунику с длинными рукавами и широким проёмом для головы.

Гайлард сделал очередной рывок, чтобы сесть, и опять скривился, и закусил нижнюю губу от боли. Покрывало спало с груди, и по телу прошёл легкий озноб.

- Помогите, - прохрипел Гай, с трудом попадая в рукав. Рики не смела послушаться.

Его тело было таким горячим, что Рики едва держалась, чтобы не отдёрнуть руки. Вскоре воздушная ткань покрыла сильные плечи. Со спиной оказалось сложнее: глубокие порезы ныли от любого, даже крохотного, прикосновения. Дюйм за дюймом Рики распрямляла тунику, стараясь не задеть ни одной страшной раны. Гай терпел, всё так же закусив губу, и молчал, хотя в какой-то момент Рики показалось, что он вот-вот сорвётся.

Но на спине беды девушки не кончились. Сгорая от стыда и мысленно проклиная всё на свете, Рики принялась распрямлять тонкую ткань на груди Стернса. Подушечки пальцев нет нет да и касались грубой кожи и коротких волос, и с каждым прикосновением смущение росло, и кровь прилиwała к лицу охотнее и быстрее.

Нет, Рики, конечно, видела обнаженных мужчин. В сторожевых казармах Швидоу девушки не стеснялся ни один стражник. Все относились к ней как к мебели, которая заметна, только если нужно присесть и стянуть с ног тяжёлые сапоги. В остальном же за бабу Рики никто из стражников не считал, с ухаживаниями не подкатывал и прикрывать свои совсем уж интимные части тела не торопился. Но одно дело - видеть; другое - касаться. Тем более того человека, кого и так боготворишь и на кого смотришь снизу вверх. Тем более будучи с ним наедине.

- Готово.

Рики разгладила тунику и выпрямилась.

- Могла бы и побыстрее, - получила девушка в ответ.

- Если бы делала быстрее, вы не кусали бы губу, а орали так, что к нам пол корабля сбежалось бы.

- Мне нужно одеться до конца и попробовать встать.

- Ну уж нет, - Рики и сама не поняла, с чего вдруг так резко осмелела.

Стернс опешил. В его взгляде читался вопрос, требующий скорейшего ответа, иначе было недобровать.

Девушка поспешила объяснить:

- Судя по тому, как урчит мой живот, а в щели просачивается запах варёной рыбы, вам скоро принесут обед. Приносит обычно старикашка...

- Дагорм, - поправил Гай.

- Он самый, - ничуть не смутившись, подхватила Рики. - У него и спросим, можно вам вставать на ноги или нет. Без его разрешения я этого делать не позволю. В конце концов, сами назвали меня своей тенью, а тень сейчас сидит на кровати.

И с этими словами и не взирая на бешеный стук сердца в груди, Рики села на край кушетки, прямо на уголок покрывала, и победно уставилась на Стернса. Внутри всё горело, и мысленно девушка приготовилась к худшему.

Стернс смотрел в упор и с ответом не спешил. Разглядывал сидевшую перед ним внезапно осмелевшую нахальную девчужку, щурил глаза и думал. Разглядывал внимательно, начав со спутанных волос, спустившись взглядом к губам и подбородку, а после - на едва заметную грудь. Девушка поёжилась. Резко захотелось набросить на плечи накидку и прикрыться, но нечем. Не покрывало же у милорда отнимать. Храбрость улетучилась, озорство во взгляде потухло, а Гай, чеканя каждое слово, словно вынося приговор, сказал:

- Тень всегда и везде у ног своего хозяина. Тень повторяет все его движения и никогда не предаст.

- Я готова, - выпалила Рики.

- Тень не перечит, не своевольничает и собственного слова не имеет.

- Я и на это готова, вы же знаете!

- Тени не позволительны чувства: ни радость, ни грусть, ни наслаждение...

- Не надо мне никакого наслаждения. - Рики поняла, к чему клонит Стернс, и умоляющие посмотрела на него. Она готова была и на колени бухнуться, если б не поганое покрывало, которое, стоило девушке скользнуть на пол, потянулось бы тут же следом. - Только возьмите меня к себе в Торренхолл. Не отсылайте в деревню или куда ещё.

Гайлард снова закрыл глаза и снова закусил губу, будто раны на спине опять неистово заныли. Молчание затянулось, и Рики тихонько поднялась с кушетки. Сидеть рядом смысла не было - девушка поняла это сразу. И когда надежда получить хоть какой-либо ответ окончательно улетучилась, Гай вдруг неторопливо и негромко произнёс:

- Нет. На эту роль ты не подходишь.

- Но, милорд!

- Нет, и не проси.

- И что? Мне обратно в деревню?

Ответ последовал в тот же миг.

- Я ещё не решил.

Глава 20. Треснувший каблук

- И сколько времени он тут сидит? - спросил Дагорм стражника, предварительно коснувшись пальцами его плеча. Одновременно с вопросом старик покосился в сторону самого дальнего угла, в котором было сыро, неудобно и до боли в глазах темно.

Стражник пожал плечами.

- Да я не следил.

- С той самой поры, как обед закончился, - проронил его напарник.

- Долго, - протянул Дагорм.

- Сами удивляемся. Мы его разок окрикнули - он молчит. Ну, мы больше и не стали.

- Он хоть там не мёртвый?

Дагорм всмотрелся в черноту. Видно было плохо. Тогда старик снял с крючка фонарь и, подняв его над головой, осветил в нужную сторону.

- Живой я, - донеслось из угла, а тусклый свет выхватил из темноты Далена.

В трюме было тесно, душно, и пахло прокисшей мешковиной.

Прошаркав от бочек, на которых сидели стражники, до молодого моряка, Дагорм опустился рядом с ним на доски и, поджав ноги, повернул голову, и посмотрел туда, куда уставился Дален. Только вот на них обоих, как, впрочем, и на охрану, со стороны черноты никто не глядел, при том, что этот «никто» уже и не лежал, а закутавшись в мешковину, сидел, обхватив руками колени, прислонившись спиной к стене и опустив голову так, что ни рта, ни глаз не разглядеть.

- Не даёт покоя? - спросил Дагорм после долгого молчания. - Мне тоже. Таскаюсь сюда по пять раз на день и каждый раз думаю, а ну как зыркнет на меня взглядом ящера, разинет пасть да спалит весь корабль.

- Я впервые... убил... - Дален так и не смог завершить начатую фразу. Его беспокойный взгляд шарил по худенькому силуэту пленника, словно решал, кто же был поражён на острове в самое сердце: чудовище или человек.

На помощь пришёл старик.

- Ты убил зверя и спас наши жизни. Знаешь, не каждый отважился бы так рискнуть своей жизнью.

- О чём вы?

- Ты прекрасно знаешь, о чём. Зверю нужен был милорд. Отдай ты Стернса чудищу, глядишь, тот даровал бы тебе жизнь. Но ты предпочёл сражаться, хотя шансы на точный выстрел были ничтожны.

- Но они были.

- Вот тут я развожу руками и не перестаю удивляться госпоже удачи.

- Значит, удача меня любит.

- Именно, мой мальчик. Тут опытному-то лучнику в цель не попасть, а ты, ни разу того лука в руках не державший, вдруг поражаешь зверя прямо в сердце. Мистика! Загадка! Ну, или то самое везение, которым не стоит злоупотреблять, и та самая благородная смелость, которой тебе следует гордиться.

Продолжая смотреть на светловолосого мальчишку за стальными прутьями и хмурить лоб, Дален произнёс:

- Зря его сюда потащили. Надо было добить прямо на берегу.

- А вот сейчас ты меня разочаровал, - тут же отозвался Дагорм.

- Почему? Он чуть не превратил нас в угольки на острове... На себя-то мне плевать, но за Рики убью любого.

- Ты снова забываешь главное. Та тварь не хотела твоей смерти, как и смерти твоей сестры. Иначе что ему мешало перерезать тебе горло в воде, как и твоему хамоватому приятелю? Как там его

звали? Рэй, Рон?... Рин! Чикнул бы тебя так же, и готово. А? Не думал об этом? То-то. А я вот думаю. Тварь решила оставить тебя в живых. Но почему?

- Вы это выясните?

- Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы найти разгадку. Если мальчишка откажется говорить, у нас есть книги. Глядишь, в самом крохотном и лишённом ритма стихе и кроется намёк. А после ниточка потянется, и клубок распутается.

Дален взъерошил давно невымытые волосы и провёл ладонями по заросшему щетиной подбородку.

- Я устал, - выдохнул он. - И просто хочу домой. Хочу забыть обо всём, что видел, и никогда об этом не вспоминать.

- Капитан Мортенер выжимает из этой посуды всё возможное. И так идём на четыре узла больше верха. Вчера даже мачта чуть не затрещала. Если мы неожиданно не сядем на мель или не перевернёмся по причине такой прыти, то прибудем в порт уже завтра после полудня.

- Скорей бы.

- Мы все нуждаемся в отдыхе, - обречённо согласился старик.

Дален поморщился.

- Дело не только в усталости.

- Что же ещё? Урожай не скошен?

Дален мотнул головой.

- Я беспокоюсь о Рики.

Старик удивлённо повёл бровями.

- Твоя сестрица в тепле и сытно накормлена.

- Я не о том, - оборвали старика.

- Что же может ещё волновать, коль стужа не пробирает до дрожи, и желудок не урчит с голоду?

- Стернс не отпускает её от себя которые сутки. Она сидит около него, спит около него... Кто знает, что там ещё происходит.

- Вот оно что! - воскликнул Дагорм и суровым тоном добавил: - Запомни, юноша, Гайлард Стернс - само благородство. Он никогда не сделает твоей сестре ничего плохого. Ни ради забавы, ни ради корысти. Так что выброси эти мысли из головы и иди спать! Уже, чай, смеркается.

- Благородство? - фыркнул Дален. - О нём вспоминают всегда ради показухи. Мол, смотрите, какой я... благородный! А сами втихую творят подлости и потом просят молчать, чтобы не запятнать своё благородство.

- Ну, юноша, - развёл руками старик, - если уж ты настолько в милорде сомневаешься, то заверю тебя, до твоей сестры ему нет никакого дела. Я много видел женщин вокруг него. Не всегда, конечно, то были дамы... кхм... благородные. И не всегда... ммм... порядочные...

- Короче, шлюхи, - уточнил Дален.

Старик крякнул и оглянулся, не слышит ли стража.

- Ну, можно и так. В общем, зная его вкус, я могу с безграничной уверенностью утверждать, что насчёт сестрицы ты можешь быть спокоен.

- Буду спокоен, когда выдам её замуж, - бросил Дален и вытянул вперёд занемевшие ноги.

Старик посмотрел на моряка.

- Я бы взялся тебе посодействовать, ведь девочка-то она неплохая, чистая помыслами и душой, да только, боюсь, искать кого попристойнее для неё будем долго. А слепого и немощного ей подсовывать не хотелось бы.

Дален криво усмехнулся.

- Есть там один, кому она даже нравится. Просит её руки.

- Вот как? Тогда я спокоен. И кто же тот счастливый влюблённый?

- Самому бы ещё знать, - усмешка не сходила с губ.

- Ну, - старик, кряхтя, поднялся, - в любом случае, я за девочку рад. А теперь хорошо бы прилечь и помолиться, чтобы завтра дошли до берегов Нолфорта. У меня уже кости ноют, как никогда.

Дален поднялся следом.

До лестницы оба дошли быстро, но как только поднялись палубой выше, Дален остановился и неожиданно спросил:

- Вам не показалось, что когда мы начали говорить о Рики, тот пацанёнок за решёткой шевельнулся?

- Неужели? - Дагорм напрягся. - А я ничего не заметил.

- Может, мне показалось...

- Всё может быть... - многозначительно пробормотал старик.

- Может, ещё раз спуститься и проверить, всё ли в порядке?

Дагорм заботливо похлопал моряка по плечу.

- Тебе надо отдохнуть. Ты иди, а я спущусь. Всё равно, у меня бессонница.

- Ну, как знаете, - проронил Дален и ступил на следующую лестницу.

Болотного цвета каша закипала медленно, а когда к ней подбросили цветок жасмина, то вообще взорвалась дюжиной цветных пузырьков и снова неохотно забурлила, несмотря на кочегарившую на пределе горелку.

Склонившийся над котлом Рион громко выругался, схватил лежавшую на краю стола серую тряпку и вытер мокрое и местами вымазанное в травяном соке лицо. Убавив огонь, перевернул пальцами несколько страниц старой, разваливающейся на части, книги, провёл указательным по двум строчкам длинного стиха, повторил прочитанное вслух и снова посмотрел на котёл.

- Нет, - Рион устало выдохнул, - так совсем не годится.

Выключив горелку, аптекарь захлопнул книгу и рухнул в не менее грязное, чем он сам и его одежды, кресло, на ручку которого минутами ранее капнула вонючая слизь.

Нужная смесь никак не получалась. По древнему рецепту, над разгадкой которого Рион бился уже больше года, варево должно было кипеть, как кипит, забрызгивая всё вокруг, баранья похлёбка у хозяйки его любимой таверны. Это же еле теплится.

- В чём же дело? - простонал Рион, закрывая глаза.

Зелье в котле уже полностью остыло, когда аптекарь вдруг дрогнул, а затем сладко потянулся. Короткий сон взбудрил и придал сил.

Чуть привстав с кресла, Рион схватил книгу и перо со стола, плюхнулся обратно, открыл потрепанный томик на нужной странице и, время от времени покусывая перо, заводил им по выцветшим с годами строчкам.

- Толчёный оникс... есть, - бормотал лекарь себе под нос, - белый конский волос... тоже есть. Всё ведь положил, сколько требовалось. И чего ему не хватает?

Поднявшись и вернув книгу на прежнее место, Рион снял котёл с горелки, подошёл с ним к открытому окну и выплеснул содержимое наружу. Нужно было начинать всё заново. И Рион снова захлопал крышками баночек, собирая нужные ингредиенты.

- Ах ты ж! - с досадой воскликнул он, внезапно обнаружив, что толчёного оникса едва наберётся пол-унции.

За окном было уже темно, чтобы послать служку в ближайшую лавку, да и оникс не в каждой сыщешь. Отложить? Риону не хотелось. В ту минуту он был похож на хищника, носом учуявшего, что раненая лань совсем рядом, нужно лишь перепрыгнуть через поваленное дерево и не пораниться самому. Но Рион не собирался прыгать. Всё, что он хотел сделать, это в очередной раз

притвориться верным шакалом и подластиться к львице, чтобы заполучить желаемое, а затем снова надеть шкуру льва.

Дверь скрипнула, и зашумели ключи в замке. На ходу шёлкая застежка на помятой одежде, Рион торопился по длинному коридору, в стенах которого торчали зажжённые факелы, и чем дальше он удалялся от собственных комнат, тем больше тех факелов становилось, тем чаще туда-сюда сновали служанки с тёплыми полотенцами, сладостями и чашками с ароматным питьём, глоток которого мог разморить любого, даже самого целеустремленного и частично сумасшедшего ученого и мудреца.

Остановившись напротив заветной двери, Рион перевёл дыхание, смахнул упавшую на лоб прядь и вежливо постучал.

- Мог бы и без стука, - по ту сторону двери сварливо прокаркали.

- Вы же меня знаете...

Хмурость на лице придворного лекаря уступила место очаровательной улыбке, и, открыв дверь, Рион вошёл в спальню к старой королеве.

- Слишком хорошо знаю, - пробубнила та, распуская жидкие волосы. - Потому и доверяю, как самой себе.

Проведя расчёской по спутанным космам, Морвенна сунула гребень в деревянный ящичек высокого комода, прошагала к обитому бархатом креслу и, приподняв тяжёлый подол платья, села. Поправив юбки, поводила ноздрями, вынюхивая, в какую именно завитушку из теста кухарка сунула ежевику, а в какую - менее любимый крыжовник, цапнула крайнюю правую и, млея от удовольствия, надкусила.

- У вас каблук треснул, - заметил Рион, проводив взглядом опустившийся подол. - Вы знаете?

Морвенна отмахнулась.

- В такую темень звать сапожника нет смысла. Припрётся пьяный и наколотит так, что только хуже станет.

- Велите служанке принести вам другие туфли.

Королева поморщилась.

- Они все жмут. Все двенадцать пар и даже сапоги. То ли нога распухла, то ли на туфлях кожа сжалась. Только в этих и могу нормально ходить.

- Тогда, как минимум, будьте осторожны. И утром вызовите сапожника.

Морвенна поджала губы и промолчала. Перечить Риону она не могла, прикрикнуть на него, чтоб замолк, тоже, но иногда этот властно-распорядительный тон коробил. Любого другого королева уже давно отправила бы гнить к крысам, стоило тому так самоуверенно указывать правящей особе, что ей делать, а что нет. Любого другого, но не Риона.

- Присаживайся. - Морвенна указала пальцем на стул рядом с собой. - Или ты спешишь? Весь такой бледный и взмыленный... Случилось чего?

- Спешу, ваша милость.

- На пожар или к моей внучке в спальню?

Рион улыбнулся краешками пропитанных вином губ. О том, что королева знает о его связи с Ирис, он догадался сразу. Как догадался и о том, что старуха всем сердцем ревнует, хоть виду и не подаёт.

- Помните о легенде? - перевёл он тему, ловко избежав нелепых оправданий и глупых отшучиваний.

- Про щит и меч-то? Иногда мне кажется, кто-то просто решил посмеяться над нашим родом и впихнул ту сказку в общую книгу.

- А мне вот кажется, что я кое-что нашёл...

Цепкий взгляд Морвенны скользил по каждой чётчке лица молодого лекаря.

- Помните тот странный рецепт зелья, в готовом виде напоминающего кофейную гущу?

Конечно, Морвенна помнила. Ветхую книгу с рецептом сунула ей в руки опять же прабабка, при этом приговаривая, что, сумеи Морвенна сделать всё правильно, в гуще той увидит разгадку старинного секрета. Королева пыталась приоткрыть завесу тайны ни один раз и каждый раз гневно плевала в чан, разворачивалась и уходила.

- И что же ты умудрился разглядеть? - проскрипела редкими зубами старуха.

- Образы ещё совсем слабые. Мне кажется, это потому, что я переборщил с ониксом. Я думал уже замещать всё заново, но моих запасов камня не хватает на новую пробу. Я смел предположить, что у вас есть.

- Смел предположить, - фыркнула старуха. - Ты знал, что у меня есть подходящий камень. Подай-ка шкатулку с комода. Да, именно. Вот эту с янтарём.

Искусно сделанная вещица перешла из рук молодых и сильных в морщинистые и мертвецки бледные.

- Где же он?

Морвенна откинула крышку и принялась рыться в драгоценностях. Переворотив всё по три раза, вдруг хлопнула себя ладонью по лбу и раздраженно произнесла:

- Вот и память подводить стала. Я же его в бабкиной спальне оставила. На-ка. - Морвенна зашумела ключами на поясе, отстёгивая нужные и протягивая их Риону. - Где комната моей прабабки, знаешь. Там прямо у изголовья сундук. Его отопрёшь, и в нём найдёшь оникс. Самой мне уж тяжело туда идти сегодня. Ноги совсем отнимаются. Я лучше прилягу.

- Благодарю, ваша милость. - Рион припал губами к руке королевы.

- Пусть у тебя всё получится, - смилостивилась старая правительница и внезапно грозно добавила: - А к внучке моей сегодня не шастай. У неё краски - пусть пару дней с тряпками посидит.

Полные пыли покои, принадлежавшие прабабке Морвенны, не проветривались и не чистились годами. Прислуга в эту часть замка старалась вообще не заглядывать: слишком мало света попадало в комнаты через окна, слишком мрачными смотрелись статуи у дверей, слишком много паутины было в углах, и, вообще, слишком много странных шорохов доносилось из-за стен, из-под кровати и со стороны расписной ширмы, будоража воображение и леденя кровь.

Рион дошёл до нужной комнаты быстро, повернул ключ в замке, распахнул дверь и уверенно зашёл в спальню. Жирным пауком на полу не восхитился, а просто прижал его подошвой сапога и размазал по камню.

Света в спальне действительно было мало. Одной свечи, что взял с собой лекарь, не хватило, чтобы, как следует, всё осветить и без проблем отыскать нужную шкатулку. Поразмыслив и потыкавшись наощупь, Рион вышел в коридор и вернулся в комнату уже с зажжённым факелом в руке, снятым с шероховатой стены.

По комнате заплясали зловещие тени. Они были с вытянутыми носами, острыми когтями и зубами, которые даже клацали, когда на них не смотрели. Одна тень была особенно страшной. Горбатая, она словно нависала над Рионом и наблюдала за каждым его шагом и движениями пальцев, когда те принялись перебирать камни в поисках нужного.

Через приоткрытую дверь в комнату ворвался ветер. Покружив вокруг массивной кровати, укрытой тёмно-синим покрывалом, тоже полным пыли, он заскользил по стенам и приподнял край полотна, висевшего на одной из них. При этом изображенный на том полотне морской змей принялся душить никому не известного героя с удвоенной силой.

За полотном что-то блеснуло. Рион аккуратно прикрыл крышку шкатулки, покрепче обхватил факел и посветил им в сторону непонятого блеска. Яркий огонь выхватил из темноты сокрытую ото всех дверь и небольшую замочную скважину в ней.

Тихо, стараясь ненароком ничего не опрокинуть и не задеть, Рион прошёл к стене, отвёл полотно сильнее в сторону и осторожно коснулся рукой двери. Та оказалась не заперта. Уныло скрипнув, она отворилась, выпустила на свободу крохотную летучую мышь и запустила Риона на винтовую лестницу.

Ступенька за ступенькой, Рион медленно поднимался вверх. Когда стало невыносимо душно, и факел принялся гаснуть, лекарь остановился, с досадой плюнул под ноги и собрался уже разворачиваться, как вдруг где-то совсем неподалеку, ступенек на десять выше, скрипнула ещё одна дверь. Рион рванул в сторону звука и вскоре ступил в тесную каморку, пропахшую травами и дохлыми мышами, в которой не было никакого света, кроме лунного, с трудом просачивавшегося

сквозь замутненное окно.

Огонь на факеле заплясал с новой силой. Рион осмотрелся: пыль да грязь кругом, стол неподалёку от окна и две полки над тем столом, а ещё вымазанный в чём-то непонятном и липком чан и на полу какая-то засохшая каша... Полные паутины углы и пустая мышеловка под столом, в которой ни мыши, ни сыра.

Рион провёл пальцем по ободку чана, поднёс палец к носу и понюхал. Нахмутив лоб, перевёл взгляд на лежавшую рядом книгу, полистал её и посмотрел на окно. Тени, вырисовавшиеся как на стенах, так и на потолке, все эти движения за молодым лекарем повторили, а горбатая даже изловчилась и сама чуть не нырнула собственным носом в котёл. Да, собственно, и нырнула бы, если бы не слабый скрип входной двери и не каркающий, на грани срыва, голос:

- Я разрешила тебе только взять оникс...

Рион повернулся.

В дверях, приподняв тяжёлые юбки, чтобы в них не запутаться и не порвать, стояла Морвенна. Старая королева сверлила Риона недовольным взглядом. Её тонкие губы готовились вот-вот разомкнуться, чтобы высыпать на любимого слугу порцию отборной брани, как вдруг одна из теней метнулась со стены и зависла над старухой свинцовой тучей. Из тени показалась худая рука с длинными пальцами и принялась вытягиваться, словно хотела дотянуться до губ Морвенны и навсегда их запечатать. И в тот же миг такая страшная в своём гневе королева вдруг вся сжалась и посмотрела на провинившегося лекаря уже совсем другим взглядом: покорным, как у собачонки, и виноватым.

- Я хочу знать, что здесь произошло, - голосом, непохожим на прежний, заявил Рион.

В его взгляде бушевала буря, лицо было сурово, а лоб - нахмурен сильнее прежнего. Былое льстивое угодничество куда-то испарилось, элементарное соблюдение приличий и статуса исчезло, но Морвенна этого не замечала: её внимание было приковано лишь к теням вокруг, и от увиденного кровь стыла в жилах.

- Ты скажешь мне, старая дура, какую тварь ты выпустила на свободу? - выплюнул Рион и треснул кулаком по столу так, что тот затрещал и развалился на две части. Пустой чан грохнулся на пол, и из него вытекла тоненькая струйка липкой зеленоватой слизи.

Морвенна дрожала от страха. С трудом разжимая губы, она принялась шептать слова известной только ей молитвы или, может, даже заклинания, прекрасно понимая, что ни то, ни другое не помогут ей против силы, свидетельницей проявления которой она стала по воле случая.

- Ну? - Рион был нетерпелив.

- Я тоже хочу знать, - собравшись с духом, пробормотала старая королева. - Хочу знать, почему тот, кому я так доверяла, всё это время врал? А я ведь чувствовала... Чувствовала, что ты совсем не тот, за кого себя выдаёшь. Совсем не тот.

Крепко зажав в руке факел, Рион шагнул к двери. Пролитая слизь громко чавкнула под сапогом, а тени рванули с потолка и стен к огню и растворились в нём. Свободной рукой отодвинув старуху в сторону, Рион осветил на винтовую лестницу и принялся молча спускаться вниз. Морвенна вздрогнула, выходя из оцепенения.

- Стой! - развернувшись, крикнула она вдогонку лекарю, однако свет от факела и некогда обожаемый силуэт были уже далеко внизу. - Немедленно остановись и объясни, что за балаган ты здесь устроил, мерзкий обманщик!

Но ей не ответили. Слуга, минутами ранее заставивший свою госпожу испытать унижение и страх, растоптавший королевскую честь и вытерший об неё ноги, не собирался одумываться и останавливаться. Да и была ли Морвенна для него хозяйкой? То, что она увидела в тесной камерке, говорило об обратном и больно било по сердцу старой женщины, и без того израненному в молодости и даже сейчас, на закате жизни, далеко не чёрствому. Оставить всё, как было? Сделать утром вид, что об этой страшной встрече не помнит? Истинная королева не могла себе такого позволить.

Подобрав юбки, Морвенна бросилась вниз по лестнице. Схватить обманщика за волосы и размазать по стене, пусть даже это будет последнее, что она сделает в своей жизни! Выцарапать ему глаза - пусть вставит себе крысиные! Разодрать лицо в кровь или выхватить факел из рук и поджечь волосы на его голове! Что угодно, лишь бы стереть эту маску величия с его такого красивого, молодого... лживого... лица. Оголить правду, чтоб больше никогда не допустить ничего подобного!

- А ну, стой! - рывкнула Морвенна, как только свет от факела стал ярче, а шум шагов предателя -

громче.

Вон он! Очень близко! Не спеша, спускается, выискивая ступеньку покрепче. Невозмутимый, спокойный, будто и не произошло ничего. Холодный сердцем и самоуверенный. Так бы и врезать ему!

Ещё шаг вниз. Ещё один. Скорее. Нагнать и позабавиться от души. Плевать, что юбки выскальзывают из онемевших от волнения пальцев. Плевать, что ноги оступаются.

Рион был совсем рядом. Рядом настолько, что схватить его за топорщившиеся волосы не составило бы труда. И Морвенна, стиснув зубы, вытянула вперёд руку, пытаясь ухватить гнусного обманщика за прядь волос или за воротник одежд, как вдруг правая нога подкосилась, старуха потеряла равновесие и повалилась прямо на шедшего впереди лекаря. А тот как будто ждал этого: тут же шагнул в сторону к стене, вжался в серый неровный камень и так и стоял, не двигаясь, равнодушно наблюдая, как «обожаемая» госпожа летит вниз, а следом за ней, перепрыгивая через ступеньку, шумит отвалившийся каблук.

Когда же на лестнице стало тихо, Рион оторвался от стены и продолжил неторопливо спускаться. Поравнявшись с лежавшей на ступеньках Морвенной, присел, взял её руку и нащупал пульс. Королева была мертва.

Глава 21. Снисхождение

- Ну, уже лучше.

Дагорм скорчил довольную гримасу и, скрестив на груди руки, подбадривающе улыбнулся Гайларду, медленно хромающему от кушетки к столу и обратно.

- К шакалам твою улыбку, - огрызнулся Стернс, - и то, что ты называешь «лучше». Я еле распрямляю спину, встаю вообще со второго раза и только с её помощью. - Кивок в сторону Рики, подставившей Гаю плечо и помогающей при каждом шаге. - Когда мы прибудем в Нолфорт?

- Капитан Мортенер клянётся, что завтра к вечеру.

- Тьфу, - Гай не сдержался. - Почему так быстро? Как, по-твоему, я буду сидеть на лошади, если даже еле стою?

- Вы же сами на днях просили домчать вас скорее! - изумился старик.

- Ещё я требовал поставить меня на ноги, если ты помнишь.

- Вы стоите. С трудом, но стоите.

- Помолчи, - прохрипел Гай.

- Так приказать Мортенеру сбавить ход?

Стернс мучительно застонал.

- Вас не поймёшь, ваша светлость, - пожал плечами Дагорм. - То вам быстрее, то медленнее... Милое дитя, - добрый взгляд старика замер на Рики, - принеси-ка свечей, тут маловато света. Взять их сможешь у баталера.

Девушка вопросительно посмотрела на Стернса - тот кивнул, разрешая выйти.

- Ну? - не без раздражения бросил старику Гай, как только за Рики закрылась дверь, и, корчась от боли, опустился в кресло. - Что ты хотел мне сказать?

- Почему вы так решили? - спросил Дагорм, вытаскивая из углового шкафа пустые подсвечники и ставя их на стол.

- Нам не в карты играть, чтобы свет был нужен, а девчонку ты из каюты выставил, чтоб не подслушивала. Говори, что опять задумал.

- Ох, ваша светлость, вас не проведёшь. Мне и правда нужно было побеседовать с вами с глазу на глаз.

О разговоре наедине старик просил редко, и Гай это хорошо знал. Старый мудрец не стеснялся выговаривать хозяину всё, что он думает, и при всех. Не испытывал советник и трепетного страха ни перед наследником трона, ни даже перед королём и если просил о разговоре без посторонних ушей, то на то всегда были веские причины.

- Эта девочка, милорд... - начал Дагорм, сцепив пальцы в замок и не сводя глаз с входа.

- Что с ней не так? - грубо перебил старика Гай. - Руки, ноги, голова... Всё на месте.

- Да с этим-то всё в порядке. Я про другое.

- Что же?

- Она слишком много времени проводит с вами, и её брат сильно за неё волнуется.

- Так волнуется, что прислал тебя мне это высказать? - в голосе Стернса слышалась усмешка.

- Что вы? Это я сам всё... Сам решил с вами поговорить.

- Будь у меня сестра её возраста, я бы тоже волновался.

- Ваша сестра была бы красавицей, а тому пареньку я объяснил, что зариться тут не на что, и девочка просто прислуживает вам и помогает.

- Так и есть.

- Но он не успокаивается, - выдохнул старик.

- И чего ты от меня хочешь?

- Завтра мы прибудем в Нолфорт, и девочка вам больше не понадобится. Так к чему продолжать выжимать из неё все соки? Не лучше ли отпустить её прямо сейчас к брату? И пусть всем будет спокойно.

- Всем? Ты забыл, кого приютил в трюме?

- Ваша светлость, я спускаюсь туда чуть ли не каждый час. Уверю, всё под контролем, и нет причин волноваться.

- Лично я вздохну спокойно только, когда его голова будет торчать на пике у стены Торренхолла.

- Так вы не отпустите сегодня девочку к брату?

- Нет.

- Но пожалейте же её!

- Именно этим я и занимаюсь, если ты ещё не заметил. Не отправляю её спать к голодной до баб матросне, которая будет оглядывать её с головы до пят и щупать в темноте.

- Да что там щупать-то?

- Я сказал - нет, - отрезал Гай.

- Я принесла свечи! - звонкий голос послышался из-за двери, та открылась, пропуская в каюту Рики со свёртком подмышкой. - А ещё на лестнице меня поймал капитан Мортенер и велел передать это.

- В левой руке девушки был тяжёлый кувшин. - И ужин принесут с минуты на минуту.

Закрыв ногой дверь, Рики подскочила к столу.

- Что там? - Дагорм нырнул в кувшин носом и понюхал. - Вино. Ну что же, капитан знает толк в хороших винах, а милорду пара глотков будет полезна. Не всё же пиявками кровь разгонять.

- Я так понимаю, беседа окончена, - быстро сменил тему Гай, предпочитая о пиявках не рассуждать.

- Если только вы не хотите продолжить...

Но Стернс махнул рукой в сторону двери.

- Тогда с вашего позволения я откланяюсь. И не забывайте, ваша светлость, я попросил Арно заглянуть к вам поутру. Вас не мешает побриться, расчесать и вообще привести в достойный вид, а то вы всё о спине да о походке переживаете, а в зеркало заглянуть никак не удосужились. Вот где страх-то!

- Иди уже! - рявкнул Стернс и попытался приподняться в кресле.

- Сидите-сидите, - бросилась к Гаю Рики и положила руку ему на плечо. - Или устали и хотите прилечь?

- Хочу доказать этому старому пиявочнику, что он меня недооценивает.

- Ага, как же! Ничего вы ему не докажете и только вывихнете себе ещё что-нибудь. Кстати, старик уже ушёл, так что ваших стараний не увидит и не оценит.

- Вот же кикимора болотная! - Стернс треснул кулаком по столу.

- И бить тоже необязательно. Я пытаюсь налить вам вина, а неудобный кубок, что дал капитан Мортенер, от ваших нервов уже два раза опрокидывался. Хорошо хоть в нём не было ни капли.

- Хорошо, - выдавил Стернс, облизывая губы. - Просто осознавать себя калекой - это так мерзко.

- Мерзкого здесь ничего нет. Раны затянутся, кости срастутся. Все пройдёт, и чем меньше вы об этом думаете, тем быстрее. Вы точно не хотите прилечь?

- Лучше лей больше, - проворчал Гай, глядя, как аккуратно Рики наполняет вином кубок.

- Ваш советник порекомендовал два глотка, вот я их и отмеряю. А если вы выхлещете всё, то это будет далеко не два... Ой, - одумалась девушка, взвесив свои слова и статус того, кому она их

говорит, – простите.

– Не раздражай меня, – поморщился Гай, выхватил кувшин из девичьих рук, плеснул себе вина в кубок доверху и выпил всё до дна. Потом налил ещё и пододвинул к Рики. – Пей.

– Что вы! Я не буду.

– Пей, говорю. Когда ещё тебе доведётся нормального вина попробовать?

– Это верно.

Рики робко потянулась к кубку, взяла его и поднесла к губам. В нос ударил резкий, но приятный, аромат ягод и винной фиалки.

– А ничего так, – причмокнула губами девушка, вернула кубок Стернсу и принялась ставить свечи в подсвечник.

Гайлард хмыкнул.

– Уж точно лучше всего того, что ты когда-либо пробовала в своей жизни.

Рики зарделась.

– Вы говорите так, будто я вообще ничего никогда не видела. Ошибаетесь. Видела и немало, – врала девушка, лихорадочно перебирая в голове все события прошлых лет, надеясь отыскать среди них хоть одно, которым можно было бы козырнуть. Почему-то вспомнилась настойка, которой любил угощать Швидоу. С неё и решила начать Рики за неимением лучшего. – Пила, например, из лисьей ягоды крепкую...

– Лисью ягоду обычно цедают караульные, – оборвал девушку на полуслове Гай. – Помнится, у тебя была какая-то история с моими солдатами...

Щёки девушки мигом стали пунцовыми, прямо в цвет выпитого вина. Зажги Рики меньше свечей, краснота была бы незаметна, но, как назло, буквально за секунду до слов Стернса огонь подхватил последний незажжённый фитилек, и теперь все свечи горели ровно и вместе, отлично освещая всё вокруг, и от света того было не скрыться.

– Это всё враки. Я просто работала у капитана Швидоу полотёркой. За дополнительную миску еды ещё и одежду его стирала и постель прибирала. А всё остальное – мерзкие слухи, которые пустил Рин. Он вечно делал мне гадости.

– Интересно, почему?

– Наверно, ненавидел.

– А, может, ревновал?

Взгляд Рики скользнул к руке Стернса, которая напряглась, поднимая тяжеленный кувшин, чтобы вновь наполнить кубок.

– Вы смеётесь, милорд? – Гай не ответил, только сделал глоток. – Конечно, смеётесь, не иначе. Кто может ревновать такую, как я?

– А что в тебе не так?

– Прошу, перестаньте.

– Иди-ка сюда.

Неохотно Рики обошла стол и встала напротив кресла, в котором сидел Стернс.

– Покрутись.

Рики тяжело вздохнула. Это было выше её сил. Но делать было нечего, и, неловко повернувшись, девушка вновь застыла перед Гаем.

– Теперь отойди к окну. Медленно иди, не скачи, как беговая лошадь! Теперь обратно. Да-а-а... Действительно плачевно.

Рики виновато поджала губы. На сердце вдруг стало так одиноко и тоскливо, что хоть вой. И вроде и причины весомой не было. Всё, что было только что сказано, она и так знала хорошо. С чего горевать? Как и надеяться, что что-то изменится, и когда-нибудь она услышит совсем другие слова, и кто-то, может быть, посмотрит на неё совсем другим взглядом, полным искренней чистой любви и

неприкрытого желания. Когда-нибудь... кто-нибудь... и, вероятнее всего, во сне, но точно не наяву.

- Может, если платье надеть, станет лучше?

Слова Гая, подпирившего подбородок кулаком и не сводившего глаз с тоненького девичьего силуэта, выдернули Рики из царства грустных мыслей.

- Да ну, - отмахнулась девушка и провела ногтем по столу, - платье меня точно не спасёт!

- Я бы мог подарить тебе два или три. В конце концов, ты днями и ночами со мной, и мне нужно отблагодарить тебя за труды.

- Быть рядом с вами - именно то, чего бы мне так хотелось, милорд. Вы же знаете...

Предательские слезы навернулись на глаза и блестели бриллиантами в свете свечей всё то время, пока совсем не ко времени заглянувший в каюту помощник капитана не прошёл медленно и важно к столу, не поставил на него миски с дымящейся едой, не обменялся со Стернсом кучей штатных фраз о его самочувствии и степени прожарки мяса, а также солёности отварного картофеля, и не проплыл всё так же важно мимо окончательно загрустившей девушки в сторону двери, а потом и обратно на палубу.

Рики шмыгнула носом.

- Хватит рыдать, - грубо выдал Стернс, выбирая картофель покрупнее. - Просишься ко мне на службу и ревёшь больше маленького ребёнка. По-твоему, мне такие нужны? - И снисходительно добавил, глядя, как девушка пытается смахнуть с лица солёные капли, а те всё появляются и появляются, и даже не пытаются остановиться: - Иди лучше поешь, а то кости уже наружу торчат.

Рики улыбнулась, подошла к столу и получила в руки тёплую картофелину.

- Вкусно?

Девушка кивнула.

- Ты точно особенная, - выдохнул Стернс и сделал три больших глотка из кубка. - Она же пересолена.

Рики пожала плечами.

- Я и не заметила - так есть хочется. Вы, кстати, уже пол кувшина выхлест... выпили.

- И?

- Старик будет ругаться.

- А ты следишь за каждым налитым кубком?

- Так я считаю. Уже шестой пошёл.

Гай хмыкнул.

- Опять я что-то не так сказала?

Стернс протянул девушке ещё одну тёплую картофелину и ответил:

- Ты и правда не как все. Ещё ни одна баба столь настырно меня не домогалась.

Щёки опять порозовели, но в этот раз от возмущения, бывшего через край, но Рики держалась и только страстно выпалила:

- Как вам не стыдно! Я только прошусь к вам на службу, а вы мне приписали невесть что...

- Ну, пусть будет: ещё ни одна баба столь настырно не просилась ко мне на службу, - булькнул вином Гай.

- А можно, я ещё раз попрошусь? - затаив дыхание, вновь испытывала судьбу Рики. - Вот вы хотели завалить меня платьями, так знайте, они мне совсем не нужны. Ни бархат, ни шелка - дарите их вашей невесте. А меня просто возьмите к себе в Торренхолл. Сами знаете, спать я могу на полу, ем мало и говорить обещаю не много. Могу вообще молчать, если попросите.

Гай чуть не поперхнулся.

- Ещё и молчать будешь? - с иронией в голосе переспросил он. - Тогда вообще в тебе смысла не

вижу.

- Как же, не видите! – пошла в атаку девушка. – А несколькими днями ранее говорили своим людям, что я теперь ваша тень. Теней не прогоняют – они намертво привязаны к хозяину.

- Не перевирай. Пока эта мерзкая тварь носит голову на плечах – ты со мной. А как окажемся в Нолфорте, я сразу отправлю его на плаху. Вот только позволю Дагорму провести над ним пару опытов – и на плаху.

- А если окажется, что Сэм вам будет нужен живым?

- Этого не случится никогда.

- А если старикашка вас в этом убедит?

- Что бы он ни болтал, решаю я.

- А если...

- Может, уже хватит этих «если»?

Рики прикусила язык и тихонько пробормотала, сверля взглядом деревянный пол и стёртые носы своих сапог:

- Я просто цеплялась за последнюю возможность. Мы вернёмся в Нолфорт, мой брат утащит меня обратно в деревню или, чего хуже, задумает выдать замуж...

- Последнее, на мой взгляд, было бы правильным решением. В чём ещё предназначение женщин, как не в том, чтобы угождать мужу и рожать ему детей?

- И вы туда же! Может, для кого-то такая судьба и есть самая лучшая, но мне хотелось бы пожить в шуме городских улиц, а не в смертельной деревенской тишине. Хотелось бы узнать, с каким свистом летят стрелы и как пахнет порох. Хотелось бы быть вам полезной. И меньше всего хотелось бы быть тенью нелюбимого мужа...

- А моей тенью ты быть, значит, согласна?

- Вы же мне не муж.

- Да уж такое и в самом страшном сне не приснится.

Рики снесла оскорбление молча, головы не подняла и только шмыгнула носом ещё раз, окончательно расквасившись и даже не пытаясь, как раньше, сдерживать слёзы. Когда хлюпанье повторилось не раз и не два, а на обшарпанные сапоги упало несколько капель, Гай приподнялся в кресле, подался вперёд, схватил Рики за руку и притянул к себе.

- Ну, хватит, – грубым и одновременно виноватым голосом пробормотал он. – Перестань. На самом деле ты милая девчушка, добрая и открытая, и, если бы не ты, я бы не сидел сейчас здесь вот так, не пил бы вино и не хамил бы тем, кто слабее меня и никогда не сможет ответить мне на равных.

Его рука была такой сильной, что Рики было не вырваться. Стоять на ногах было невозможно, и выхода было только два: падать в объятия Стернса или быстренько присесть на ручку кресла, в котором он сидел. Рики выбрала второе, вытерла слёзы и шмыгнула красным носом ещё раз.

- Вы правда так думаете? – шёпотом спросила девушка, не решаясь смотреть на Гайларда.

- Да. И я уверен, когда-нибудь найдётся человек, который скажет тебе гораздо больше. О том, что ты красивая и нежная, и что он теряет голову всякий раз, когда слышит твой голос и видит твоё милое личико. А потом он поцелует тебя в губы, прижмёт к себе сильно и никогда и никуда уже не отпустит.

Рики улыбнулась, а в глазах опять блеснули слёзы.

- Снова ревёшь?

- Это всё от ваших слов. Вы так красиво сказали, что мне даже не верится, что такое может случиться со мной.

- Обязательно случится. И ты будешь всей его жизнью, а не безмолвной тенью.

- Это похоже на сказку...

- Сказка может стать явью.

Рики подняла голову.

Впервые она видела Стернса таким: черты его лица разгладились, взгляд стал мягким, а глаза блестели так, что впору было заподозрить лихорадку. Впрочем, Рики тут же вспомнила о выпитой половине кувшина, и блеску нашлось логичное оправдание.

- Я знаю, - романтично улыбнулась девушка, - что явью эта сказка никогда не станет, как бы вы ни старались меня утешить. Но мечтать не перестану. Обо всём том, что вы сейчас сказали. О том, как кто-то может из-за меня потерять голову, как может обнять и прижать к себе и никогда не отпускать. И о первом поцелуе, сладком, как мёд... Всё это так красиво!

- Даже чересчур красиво, - повторил Гай и коснулся пальцами лица Рики.

От неожиданности та дёрнулась.

- Ты дрожишь, - сказал Стернс, глядя, как оголённые до локтя руки девушки покрылись мурашками.

- Холодовато, - сглотнув, бросила та. - И за окном темно - тепла от солнца нет.

Гай отвёл в сторону прядь пшеничных волос, упавших на глаза Рики.

- И дрожать ты начала только сейчас, хотя за окном темно уже несколько часов.

- Значит, до этого мне было тепло.

- Упрямая.

- Что?

- Я говорю, что ты упрямая и несгибаемая. Как втемяшится что тебе в голову, так не выбьешь.

- Вот теперь ваши слова ближе к правде. А то всё «красивая», «нежная», «милое личико»... Эх, сказка так и останется сказкой.

- Помолчи.

- Что?

- Просто помолчи, - приказал Гай и притянул девушку к себе.

Охнув, та не успела опомниться, как оказалась лицом к лицу со Стернсом. Ладонями упёрлась ему в грудь, но не смогла справиться с мужской силой. Одно мгновение, и девушка ощутила во рту его язык - сильный и от вина кислый, а горячие руки принялись блуждать по её спине. Вырваться было невозможно - всё тело обмякло, в голове творился кавардак, а смелости хватило только на то, чтобы дожидаться, когда Стернс оставит в покое её губы, ослабит хватку, откинется обратно на спинку кресла и лениво потянется к столу, чтобы схватить наполненный кубок и сделать жадный глоток, как будто в горле пересохло так, что не было даже сил дышать. При этом на Рики Гай даже не смотрел.

- Уже поздно, - наконец, проронил Гайлард голосом, словно ничего не произошло. - Приготовь мне постель.

Но Рики не двинулась с места. Её лицо было растерянным, взгляд - пустым, а влажные от его поцелуя губы - бледными. Сердце в груди билось тяжело и медленно, и столь же медленно к девушке возвращалась прежняя решимость. Но всё же, собравшись с силами и делая большие паузы между словами, Рики произнесла:

- Знаете, что вы сделали? - Гай повернул голову в её сторону. - Вы только что растоптали мою мечту о первом поцелуе, которую сами же и вселили в моё сердце. Зачем? Ведь я поверила в сказку...

Ответ был жесток, спускал с небес на землю, а от того становился жесток вдвойне.

- Если бы не моё мимолётное желание, то первого поцелуя у тебя никогда бы не было. Ни с кем. Считаю это моим снисхождением. Благодарить не надо - скажи спасибо большому количеству выпитого вина.

- Вы... - Рики соскочила с колен Стернса и выпрямилась перед ним.

Тоненькая, она стояла напротив того, кто минутами ранее чуть ли не заставил её поверить в чудесные превращения из гадкого утенка в принцессу. Теперь всё встало на свои места. Чудес не

бывает, а мимолётная похоть способна на какие угодно мерзости и лицемерия, лишь бы заполучить своё.

- Я, кажется, не давал тебе слова.

- Вы... - Рики не унималась. - Вы просто сухарь, не замечающий никого вокруг, кроме самого себя. В вас нет ничего, что могло бы расположить к себе. Я, наивная дура, не сразу это поняла и верила до последнего, что в вашем сердце есть хоть что-то человеческое. Но вас волнует только ваше собственное я, ваша собственная жизнь, а на всё остальное плевать!

Рики и сама не поняла, как с робкого шёпота вдруг перешла на крик, и принялась выплевывать слова, словно шелуху от семечек, случайно попавшую в рот.

- Прекрати! - рыкнул на неё Стернс и резко поднялся в кресле, чтобы встать на ноги. Спину тут же пронзила такая боль, что Гай скривился и ухватился рукой за край стола, чтобы не упасть.

- Неприятно, да?! - продолжала Рики, ничуть не думая о последствиях. - Неприятно выслушивать такие слова от той, чей удел - вам только ноги целовать. Так знайте, даже если вы прикажите мне это сделать, я скорее умру, чем выполню хотя бы ещё одно ваше распоряжение. Я больше не ваша тень. Я вам никто. И можете вздёрнуть меня, как и Сэма, и всех остальных, с кем вы проделываете такие штуки, я всё равно не сдамся. И это ещё не всё! Вот! Получайте!

Окончательно разбушевавшись и совершенно потеряв голову, Рики замахнулась, и в тот же миг её кулачок пришёлся прямо в грудь Гайларда.

Не дожидаясь, когда последует расправа, девушка выскочила из каюты, зачастила ногами по лестнице на нижнюю палубу, забила там в самый дальний уголок и, обхватив колени руками, зарыдала. Она слышала, как бегают, грохоча сапогами и размахивая фонарями, стражники, как они выкрикивают её имя, но не отзывалась, а только нашла кусок старой парусины, нырнула под него и затаилась. Отвечать за сказанное и содеянное придётся. Обязательно придётся, ведь ни один хозяин не оставит такое поведение безнаказанным. Но пусть лучше наказание наступит завтра - сегодня у Рики уже не было сил. А завтра, как только солнце выглянет из-за горизонта и расправит свои первые лучи, она сама придёт к Стернсу и согласится с каждым его словом. Она сама... придёт.

Глава 22. Две крысы, или Мечты сбываются

Рики очнулась от того, что кто-то сильно тряс её за плечо. С трудом разлепив глаза, девушка не удержалась и сомкнула их снова: свет фонаря был настолько ярким, что смотреть было невыносимо.

Сколько она пролежала тут, на этих досках, накрытая с головой вонючей и драной тряпкой? Час, два или больше? Успела даже уснуть, и слёзы высохли, но под глазами появились мешки, и нос был слегка заложен.

На корабле было тихо: никто не бежал, не гремел, ни кричал. Только этот неприятный глазу фонарь покачивался, мерзко скрипя, и море шумело за бортом. Стояла глубокая ночь.

- Вставай.

От родного голоса и руки брата на плече стало тепло, но девушка лишь тряхнула головой.

- Остаюсь тут.

- Не упрямься. Я места себе не находил, пока искал тебя. Уже собирался в воду прыгать, думал, вдруг ты утонула.

- Вот ещё. Ты же знаешь, я воды боюсь и никогда туда не полезу.

- Иногда мне кажется, что я тебя совсем не знаю... Вычудила сегодня - я со стыда чуть не умер. Вся команда была на уши поднята, и всё из-за твоей глупой выходки.

- Я знаю, - виноватым голосом выдавила Рики, поднялась и уткнулась носом в грудь брата.

- Перепугались все. Старикашка был белее снега. Лорд Стернс...

Рики спешно перебила Далена:

- Грозился меня убить, да?

Державшая фонарь рука подалась чуть в сторону, чтобы осветить лицо девушки. От неожиданности Рики вновь зажмурилась, а когда набралась храбрости приоткрыть один глаз, то увидела, с каким удивлением и одновременно милой улыбкой смотрит на неё брат.

- Чего смешного? - буркнула девушка. - Радуешься, что меня упекут в темницу, да? Хоть перестану создавать тебе проблемы.

- Не говори ерунды, - ответил Дален. - Никто не грозился ничем и никому. Стернс только сильно волновался, причём, за тебя, а не свою испачканную одежду. И это очень благородно с его стороны. Он первым понял, что ты от страха можешь наделать глупостей, и велел срочно тебя разыскать. Но ты тех глупостей всё равно наделала. Это ж надо из-за пролитого вина залезть в эту дыру! Тут крысы по тебе не шастали, нет?

- Вина? - Рики неуверенно пошевелила дрожащими от холода губами.

Далее притянул сестру к себе, крепко обнял и чмокнул в макушку.

- Пугливый воробей... Ну, получилось так, что пролила вино, зачем же сразу прятаться? Такая качка - любой прольёт, даже бывалый моряк. И Стернс ведь не зверь лютый, чтобы это не понять. Всё прекрасно понял и принял, и даже пошутил что-то там со стариком, а как узнал, что тебя нигде найти не могут, сразу в лице изменился.

«Вино? - Рики лихорадочно вспоминала недавние события. - Я врезала ему в грудь, при чём тут вино? Я врезала практически самому королю! А он... А он просто сделал вид, что ничего не произошло? Не может быть...»

- А... - Рики запнулась, выбирая, как лучше спросить, чтобы брат не заподозрил лишнего, - больше милорд ничего не говорил?

- О чём?

- Обо мне, например.

- Сестрёнка, если ты считаешь, что о твоей неуклюжести будут болтать днями, тем более, такие важные люди, как он, то ты о себе слишком высокого мнения. И так переполошила половину команды и меня чуть с ума не свела.

- Прости, - всё ещё не веря своим ушам, проронила Рики. - А он точно-точно ничего больше не

говорил? А пятно ты видел?

- По-твоему, я могу вот так просто взять и завалиться к Стернсу и сказать: «Не покажите ли вы мне, куда именно расплескала вино моя нерадивая сестрица»? Рики, да ты в своём уме? Скажи «спасибо», что он вообще вспомнил, как меня зовут. Хотя меня в тот момент это даже не тронуло - я спешил найти тебя.

Но Рики слушала брата по-своему и усиленно выстраивала в голове одну единственную сцену, детали которой ей были крайне важны.

- То есть, ты его видел и разговаривал с ним?

- И даже больше. - И Дален пояснил: - Поутру мы поговорим ещё раз. Стернс велел зайти к нему, как только он проснётся. Ух, сестренка, носом чую, разговор будет не просто о вине, и этой осенью я даже смогу как следует починить крышу на доме!

- Лучше бы о вине, - мигом скисла Рики.

- Уверен, он о нём уже давно забыл. Что пролитое вино по сравнению с тем, что мы для него сделали?!

Но Рики только тяжело вздохнула. Так тяжело, будто на сердце лежал тяжеленный камень, и сбросить его девушке никак не удавалось.

Гай поморщился и коснулся щеки тканевой салфеткой, оставшейся на столе после плотного завтрака. Светлый лён тут же впитал в себя капельки крови.

- Не трогайте, ваша светлость, - извиняющимся тоном зачастил Арно, рука которого дрогнула из-за сильной качки, а вместе с ней - и лезвие, в той руке зажатое. - Сейчас нанесу немного мази - вмиг пройдёт. Затем продолжим.

- Мы только начали, Арно, - с насмешкой напомнил Стернс, продолжая промокать порез. - Мне страшно представить, что будет в конце.

- Может, нанести на кожу больше масла и взять другое лезвие? Это скользит отвратительно.

- Я предлагаю просто прекратить все дальнейшие попытки. Я чудом избежал смерти на острове - как-то совсем не хочется теперь откинуться просто из-за того, что ваша рука дрогнет в неподходящий момент.

- Тогда я оботру вашу шею тёплым полотенцем с душистой водой. И ногти почищу. Вроде мелочи, а выглядеть будете лучше. Эх, - Арно вздохнул, рассматривая одежду, которая была принесена Стернсу, - ткани совсем не первого класса. Возникает острое ощущение, что рубашку сняли с простого горожанина. Возможно, чуток зажиточного, но никак не богатого. А для жилета портной пожалел пуговиц и серебряной нити.

- Мне же сегодня не жениться, - хмыкнул Гай, меняя позу в кресле и в очередной раз хмурясь от боли в спине.

- Просто вы так хотели, чтобы слухов и пересуд было меньше. А от цепкого взгляда прислуги и, вы уж меня простите, вашего дяди ни одна мелочь не ускользнёт... Сами знаете.

- Если только он уже в Торренхолле.

- Вы, кстати, не передумали ехать верхом?

- Нет.

- И вы, надеюсь, помните, что я рекомендовал вам отказаться от этой идеи?

- Не только ты.

- Я это повторил сейчас для того, чтобы, когда ваше тело пронзит нещадная боль, вы не грозили мне виселицей.

- Я не могу трястись в экипаже, как баба.

- Как и не можете позволить себе слечь ещё на несколько суток. А вот протрясётесь верхом - точно сляжете. Не сильно жжёт?

Лекарь приложил горячие полотенца к шее. Грубые тряпки сильно пахли ветивером.

- Терпимо, - отозвался Стернс. - Девчонка нашлась?

- Ещё ночью, милорд. Зарылась в парусину в каком-то дальнем углу, там и уснула. Её брат, кстати, уже полчаса как топчется у ваших дверей.

- Пусть зайдёт.

- Сейчас позову. А вы сидите, не двигайтесь. Тепло хорошо расслабит мышцы - вам это сейчас нужно.

Гайлард сделал глубокий вдох. Горячий пар, исходивший от полотенец действительно успокаивал и прогонял прочь разношёрстные и неприятные мысли.

Этой ночью Стернс спал отвратительно. Сколько ни старался заснуть, сон никак не шёл. В любую другую ночь можно было бы поворочаться с боку на бок, и рано или поздно организм сдался бы, но в последние ночи каждое движение напоминало о страшных событиях на острове и отдавало такой болью, что Гая начинало трясти. А ещё перед глазами, стоило только их закрыть, сразу возникало перепуганное лицо деревенской девчушки, посмевавшей замахнуться на своего господина.

Сколько же смелости в этой пигалице! Сколько неподдельного искреннего чувства! Каждая улыбка - к своему времени; каждая грусть - к своей печали. Движения и слова просты и естественны. И мысли чисты, как чиста родниковая вода, холодная и одновременно тем же холодом обжигающая.

Стернс выдохнул. Снова мысли о ней. Сколько же можно?

- Ваша светлость.

Гайлард перевёл взгляд с кубка, из которого вчера угощал Рики вином и на ободке которого засохли тёмно-красные капли, на появившегося в дверях Далена и произнёс:

- Мне доложили, что твоя сестра нашлась. Я рад, что с ней всё в порядке.

- Малышка просто перетрусилась, милорд. - Дален нервничал и теребил пальцами край своего жилета. - Вы уж её простите. Не каждый день приходится подносить вино высочайшей особе, тем более, в условиях такой качки.

- Тебе, верно, уже озвучили сумму, которую мой казначей выдаст тебе золотом, как только мы прибудем в Торренхолл? - сменил тему Гай.

- О вашем решении я узнал от вашего советника. От всего сердца благодарю вас за заботу о деревне.

- Надеюсь, этих средств хватит на лодки и компенсировать потерю Рина его семье?

- Смеётесь? Более чем!

- Я рад. И ещё более рад тому, что в моих землях живут такие смельчаки, как ты. Я как-то всегда считал, что в деревнях едва ли сыщется кто-нибудь, способный поднять хотя бы пику против угрозы чуть страшнее, чем одичалый катран. Поэтому твоя смелость меня покорила.

- Я просто сделал то, что должен был сделать. Любой поступил бы так же, будь он на моём месте.

Гай слегка поморщился от становившегося приторным обмена благодарностями и сказал:

- Возможно. Но на месте этого любого оказался ты, тебе я и предложу пойти ко мне на службу и получать жалование гораздо больше того, что ты зарабатываешь ежегодно на торговле рыбой.

Дален вцепился в край жилета и так его дёрнул, что чуть не оторвал обшарпанную кайму.

- Так ты согласен? - нетерпеливо спросил Гай.

Дален помотал головой.

- Простите, ваша светлость, но нет.

По выражению лица Гая трудно было разобрать, ждал он такого ответа или, напротив, разозлился, получив его. Корабль несколько раз качнуло, прежде чем Стернс соизволил хоть что-то произнести, а когда надумал, то прозвучало это легко и даже с некоторым облегчением в голосе.

- Ну что же, по крайней мере, я дал тебе шанс. Теперь о деньгах. Письмо для моего казначея возьмишь у Дагорма. Я велел ему всё подготовить. У тебя что-то ещё? - спросил Гай, видя, как

Дален не уходит, а топчется на месте.

- Простите, милорд, может, я не вовремя и не к месту, но... я бы...

- Смелее же. В тварь ты стрелял, не раздумывая, а тут при каждом слове блеешь.

- Ваша правда, лорд Стернс. - Дален улыбнулся. - В чудовище стрелять было как-то проще.

- Так что ты хотел?

- Я хотел просить вас о Рики.

Стернс напрягся.

- Что именно?

- Она хорошая девушка, очень открытая и бесхитростная, очень похожая на нашу покойную мать. Такая же маленькая и хрупкая, но сильная характером. Я старался заменить ей отца, когда наши родители умерли, но я не могу опекать её вечно. Я очень люблю её и хочу для неё лучшего будущего, чем то, что у неё есть сейчас или что может быть, если пустить всё на самотёк.

- И что от меня требуется?

- Видите ли, до отъезда из Ланимора я получил письмо. От некого Дуона Швидоу.

- Капитана городской стражи, - уточнил Стернс, слушая с неподдельным интересом и даже некоторым странным волнением.

- Именно, милорд. Так получилось, что прошлым месяцем Рики сбежала из дома, оказалась в Торренхолле и, уж не знаю каким образом, запала в душу этому человеку. В общем, в этом письме он сообщает мне о своих самых серьёзных намерениях в отношении моей сестры и просит её руки.

- Вот как, - с досадой в голосе сказал Гай. - Капитан городской стражи и девчонка-полотёрка...

- Нет-нет, она говорила, что обучалась при гарнизоне и даже числилась среди дозорных...

- Девчонка и на башнях? - воскликнул Стернс с такой нескрываемой иронией в голосе, что Дален сразу всё понял и помрачнел. - В любом случае, каков бы ни был её обман, если письмо не подделка, то прими мои поздравления. Капитан Швидоу - человек серьёзный, не гуляющий. Службой его я доволен и полагаю, твоей сестре будет с ним хорошо.

Дален выдохнул.

- Так и будет, ваша светлость. Такая партия... и для моей сестры. Сказать вам честно? Я уже готовился выдать её за кого-нибудь из деревенских моряков, да только никто не брал. А тут... так повезло!

Стернс натянуто улыбнулся.

- За девочку я рад. Но мне никак не идёт в голову, что я мог бы добавить к такой и без меня прекрасно складываемой ситуации?

- Понимаете, милорд... - волновался Дален.

- Не совсем, - ёрничал Гай.

- Капитан Швидоу - солидный человек.

- Верно. И он не всегда был капитаном.

- Прошлой ночью я расспросил о нём командира Нольвена. Я не смею судить о том, что произошло, но случившееся меня ничуть не огорчает. Наоборот. Будь он богатым лордом, Рики пришлось бы с ним несладко. А так его годовое жалование вполне приличное, чтобы содержать семью, но всё же оно слишком велико, чтобы Рики могла чувствовать себя уютно. Понимаете, ведь у неё ничего нет. Я даже бус за ней не могу дать, что уж говорить об остальном. Кому нужна голая жена даже без сорочки на ночь?

- Мне помнится, я распорядился дать тебе крупную сумму золотом...

- Те деньги пойдут на лодки, в первую очередь, и на мать и сестёр Рина.

- Продолжай.

- Рики преданно служила вам все те дни, что мы были на острове и на этом корабле, не оставляла вас и делала всё, что вы просили.

- Верно. Дальше.

- Может, вы могли бы пойти нам на встречу и за её старания выделить лично ей небольшую сумму на приданое? Пока мы будем в Торренхолле, мы могли бы купить ей всё необходимое для замужней жизни, и мне не было бы так стыдно перед её будущим мужем. Заранее прошу простить меня, если сморозил глупость и попросил больше обычного, но я не для себя... для Рики.

Гай барабанил пальцами по ручке кресла.

- Позови Дагорма, - распорядился он, когда барабанить надоело, и решение было принято.

- А Рики? - растерялся Дален.

- Зови старика.

Дагорм пришёл быстро: как будто всё утро только и делал, что торчал под дверью и ждал, когда его пригласят. Вытащив из нижнего ящика деревянного шкафа перо, чернильницу и хрустящую бумагу, придавил последнюю к поверхности стола статуэткой кита и приготовился записывать.

- Это уточнение к вашему распоряжению насчёт золота для деревни, милорд? - мимоходом любопытствовал советник.

- Нет. Это новое. Составь бумагу о назначении для сестры этого моряка годового содержания в размере тридцати крупных монет золотом.

- Это же целое состояние! - ахнул старик и покосился в сторону Далена, который и сам был удивлён не меньше. - Вы очень щедры, милорд.

- Это ещё не всё. Годовое содержание полагается ей только при условии сочетания законным браком с Дуоном Швидоу.

- С этим капитаном? - изумился старик.

- Именно.

- П-постояте, милорд, - вмешался Дален, - я просил только о нескольких монетах, чтобы купить приданое...

- Ты сам сказал, что твоя сестра верно служила мне все эти дни. К тому же вчера она сильно испугалась, и мне хотелось бы её немного порадовать. Никак не мог придумать чем, а тут ты подсказал.

- Благодарю, милорд, - только и смог вымолвить обескураженный Дален, совершенно растерянный и счастливый.

- Что-то ещё? - любопытствовал Гай, наблюдая, как Дагорм выводит последние закорючки.

- Куда уж больше, - пробормотал Дален, тоже следивший за каждым движением пера.

- Тогда все бумаги получишь по прибытии в Торренхолл. Мой советник составит текст, как полагается. На них будут моя подпись и печать.

- Ещё раз благодарю вас, ваша светлость. - Дален учтиво поклонился.

- Да, и передай сестре, чтобы она тоже ко мне зашла.

- Рики-то? Уже бегу, милорд. Велю прийти ей прямо сейчас.

- Нет. - Гайлард поморщил нос. - Пусть явится после обеда.

Корабль качало из стороны в сторону. Пустые миски елозили то вправо, то влево, но Стернс не обращал на них внимания. Обед остался давно позади, как и большая часть моря, и капитан сообщил, что скоро порт. Родной Нолфорт, родные стены Торренхолла. Прежняя жизнь, которая постепенно вытеснит из воспоминаний страшные события на острове и наполнит будни моментами счастливыми и солнечными.

Тугие застёжки на манжетах никак не поддавались. Не застегнулись они и на седьмой раз, и Стернс, плюнув, бросил с ними возиться и осторожно встал. Каждый шаг давался с трудом: если

идти слишком быстро, то боль была тут как тут; стоило начать ступать медленно, и Гайлард сразу начинал раздражаться и чувствовал себя беспомощной улиткой, ползущей на собственный закат.

Из-за двери послышалась нездоровая возня. Застыв у стола с картами, за край которого всегда можно было ухватиться, Гай смотрел на дверь и ждал, когда та неминуемо распахнётся и впустит в каюту того, кто активно орудовал локтями по ту сторону, громко возмущался и настаивал на том, чтобы стражники расступились и дали пройти. Когда в ход пошёл последний аргумент, что встреча назначена, неважно, одет милорд или нет, Гай понял, что осада двери вот-вот закончится. Наконец, петли не выдержали и скрипнули. К Стернсу влетела растрепанная Рики. Влетела и тут же замерла на месте. Красная, как рак, она вызывающе смотрела на Гая, взгляда не сводила, своего напора ничуть не смущалась и готовилась выплюнуть первые слова. Но Стернс её опередил.

- Наконец-то, - процедил он и провёл ладонью по широкому поясу, чтобы проверить, плотно ли тот прилегает к телу, не ослабел ли где ненароком, не висит ли куцей тряпочкой всем на смех.

- Вы... - Рики точно знала, какое слово вот-вот готовилось слететь с её губ, но всё не решалась на столь отчаянный шаг. - Вы...

- Смелее. С чего такая робость? Вчера тебя ничто не останавливало.

- Вы... и мой брат. Как вы оба посмели распоряжаться моей жизнью? Я вам не бездушная кукла, чтобы лезть ко мне, лапать меня, а потом дарить первому встречному. У меня тоже есть сердце, а вы... вы просто режете по нему ножом и смеётесь. Мстите за вчерашний удар? Так знайте, верни мы сейчас всё назад, я бы ещё раз так сделала. И да, я в своём уме и не боюсь ни вашей расправы, ни вас самого. Но поступать так, как поступили вы, это... подло!

- Сколько чувства, - насмешливо оценил Гай. - Тебе надо на сцене играть. Все будут верить и аплодировать. Всё что угодно сыграешь. О чём угодно зрителю соврешь. Одному - про обучение в гарнизоне; другому - про мытьё полов. Не так ли?

Рики стусевалась.

- Я просто хотела, чтобы брат мной гордился... - И тут же пошла в атаку: - А вы? Вы не врётё? Насочиняли тут всем про пролитое вино!

- И тем самым не дал никому повода над тобой насмеяться. Или ты мечтаешь, чтобы за спиной тебя называли гулящей девкой?

Рики прищурила глаза.

- Над собой, - выпалила она.

- Что?

- Не дали никому повода насмеяться над собой. Или вам приятно, когда за вашей спиной шепчутся о том, что деревенская простушка вас отвергла да ещё и поколотила?

- Одно моё слово, и ты сильно пожалеешь, - пригрозил Гай.

- А мне уже всё равно, - не сдавалась Рики. - Хотите упрятать меня в темницу? Так знайте, вы с братом уже упекли меня туда, продав этому таракану Швидоу! Вы хоть знаете, какой он... мерзкий?!

- Какая разница, если теперь ты сможешь жить в Торренхолле, как и мечтала? - издевался Стернс. - Твоему брату важно выдать тебя замуж, тебе - сбежать от опостылевшего деревенского быта. По мне, так другой возможности не предвидится.

- Другая возможность всегда будет; надо только терпеливо ждать. И я буду ждать. А пока буду продолжать морозить руки, стирая в студёной воде, и не надо мне ни слуг, ни перин, ни вашего содержания. Лучше умру старой девой и на кучке сырой соломы, но за Швидоу не выйду ни за что на свете! Ни за что!

- Не визжи, - неожиданно грубо оборвал девушку Стернс. - Верещишь так, что в трюме слышно.

Рики перевела дыхание и продолжала, но уже тише и менее страстно:

- Сами со своим тараканом живите, если вам рыжие нравятся, а я в сторонке постою.

- Рыжие мне как раз не по вкусу, - внезапно подхватил Гай, оторвал руку от стола и попробовал снова справиться с застёжками на манжете, - как и светловолосые пигалицы. - И бросил, хмурясь и кивая на непослушные рукава: - Застегни-ка.

Рики подошла и принялась возиться с застёжками. Первая далась легко, вторая упорно выскальзывала из пальцев.

- Может, вы всё-таки передумаете? Говорили же, что пока у Сэма голова на плечах, я с вами...

- Нет.

- Тогда заберите обратно те деньги, которые мне отписываете. Подачек мне не надо.

- И здесь нет, - отрезал Гай. - Верхняя застёжка просунута в петлицу лишь наполовину. Поправь.

Грустно сопя, Рики коснулась пальцами элегантной манжеты.

Корабль летел на всех парусах, приближаясь к берегам Нолфорта, как летело и время. Ещё несколько перевернутых песочных часов, и все ступят на берег, вернуться к своим привычным делам, и тогда изменить что-либо шанса уже не будет. Его и сейчас нет, но когда стоишь вот так рука к руке с тем, от кого всё зависит, то, кажется, что хоть одна возможность всё изменить да сыщется...

- Нашёл! - радостно сообщил отставивший свой арбалет к бочке стражник и разогнулся. - Нашёл, - повторил он, вытягивая руку и разжимая ладонь. На ней была крупная варёная горошина.

- Было бы чему радоваться, - проворчал его напарник, облизывая ложку и отставляя пустую миску в сторону. - Этого гороха в похлёбке куча была, а ты из-за каждой трясешься.

- Люблю горох, - причмокнул губами стражник. - А эта прямо изо рта выпала. Будто у меня в губе дырка.

- Дай-ка посмотрю, - напарник вперился изучающим взглядом в лицо любителя гороха и помотал головой. - Не-а, нету дырки. Только болячка вон там, в уголке рта.

- Это я ночью сидел, кусал, вот и накусал.

- Лучше бы ты горох ел... А это что? - взгляд стражника остановился на ещё одной миске, полной похлёбки и никем нетронутой.

- Ох, забыл. Этого-то тоже надо кормить. Следите за мной, парни, я открываю клетку.

Ключи зашумели в замке, плохо смазанные петли простонали, тарелка с едой была поставлена перед пленником, дверь - вновь закрыта, и ключи - повешены на крючок на стене.

- Он там хоть дышит? - спросил один из сидевших на страже, бородатый и сильно картавивший.

- Дышит, - ответил ему любитель гороха.

- Ты там всего ничего пробыл, даже пальцем его не ткнул.

- Там около него вот такая крыса ползает, - стражник развёл руки в сторону, показывая, какой примерно величины было мерзкое серое животное. - А я крыс того... побаиваюсь.

Рядом громко заржали.

- А горох с пола ты поднимать и жрать не побаиваешься? Крысы тут каждую ночь бегают и гадят. Глядишь, твоя горошина тоже могла в помёте извалиться.

Лицо паренька позеленело.

- Крысы он испугался, - ворчал бородатый, поднимаясь с бочки и направляясь к ключам. - Какой же ты воин, если при виде грызуна пищишь? Наше дело - стоять до последнего, а там хоть крысы, хоть василиски, хоть осьминоги... - Петли снова заскрипели. - Посвети-ка, а то тут можно и шею свернуть.

Тяжёлый фонарь был поднесён прямо к железным прутьям. Бородатый смельчак подмял сапогом солому и мешки, оглядел клетку, бросил взгляд на до сих пор полную похлёбки миску и двух одинакового размера крыс около неё - одна лежала с закрытыми глазами; другая тут же скрылась в одной из дыр в стене, откуда достать её было невозможно, - и растерянно пробормотал:

- А где мальчишка-то?

- Швартуемся, – произнёс Гай, пытаясь попасть руками в рукава дублета, который подала Рики, и нахмурился: – Что там за шум?

Рики повернула голову в сторону дверей, за которыми действительно стояла сплошная беготня и крики.

- Канаты крепят. – Пожала она плечами.

Гай прислушался.

- Похоже, что не только.

- Мне выглянуть и узнать?

- Пока будь тут. Если что-то серьёзное, мне скоро доложат.

- Кажется, действительно что-то серьёзное, – напряглась Рики, увидев, как открывается дверь.

В каюту ворвался Дагорм, всполошенный и без кровинки на лице. Увидев Гайларда, облегченно выдохнул и, сильно волнуясь, выдал:

- Хвала богам, вы живы.

- А не должен?

- Я изо всех сил спешил к вам. Боялся, что не успею.

- Что там? Причал поплыл, тросы рваные, или рулевой пьяный?

- Уж лучше бы и то, и другое, и даже всё вместе, чем... – Дагорм набрал в лёгкие побольше воздуха и выпалил: – Мальчишка исчез, ваша светлость. Нигде нет.

Стернс вцепился пальцами в руку Рики, и девушке передался его страх.

- Как исчез? Кто его выпустил? Кто открывал дверь?

- В том-то и дело, милорд, что никто. Когда в трюм приносили еду, я тоже заглянул туда. Мальчишка сидел в той же позе, что и раньше, и за прутьями. Потом один из стражников решил забрать миски, а там – никого. Только дохлая крыса валяется. И она... – Дагорм сглотнул, – без крови.

- Я же говорил тебе, старый идиот, что нужно было свернуть ему голову там же, на острове! – рассвирепел Гай. – Переверните корабль, но пацана найдите!

- Уже всех подняли на ноги, ваша светлость. Прочёсываем каждый угол и щель, но его нигде нет. Как в воду канул.

- Как он мог кануть в воду? – шипел Стернс. – Для начала ему надо было пройти через стражу. Эти болваны не могут быть с ним в сговоре? Ты их допросил?

- Всех до одного. Каждый клянётся, что мальчишка сидел за решёткой, а потом вдруг как растворился... Но мы его отыщем, обязательно отыщем. Хоть на судне, хоть под водой.

- Чтобы я когда-нибудь ещё тебя послушал...

Гай оттолкнул старика и, хромя, направился к выходу. В самых дверях остановился, оглянулся и поманил к себе Рики.

- Поедешь со мной в Торренхолл. В седле держаться умеешь?

Смятение на лице девушки сменилось лёгкой улыбкой.

- Конечно, умею! – воскликнула она и, подскочив к Стернсу, шёпотом спросила: – Вы всё-таки передумали?

- С тем содержанием, которое я тебе назначил, тебя Швидоу в любой день с распростёртыми объятиями примет. А пока не найдём пацана живым, а лучше мёртвым, я спокойно спать не смогу.

Рики улыбнулась сильнее.

В лицо подул лёгкий ветерок. Уже не пропитанный солью, а с запахом луговых трав. И волосы он не трепал, а ласково путал и играл ими.

Рики посмотрела на Стернса. Тот вглядывался в белые домики, начинающиеся сразу за причалом, в толпу, вышедшую поприветствовать своего господина, в развевающиеся по ветру флаги, поднятые быстро и по приказу. И в тот самый миг Рики могла поклясться, что при всей той тревоге, которой было омрачено лицо Гайларда, его губы вдруг слегка дрогнули, и на них заиграла едва уловимая улыбка, за последние дни по-настоящему счастливая...

Конец!